

ISSN 2312-9352

14+

Научный журнал

«PEM: Psychology. Educology. Medicine»

— • —

№№ 1.sr - 4. - 2014

(дайджест-вариант)

[“Пятьсот лет использования понятия
«Психология»”. Материалы
международной заочной научной
конференции]

Черногорск, 2014

Спецвыпуск «PEM: Psychology. Educology. Medicine» [ПЭМ: Психология. Эдукология. Медицина] является научно-практическим изданием.

ISSN 2312-9352 • • scientific journal.

П97

Как приложение к журналу «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» выходит с *03 окт. 2013.*

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации **ЭЛ № ФС 77-56160 от 15.11.2013.** РИНЦ: *Лиц. дог. № 453-07/2014*

Периодичность – до 4 номеров в год. Открытый доступ.

Электронная версия журнала (scientific e-journal) на издательской платформе RAE Editorial System в свободном доступе по адресу:

URL: <http://pem.esrae.ru/> и URL: <http://bulletinppfdc.1gb.ru/>

Л.Ф. Чупров (гл. редактор, учредитель), К.Г. Языков (зам. гл. редактора).

Редакционная коллегия: М.В. Воропаев, А.А. Кроник, В.Г. Морогин, Т. Попов, Н.В. Родина, Е.К. Янакиева.

Ответственный секретарь А.С.Щукин.

Выпускающий редактор Г.В. Вержибок, 2014.

Адрес редакции:

655158 Россия, Хакасия, г. Черногорск, ул. Калинина, дом 15, кв. 67.

Для авторов Ichpr@rambler.ru (главный редактор журнала),

OtvetSec@ya.ru (ответственный секретарь журнала).

Подписано в печать 30.12.2014 (Online)

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

© Авторы сообщений, 2014.

© А.А. Кроник, Л.Ф. Чупров (составители), 2014.

Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.

При использовании материала ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.

Регистрационный номер - 07N-45-SH.

Об этом номере журнала (вступительное слово главного редактора)

Этот специальный выпуск ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine» объявлен, как «дайджест» вариант. В определенной степени он таковым и является, поскольку объединяет все те материалы, что были получены объединенной редакцией по одной теме.

Итак, о теме выпуска.

В 2014 г. редакция ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine» и научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» совместно с Институтом каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США) решились на беспрецедентной шаг: провести годичную международную научно-теоретическую конференцию по истории психологии, приуроченную к весьма значимому событию.

500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПСИХОЛОГИЯ»

500 YEARS OF USING THE CONCEPT OF «PSYCHOLOGY»

Было решено, что это будет **Сборник материалов международной научной (заочной) конференции**, сама конференция продлится целый год.

Оргкомитет конференции

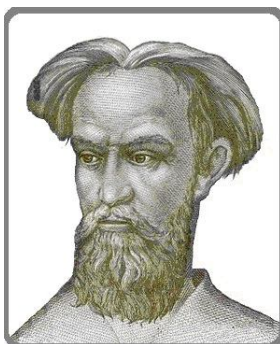
Галина Вержибок, кандидат психологических наук (Минск, Беларусь)

Евгений Головаха, доктор философских наук (Киев, Украина)

Александр Кроник, доктор психологических наук (Бэфесда, США)

Наталья Родина, доктор психологических наук (Одесса, Украина)

Леонид Чупров, кандидат психологических наук (Черногорск, Россия)

**«500 ЛЕТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ
«ПСИХОЛОГИЯ» В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ,
НАУКЕ И ПРАКТИКЕ *по факту первого
упоминания этого понятия в библиографии
работ Marko Marulic*»**

Идею одобрили члены «Сетевого сообщества экспертов-психологов» портала Лаборатории «Гуманитарные технологии»

Информационную поддержку этой идеи предоставили «Психологическая газета» ¹, Сайт «Флогистон» ², Молодёжный портал «Ломоносов» (<http://lomonosov-msu.ru/rus/event/2269/>) и др.

То, что из этого вышло – предлагаем на суд читателей.

¹ Информация о конференции размещена на сайте «Психологической газеты» URL: <http://www.psy.su/conferences/4132/>

² URL: <http://flogiston.ru/articles/general/psychology500years>

Рецензенты:

Васютинский Вадим Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии масс и сообществ Института социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины (Киев, Украина).

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия).

- П99 Пятьсот лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года – 30 декабря 2014 года) / под ред. А.А. Кроника, Л.Ф. Чупрова. // ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. - №№ 1.sr-4 (дайджест). – 244 с.

В сборнике представлены материалы организованной научным журналом «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» и ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine» совместно с Институтом каузометрии LifeLook.Net научной конференции, посвященной 500-летию использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic). Эта первая «юбилейная конференция» по истории психологии привлекла внимание плеяды исследователей из России, Беларуси, Узбекистана, Украины, США, материалы которых (теоретические и экспериментальные статьи, эссе и краткие сообщения) и составили основу данного сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этом выпуске журнала (вступительное слово главного редактора).....	3
Кроник А.А., Чупров Л.Ф. Уважаемые читатели, дорогие коллеги.....	8
Чупров Л.Ф. Пять веков плодотворной идее (к 500-летию понятия «Психология»).....	9

К истории понятий

Кроник А.А. 500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ: мысли по поводу и мини-опрос.....	12
Насиновская Е.А., Шмелёв А.Г., Чупров Л.Ф., Кроник А.А., Тукачёв Ю.А. Фрагменты обсуждения сообщения А.А. Кроника в Экспертном Интернет-Сообществе Психологов.....	15
Рыбалка В.В. К вопросу об уточнении значения категории «психология».....	19
Сальникова Н.Е. Понятия «психология» и «душа» в житнетворчестве психолога на основе анализа книги Евгении Елизаветиной «Золотой ребенок. Исповедь психолога».....	23

К истории проблем

Батыршина А.Р. Периодизация отечественной истории психологии воли: принципы и критерии построения.....	29
Вержибок Г.В. Наследие И.С. Кона: дифференциация и многообразие гендерных отношений.....	33
Клыпа О.В. Социокультурная детерминанта генезиса русской психологии.....	39
Кононенко О.И. Теоретические модели изучения перфекционизма личности в зарубежной психологии	42
Корниенко А.Ф. Наукой о чем является Психология?.....	50
Сильченко И.В. Исторические аспекты проблемы осознания и переживания внутригрупповых взаимоотношений в отечественной психологической науке.....	55
Хакимова Г., Аvezов Ш. К вопросу эволюции художественного сознания	60
Чагова М.А. История и современное развитие проблемы толерантности к неопределенности в психологической науке	65
Чупров Л.Ф. Эти стремительные 90-е (эссе о развитии психологической службы в Хакасии).....	74
Шадричева А.И. Особенности межличностной аттракции юношеского возраста.....	78

К истории методов

Кроник А.А. Проективные методы в исследовании личности.....	85
Родина Н.В. Рисуночный тест Вартега. История создания и развития метода.....	90
Романов И.В. История развития Q-методологии в контексте изучения субъективного восприятия.....	97
Сабанин П.В., Чупров Л.Ф. Стандартизированной методике (тесту) Е.Ф. Замбацявичене - 30 лет.....	105
Стоюхина Н.Ю. Методы исследования эффективности воздействия рекламы и плаката в советской психотехнике.....	112

К истории психологов

Брискин Дж. Моя профессиональная генограмма.....	124
Данилов Ю.С., Белобрыкина О.А. Сущность психологического механизма мотивации по В. Г. Леонтьеву	132
Чупров Л.Ф. Певзнер, Мария Семёновна – штрихи к биографии.....	138

Психология на распутье:

конструктивизм, теология, философия науки, практика

Головаха Е.И., Кроник А.А. Концепция психологического времени и принципы конструктивной психологии (от интроспективной реконструкции к конструированию знания).....	157
Зеличенко А.И. Психотеология: попытка неклассической интерпретации библейских текстов.....	160
Мазилов В.А. Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея.....	179
Сальникова Н.Е. Психология будущего сегодня. Психологическая служба в образовательном учреждении	184

Научный архив

Кроник А.А. У истоков психологии (1986, 1987).....	202
Чупров Л.Ф. Психологическое просвещение психологов и психотерапевтов Черногорска (анализ публикаций за период 1984-2003 гг.)	206
Послесловие или постскриптум	228
Авторы /Authors	233/236
СОДЕРЖАНИЕ / TABLE of CONTENTS	6 /238

— • —

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Предыстория нашей конференции начата с интернет-обсуждения темы «500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ: мысли по поводу и мини-опрос» в Экспертном Сообществе Психологов, апрель-декабрь 2013 года. В качестве введения в сборник материалов представлено самое первое сообщение этого обсуждения. Мы приглашаем вас продолжить обсуждение тематики в личном общении на сайте конференции и на блоге: <http://services1.ht-line.ru/sref.php?3UV5Q9UVUK2DY=226615>

Приглашаем каждого читателя принять также участие и в мини-опросе, который предложен на этом же блоге, как определенный способ отметить 500-летие ответами 500 человек на один лишь вопрос-запрос: во фразе «500 лет названию... «ПСИХОЛОГИЯ» вместо троеточия напишите, пожалуйста, что-то своё, самое подходящее с Вашей точки зрения. С Вашей помощью мы надеемся завершить опрос и сообщить его результаты в юбилейном 2014 году.

Сопредседатели конференции А.А.Кроник, Л.Ф.Чупров
© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

— ● —

СПИСОК 27 психологов, участников конференции

Ш. Аvezов (Бухара), А.Р. Батыршина (Набережные Челны), О.А. Белобрыкина (Новосибирск), Дж. Брискин (Колледж Парк), Г.В. Вержибок (Минск), Е.И. Головаха (Киев), Ю.С. Данилин (Новосибирск), А.И. Зеличенко, О.В. Клыпа (Магадан), А.А. Кононенко (Одесса), А.Ф. Корниенко (Казань), А.А. Кроник (Бэзфесда), В.А. Мазипов (Ярославль), Е.Е. Насиновская (Москва), Н.В. Родина (Одесса), И.В. Романов (Москва), В.В. Рыбалка (Киев), П.В. Сабанин (Москва), Н.Е. Сальникова (Санкт-Петербург), И.В. Сильченко (Гомель), Н.Ю. Стоюхина (Нижний Новгород), Ю.А. Тукачев (Екатеринбург), Г.А. Хакимова (Бухара), М.А. Чагова (Черкесск), Л.Ф. Чупров (Черногорск), А.И. Шадричева (Кинешма), А.Г. Шмелев (Москва).

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 15.01.07

ПЯТЬ ВЕКОВ ПЛОДОТВОРНОЙ ИДЕЕ (к 500-летию понятия «Психология»)

Л.Ф. Чупров. Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири
(Черногорск, Россия), e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Стала «крылатым выражением» фраза Г. Эббингауза (H. Ebbinghaus), немецкого философа и психолога, относящаяся к началу XX столетия, о том, что «психология имеет короткую историю и долгую предысторию». Вещи, предметы и явления обретают свой смысл и внутреннее содержание, лишь тогда, когда они наделяются именем. Именно эту задачу выполнил, подобно праотцу Адаму в шестой день творения, и Marko Marulic. Именно благодаря этому великому сыну хорватского народа около 500-т лет назад наука, а позднее и практика, обрели свое название как «психология» и, вероятно, есть все основания считать с этого момента окончанием предыстории и началом истории психологии [4].

Такой точки зрения придерживается группа ученых, организовавших международную годичную периодическую научную конференцию по истории психологии: «500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)». Конференция работает на базе научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия) при поддержке и участии Института каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США), «Экспертного Сообщества Психологов» в составе организационного комитета и коллегии рецензентов.

Первой сессии конференции предшествовал экспресс-опрос, который продолжается и будет проходить до окончания конференции в «Экспертном Сообществе Психологов»: URL: <http://services1.ht-line.ru/surveys/index.php?page=respond&user=kronik&object=s13042801>

Результаты первой серии обработки этого опроса обобщены в сообщении «500 лет названию ... Психология: мысли по поводу и мини-опрос» (А.А. Кроник) [1, с. 9-12]. Продолжение обсуждения в коллективной статье «Фрагменты обсуждения сообщения А.А.Кроника в Экспертном Ин-

тернет-Сообществе Психологов» (Е.А. Насиновская, А.Г. Шмелёв, Л.Ф. Чупров, А.А. Кроник, Ю.А. Тукачёв) [1, с. 13-17].

В первой (зимней) сессии конференции приняли участие 17 ученых из России, Украины, Беларуси, США и др. стран, в процессе подготовки и проведения конференции обозначились и уточнились те разделы проблемы истории психологии, которые представлены в данном номере: «К истории понятий», «К истории проблем», «К истории методов», «Психология на распутье: конструктивизм, теология, философия науки» [1].

Географию участников второй сессии представили ученые из России, Украины, Болгарии, США. На этой второй (весенней) сессии в поле зрения участников были сообщения перечисленные в [2]. В частности, это темы: «К истории понятий», «К истории проблем», «К истории методов», «Психология в рецензиях», «Научный архив».

Как в пропаганде и просвещении эффективность зависит от «качества лекторов», так и круг обсуждаемых тем и вопросов на любой конференции зависит от состава и научных предпочтений ее участников. Несмотря на то, что интерес к истории в целом и к истории науки, в частности, в последнее время довольно низок, а исторические изыскания не входят в число приоритетной тематики, организационному комитету удалось привлечь внимание участников к обсуждению ряда проблем и частных вопросов.

По состоявшимся двум сессиям можно сделать некоторые выводы. В центре внимания, как и пять веков назад, и весь период предыстории научной психологии, остается актуальным анализ содержания понятий «психика» и «душа». Эти вопросы обсуждаются как в теологическом, так и информационном плане. Персоналии отечественной психологии пополнились исследованием творчества И.С. Кона, В.Г. Леонтьева. Несомненный интерес вызывает тематика ранних этапов развития психологической мысли в отечественной психологии, в частности, предтечи психологии труда, инженерной психологии и эргономики – психотехники.

В определенной степени, возрождением забытых страниц традиции отечественной психологии является такое ее направление, как психологическое просвещение [3]. Актуальность и значимость последнего продиктована тем, что психология в России вышла из тесных стен аудиторий университетов и стала массовым направлением в психологическом обеспечении населения. Это направление работы, интенсивно развивавшееся усилиями отечественных психологов в 20-30-е годы, несколько утратило свои позиции в последующем, а ныне еще ждет своих энтузиастов, поскольку

осуществляется на чисто добровольных началах и вне рамок обязательной отчетности перед контролирующими структурами.

Литература:

1. Кроник А.А., Чупров Л.Ф. (соредакторы). 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Междунар. (заочной) науч. конф. (Черногорск, 12 января 2014 года) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 1.sr; [Электронный ресурс]. – URL: pem.esrae.ru/2-4 (дата обращения: 06.06.2014).

2. Кроник А.А., Чупров Л.Ф. (соредакторы). 500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Междунар. (заочной) науч. конф. (Черногорск, 27 апреля 2014 года) / под ред. А.А. Кроника, Л.Ф. Чупрова // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. Приложение: «PEM: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. – № 2. sr; [Электронный ресурс].

3. Чупров, Л.Ф. Психологическое просвещение в работе практического психолога / Л.Ф. Чупров // Современные проблемы науки и образования. Педагогические науки. – 2008. – № 6 (Приложение к журналу). [Электронный ресурс]. URL: <http://online.rae.ru/258> (14 июля 2008).

4. *Krstic, K.* Marko Marulic – The Author of the Term «Psychology» / *K. Krstic* // First published in *Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagrabienensis*. – 1964. - №36, p. 7-13. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm>.

© Л. Ф. Чупров, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

УДК 159.9

500 ЛЕТ НАЗВАНИЮ ... ПСИХОЛОГИЯ: МЫСЛИ ПО ПОВОДУ И МИНИ-ОПРОС

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

Кто ввёл термин психология?

С первого курса я думал, что это был Ян Прохазка в Польше средних веков – так говорила, помнится, на своих вдохновенных лекциях в Киевском университете проф. Л.И. Марисова, вдохновлённая Ананьевым и вдохновляющая нас, студентов-психологов, в начале 1970-х. Но никаких других источников о нём я, увы, не имел и в интернете ничего о нём не нашёл.

Зато обнаружил имя Марко Марулич – Marko Marulic, 1450-1524 [1]. Марулич написал труд, *Psichiologia de ratione animae humanae* [2], и он считается первым, кто ввёл термин “психология” в таком написании [3]:

Psichiologia

Труд этот не сохранился, но его название имеется в рукописной библиографии 18 работ Марулича (см. на стр. 232), которую составил его младший друг-современник Франжио Бозичевич-Наталич (Franjo Bozicevic-Natalic, 1469-1542, годы жизни указаны по [4]). Обо всём об этом можно подробнее почитать в статье: K.Krstic. *Marko Marulic – The Author of the Term “Psychology”* [5].

В библиографии Марулича труд *Psichiologia de ratione animae humanae* упоминается между названиями двух других рукописей: *On the Kings of Dalmatia* (1510 год) и *Davidias* (1506-1517?). Эти даты указаны на сайте Marulianum [6]. Там же, в хронологии жизни и работ Марко Марулича [7], работа *Psichiologia de ratione animae humanae* (*Psychology, On the Nature of the Human soul*) датируется годами 1510-17. Если всё это так, то «наш труд» был создан, вероятнее всего, между 1510 и 1517 годами. Юбилейные именины либо «скоро» грядут, либо «сейчас» отмечаются, либо «недавно» незамеченными оказались: 500 лет нынешнему имени

нашей науки (у нее, конечно, и другие имена были и, возможно, другие будут, но сегодня это «наука о душе»).

Надежда всегда есть, что «рукописи не горят» и труд Марулича найдётся, о чем пишет K. Krstic в своей статье: “The work «Psihologija» is known so far only from Bozicevic's list but the possibility of its being found in manuscript or even in printed form some day cannot be excluded” (“Работа «Психология» известна пока только из списка Бозичевича, но возможность её обнаружения когда-нибудь в рукописи или даже в напечатанной форме не может быть исключена”). Думаю, что вероятность этой находки станет намного выше, если мы объявим уже сейчас 500-летие нашего союза под именем «психология».

Честь изобретения слова «психология» принадлежит ему - Marko Marulic, о чем уверенно пишет H. Vande Kemp в журнале «American Psychologist» 1980 года [8] и, с некоторыми сомнениями, Fernando Vidal в своей книге 2006-11 годов «The sciences of the soul: the early modern origins of psychology» [9].

Так что, благодаря Маруличу, у слова «психология» первое пятисотлетие! А в качестве “формально-юбилейного” наиболее подходящим, на мой взгляд, является именно этот год: 2014-й.

Мини-опрос

Приглашаю каждого читателя принять участие в одно-минутном интернет-опросе [10] и отметить 500-летие ответами 500 человек на один вопрос: “Во фразе *500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ* вместо троеточия напишите, пожалуйста, что-то своё, самое подходящее с Вашей точки зрения».

К 10 января 2014 года своими представлениями о том, что же такое “психология”, поделись 24 человека (включая автора) – соавторы, коллеги по Экспертному Интернет-Сообществу Психологов, некоторые участники конференции и другие. Спасибо всем вам, первые откликнувшиеся: Шмелев А.Г., Чупров Л.Ф., Насиновская Е.Е., Белобрыкина О.А., Исмагилова Ф.И., Еремеев Б.А., Шаманская Т.Б., Давыдов Д.Г., Фотекова Т.А., Балакирева Г.В., Коняева А.П., Родина Н.В., Головаха Е.И., Попова О.С., Ортонова В.Б., Тукачев Ю.А., Морогин В.Г., Ахмеров Р.А., Аникеев-Аткарский В., Сергеева А.В., Кутеева Е.Н., Сараева Н.В.

Всего получено 36 ответов. Число «36» – это, одновременно, каузометрическая константа, которая определяет границы круга значимых событий. А каждый ваш ответ, коллеги, для меня, как автора мини-опроса,

это своего рода событие: 36-м стало понимание психологии как «гипотезы». Что ж, может следующих 500 лет будет достаточно для проверки этой гипотезы?

С самых разных точек зрения всех 24-х ответивших, «психология» – это: наука того или иного вида (12), понятие или термин (6), система знания или область познания (4), искусство того или иного вида (3), гипотеза (1), иллюзия (1), картина мира на планете (1), мера чрезвычайной ответственности (1), призвание (1), проект (1), профессия (1), целая эпоха (1). Плюс 3 уникальных ответа, после одного из которых название данной статьи выглядело бы так: «500 лет названию, но нет в тебе Души, Самости, а одни лишь личности, т.е. социально типичное, ПСИХОЛОГИЯ». К счастью, своя Душа и своё мнение есть у каждого из нас.

Автор надеется завершить опрос в этом юбилейном году.

Литература:

1. Марулич, Марко – словарная статья: http://ru.wikipedia.org/wiki/Марулич,_Марко.
2. Marulic, Marko. *Psichologia de ratione animae humanae* / M. Marulic. – 1510-17 гг.
3. Zubrinic, D. Croatian Humanists, Ecumenists, Latinists, and Encyclopaedists / D. Zubrinic. – URL: <http://www.croatianhistory.net/etf/lat.html#maru>.
4. Jovanović, Neven. *Vita Marci Maruli Spalatensis per Franciscum Natalem concivem suum composita (Životopis Marka Marulića Splićanina, sastavio njegov sugrađanin Frano Natalis)* / N. Jovanović // *Leksikon hrvatske književnosti – Djela*, 2007. – URL: <https://bib.irb.hr/prikazi-rad?lang=EN&rad=287891>.
5. Krstic, K. Marko Marulic – The Author of the Term «Psychology» / K. Krstic // *Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagabiensis*. – 1964. – No. 36. – P. 7-13. – См. гиперссылку: <http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm>
6. Marko Marulich. – URL: http://www.knjizevni-krug.hr/marulianum/mm_index.asp.
7. Chronology of the life and works of Marko Marulic. – URL: http://www.knjizevni-krug.hr/marulianum/mm_chronology.asp.
8. Kemp, H.V. Origin and evolution of the term Psychology: Addenda / H.V. Kemp // *American Psychologist*. – 1980. – N. 35(8). – P. 774. – URL: <http://atapple.com/cogpsy/background/origin-cognitive-psychology>.

9. Vidal, F. The sciences of the soul: the early modern origins of psychology / F. Vidal. – Chicago: University of Chicago Press, 2011. – P. 25. – (Перевод с первого издания на французском языке, 2006).

10. Кроник А.А. Мини-опрос “500 лет названию ... Психология” / А.А. Кроник. – М.: HR-Лаборатория «Гуманитарные Технологии», 2013. – URL: <http://services1.ht-line.ru/surveys/index.php?page=respond&user=kronik&object=s13042801>.

© А.А. Кроник, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]³.

УДК 15 (09)+(075)

ФРАГМЕНТЫ ОБСУЖДЕНИЯ СООБЩЕНИЯ А.А. КРОНИКА

«Кто ввёл термин психология?»

от 21 апреля 2013 года

в Экспертном Интернет-Сообществе Психологов

в рамках темы «500 лет названию ... психология»

<http://services1.ht-line.ru/sref.php?3UV5Q9UVUK2DY=226615>

***Насиновская – Кронику, 5 ноября 2013: Факт, что поэты идут
впереди, греет душу***

Традиционно, в учебном процессе и при обучении студентов называется имя немецкого философа и ученого-энциклопедиста 18 века Христиана Вольфа (1679–1754), в работе которого, якобы впервые, появился термин «психология». Эта точка зрения является наиболее распространенной. Одним из учеников Х. Вольфа был М.В. Ломоносов.

Другой точки зрения придерживается ряд историков психологии

³ У публикаций в печатном варианте №4. – 2013 стоит пометка с датой «подписано в печать 23.01.2014».

(А.Н. Ждан, Е.Е. Соколова и др.). По их мнению, авторами этого термина были немецкие схоласты XVI столетия Рудольф Гоклениус и Оттон Касман. Гоклениус ввел в научный оборот термин «психология» в 1590 году. Впоследствии его ученик Касман использовал этот термин в названии своей работы «*Psychologia anthropologica*» (1594 г.). Он считается первым, кто в современном научном смысле употребил слово «психология», разделив антропологию, т.е. науку о человеке, на две части: психологию и соматологию. В соответствии с датой 1590 года, следовало бы отметить 400-летие психологии в 1990 году. 500-летие будет, соответственно, в отдалённом от нас, 2094 году.

Что касается Марко Марулича (1450-1524), хорватского средневекового поэта и гуманиста, «отца хорватского ренессанса», то, по временному критерию, он «имеет право» на приоритет введения термина «психология». Как Вам известно, его произведение *Psichiologia de ratione animae humanae*, написанное на латинском языке, содержит древнейшую из известных литературных ссылок на термин «психология». Но литературно-художественное описание «души» еще не означает научную трактовку. Поэтому представляется, что, пока упомянутое произведение Марко Марулича не стало известно широкой психологической общественности, вряд ли Марулича признают создателем научного термина «психология». Всё же сам факт, что поэты идут впереди в деле познания человеческой души, греет последнюю.

Шмелёв – Кронику, 6 ноября 2013: Пора готовиться к 2500-летнему юбилею

Кстати... не знаю точно (так как не знаю греческого), каким словом пользовался Аристотель в названии своего знаменитого трактата «О душе», но думаю, что, скорее всего, греческим термином «психе» (греч. ψυχή), а уж термин «логос» в те времена тоже был известен. Так что, дело у товарища Аристотеля оставалось совсем за малым – механически соединить 2 этих слова. Не исключаю, что где-то в других текстах или в устной речи Аристотель это уже сделал. Предлагаю начать готовиться к 2500-летнему юбилею слова ПСИХОЛОГИЯ. Если прямо сейчас начнем, то тогда есть шанс лет через 150 как раз успеть вовремя :).

Чупров – Шмелёву, 6 ноября 2013: Не доживем, думается мне, до этой даты

Всплыл по ассоциации классический анекдот про Хаджу (Моллу)

Насреддина.

Помните, он вороненка принес, чтобы убедиться, правда ли люди говорят, что ворон живет 300 лет. Не доживем, думается мне, до этой даты написания Аристотелем трактата «О душе». Я тут с коллегами посоветовался и надумали мы – а не отметить ли 500-летие всем ФАНОм назло?!

Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» проводит международную научно-теоретическую конференцию по истории психологии: «500-летие использования понятия «Психология» (по факту упоминания его Marko Magulic) в науке, литературе и практике».

Кроник – Шмелёву, 6 ноября 2013: 500 сейчас, 2500 попозже

Одно другому не мешает: в этой жизни 500, а в следующей 2500 можно правнукам оставить или тем, кому с реинкарнацией повезет (но нирвана всё же предпочтительнее :). Что касается замечания Л.Ф. Чупрова, то это недоразумение мы уже сняли ссылкой на до-интернетовскую публикацию 1964 года (см. комментарии 12, 13). Как известно, я не был большим поклонником календарей и часов, но времена меняются. Для выживания и развития любого сообщества (в том числе, профцеха психологов) временной консенсус важен, единство временных ориентаций существенно. Поэтому, в любом случае, надо договориться хотя бы об условной «дате рождения» и «свидетельстве о рождении» сообщества: хоть на греческом языке, хоть на латыни, хоть на русском, хоть на санскрите, хоть на иврите. Но, поскольку именно название «psychology» стало международным, то есть смысл начать с его 500-летия.

Чупров – Кронику, 6 ноября 2013: Психология как дитя с седидами

На склоне лет меня озаарило, что психология, в отличие от иных наук и практик, сразу предстает как родившееся дитя с седидами и старческими морщинами. Сразу, как экспериментальная. А, между тем, у нее богатейший донаучный период, период детства, который столь же ценен для ее развития, как период детства для развития личности. Почему-то основатели научной психологии сразу вырвали новорожденного из пеленок, периода сказок, мифов, преданий и, лишив детства, стали обучать методам матстатистики. Может по этой причине, и смотрят на психологов, как на инопланетян, и больше доверяют всяким колдунам,

шаманам, гадалкам, поскольку последние имеют корни в «идеологии детства», а психологи настойчиво «взрослеют»?

Шмелёв – Чупрову, 6 ноября 2013: Длинное детство и метод моделирования

Вполне свежий взгляд (для меня) на историю психологии. Я совсем не специалист в области истории психологии, но «образ длинного детства» меня просто воодушевил. И не потому, что это дает преимущество колдунам. А потому, что «длинное детство» – это то, что требуется более высокоразвитым существам. Так что ... будем верить, что в будущем наша наука достигнет высочайшего интеллектуального уровня, ибо лестница к нему вела длинная, многовековая и очень запутанная. А то, что психологии придется использовать далеко не только матстатистику, но и метод моделирования (инженерный способ познания) – я не сомневаюсь. Метод моделирования – это тоже вполне научный метод, соответствующий ключевому критерию воспроизводимости силами независимых исполнителей. Думаю, что хозяин этого блога со мной согласится. Да и с Вами.

Кроник – Чупрову, 6 ноября 2013: О психологии без морщин

Склона лет, бывает, нет; есть подъем, о котором писал Герман Гессе: «все круче поднимаются ступени...». Что касается «психологии без морщин», почитайте мою рецензию «У истоков психологии» на книги В.А. Роменца по истории психологии с античных дней: «Психологический журнал», 1986, том 7, N 4, стр. 150-152. Концепция Роменца – лучшее, что есть! Мне посчастливилось быть его студентом; прочитав рецензию, он пожалел, что я не стал историком психологии. Может, когда-нибудь, «каузометрия психологии» наверстает упущенное.

Кроник – Шмелёву, 7 ноября 2013: Пора переходить в период молодости

Согласен на все 100% с идеей «длинного детства для высокоразвитых существ», в том числе, для психологии в лице ее конкретных представителей. Но, поскольку и такие существа не вечны, из длинного детства пора переходить в творчески-работоспособный период молодости. 500 лет для этого вполне достаточно :).

Тукачев – Чупрову, 14 ноября 2013: Самое длинное название

Леонид Федорович, это самое длинное название конференции,

которое я когда-либо встречал :) Поддерживаю инициативу...

Участники обсуждения:

© [Кроник] Кроник Александр Александрович – доктор психологических наук, директор Института каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США).

© [Насиновская] Насиновская Елена Евгеньевна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Московского государственного университета (Москва, Россия).

© [Тукачев] Тукачев Юрий Александрович – руководитель, психолог-профконсультант. Психологический центр «Точка роста» www.tr-center.ru (Екатеринбург, Россия).

© [Чупров] Чупров Леонид Федорович – кандидат психологических наук, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия).

© [Шмелёв] Шмелев Александр Георгиевич – научный руководитель Лаборатории «Гуманитарные технологии», профессор МГУ (Москва, Россия).

© Институт каузометрии LifeLook.Net, 2013.

© Лаборатория «Гуманитарные технологии», 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— ● —

УДК 159.955.2:154.032

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПСИХОЛОГИЯ»

В.В. Рыбалка. Институт педагогического образования и образования взрослых Национальной академии педагогических наук Украины (Киев, Украина), *e-mail: rybalkavv_ps@mail.ru*

Опыт профессионального использования категории «психология» с необходимостью требует уточнения ее значения, что вызывается

серьезными, но не учтенными до сих пор данными по этой проблеме. Анализ хрестоматийного утверждения о происхождении этого понятия от греческих слов *psyche* (душа) и *logos* (наука, учение) вызывает все большее сомнение и желание прояснить, дополнить его значение. Традиционная трактовка психологии как науки только о душе, чему способствовали сначала трактат «О душе» Аристотеля, а впоследствии аргументация Ф.Меланхтона, Х.Вольфа, Р.Геккеля (Гоклениуса) и др. мыслителей при введении термина «психология» в научный обиход, уже представляются недостаточными. Вопрос об уточнении значения понятия психологии особенно отчетливо встал после известного утверждения Гегеля, высказанного им в «Философской пропедевтике» – о том, что психология изучает «дух, взятый в соответствии с определением его деятельности внутри себя самой» [3]. Другими словами, психология предстает после этого утверждения классикой, также как наука о духе, хотя Гегель не пояснил, что делать с традиционным представлением о психологии как науке о душе. Мы считаем возможным объединить эти две версии в одну и трактовать психологию как науку о душе и о связанном с ней определенным образом духе. Препятствием для этого могла бы выступить интерпретация понятия «логос» (входящего в состав термина «психология») как обозначающего термин «наука» или «учение». Однако это смысловое противоречие может быть снято, если мы из многочисленных значений слова «логос» (а их около двух десятков) выберем те, которые могут быть объединены в понимании логоса именно как духа. Иначе говоря, термин «психология» может быть интерпретирован как состоящий как минимум из двух понятий – «душа – дух».

Для последующего уточнения значения понятия «психология», если придерживаться его указанной составной этимологии, важно учесть особенности представления о духе того же Гегеля, который рассматривал его в контексте антропологии, феноменологии и собственно психологии. В этой тройственной сфере познания духа берет свое начало различение и одновременно понимание единства духа, души и тела. Об этом свидетельствуют последующие исследования ученых, но особенно четко это проявилось, на наш взгляд, в работах известного хирурга, философа, педагога, психолога и теолога В.Ф. Войно-Ясенецкого (он же – святитель Лука). В работе В.Ф. Войно-Ясенецкого «Дух, душа и тело» было показано единство этих понятий и с этой точки зрения психология (учитывая также появление как одного из ее важных современных разделов психосоматики) выступает именно как та же наука о душе, то есть одухотворенном,

непрерывно одухотворяемом и духопорождающем мозге, являющемся частью тела, то есть, иначе говоря, как наука о душе (или психосоматическом органе тела), оперирующей духом. Если же считать, что мозг имеет развитые центральный и периферический отделы и при этом периферическая нервная система пронизывает весь организм не менее тотально и плотно, чем скажем кровеносная сосудистая (капиллярная) система, то такая трактовка психологии как науки о духе-душе-теле перестает быть фантастической. При этом, мы обращаемся к понятию духа не столько в религиозном, сколько в научном его значении, что предполагает его понимание как совокупности всей продуцируемой и оперируемой душой идеальной субстанции (образы, понятия, представления, символы, эмоции, чувства, смыслы, значения и т.п.), как собственно всех духовных предметов работы души, взятых в пространственно-временном единстве, бесконечности и вечности. К такому пониманию духа приближается уже не только философия, но и современная психология, педагогика и другие науки.

Для подтверждения этого предположения можно обратиться к отраслевой структуре научной психологии, обозначаемой с помощью иных терминов и подкрепляющей предложенную нами логику понимания термина «психология» в его составных частях. Речь может идти в таком случае, например, о нарративной психологии, психофизиологии, психосоматике. В конце концов, такое телесно-душевно-духовное значение термина «психология» может быть принято и на договорной основе в психологическом сообществе, тем более, что указанная выше и пока еще мало разработанная, но очевидная проблема триады «дух-душа-тело» уже интенсивно обсуждается в психологии – и в силу того обстоятельства, что за ней скрывается, на наш взгляд, определенный закон (триады, «Троицы» и т.п.).

По нашим наблюдениям, действие этого закона слишком часто наблюдается в жизни, например, в технике, в педагогике, в психологии. Так, мы считаем возможным, в этой связи, использовать в качестве некоторой метафоры триады «тело-душа-дух» современный компьютер. Ведь, при известном упрощении, его металлическая, кремниевая, пластиковая конструкция может рассматриваться как «тело», включающее процессор, то есть программируемую («одухотворяемую») определенным логико-математическим алгоритмом (или духом, произведенным ранее совокупным человеческим интеллектом) «душу»; а вырабатываемая этим «процессором-душой» информационная продукция – это «произведенный

самим компьютером дух». Понятен при этом опосредованный изоморфизм такой структуры компьютера телесно-душевно-духовной сущности личности человека как его создателя.

Интересной может быть подобная же метафора триады для педагогики, где, упрощенно говоря, растущий организм ребенка с его душой, включающей как основу сложнейшую нейронную, центральную и периферическую, психическую и психологическую индивидуальную организацию, одухотворяемую в процессе обучения и воспитания (самообучения и самовоспитания) целой системой соответствующих учебных и воспитательных программ (духом этих программ), становится со временем способным уже как личность вырабатывать ту или иную духовную продукцию. Мы отдаем (подчеркнем это снова) себе отчет в намеренном упрощении указанным метафорическим моделированием данного процесса – ради уяснения более точной трактовки понятия психологии. Понятно, что такая постановка проблемы должна и может стать предметом особого исследования.

Интересной, хотя и вызывающей определенное возражение, является буквальная интерпретация последней буквы термина «психо-логи-я», как прямого указания на изучение психологической наукой феномена «Я» (Я-телесного, Я-душевного и Я-духовного), в котором определенным образом интегрируются понятия духа, души и тела в предлагаемой гипотетической трактовке. Понятно, что для согласия с таким слишком очевидным и упрощенным утверждением необходимо проведение более обстоятельных историко-психологических, психолингвистических и других исследований, в результате которых, однако, может неожиданно выясниться, что в категории «психология», в рамках предполагаемой нами интерпретации, вероятно, был изначально закодирован важный закон жизни человека, благодаря чему, возможно, наша замечательная наука обладает такой притягательной силой.

Литература:

1. Аверинцев, С.С. Софія-Логос. Словник. 3-е видання / С.С. Аверинцев. – К.: ДУХ і ЛІТЕРА, 2007. – 650 с.
2. Аристотель. О душе / Сочинения в четырех томах. Том 1 / ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1976. – С. 369-450.
3. Гегель, Г.В.Ф. Работы ранних лет. В двух томах. Т.2 / Г.В.Ф. Гегель; сост., общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1973. – 630 с.
4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. – Клин:

УДК 159.9

ПОНЯТИЯ «ПСИХОЛОГИЯ» И «ДУША» В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ ПСИХОЛОГА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КНИГИ ЕВГЕНИИ ЕЛИЗАВЕТИНОЙ «ЗОЛОТОЙ РЕБЕНОК. ИСПОВЕДЬ ПСИХОЛОГА»

Н. Е. Сальникова. (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: saln-nina@yandex.ru

Резюме. Анализ содержания книги (аннотация). Это своеобразный анализ понятий «психология» и «душа», и, по сути, история понятий через биографию автора «золотого ребенка».

Ключевые слова: психология, душа, аннотация, исповедь.

Книга «Золотой ребенок. Исповедь психолога» включает четыре книги (части): «Новые измерения», «Сочувствие», «Сердечность», «Прощание с Землей». В книге 36 глав, предисловие «Кольцо радуги вокруг солнца» и заключение «Кто Я и Ты?», послесловие «Дыхание Жизни». Поиски психолога Евгении Елизаветиной ближе всего соотносятся с психологией смысла (Д.А.Леонтьев, В.Франкл). В данной статье мы рассматриваем некоторые моменты жизненного пути автора книги, имеющие непосредственное отношение к теме статьи.

Выбор профессии психолога для Евгении Елизаветиной определен желанием помогать людям и стремлением изменить (улучшить) природу человека. Приоритет этого направления осознан автором книги рано, в 10-летнем возрасте. Так, обсуждая со сверстником высказывание учителя: «Через 20 лет будет построен коммунизм», девочка не согласилась: «Пока не изменится человек, коммунизм не построить». Изменение же человека возможно в условиях жизни человеческих, без войны. Предотвращение войны в отношениях с детьми и взрослыми, коллегами и родными, в кол-

лективе – основное направление интересов автора книги. В более старшем возрасте Евгения Елизаветина открывает метод задавания вопросов. После рождения дочери этими вопросами были: «Чему учить ребенка?», «Почему существует страдание и болезни?», затем, в период работы в детском доме и далее в ходе практической работы: «Почему мир устроен так?», «Что можно и нужно сделать для страдающих?», «Как и кто может помочь?», «Почему так трудно жить?», «Как можно изменить жизнь?», «Кто Я?». Поиск в этом направлении и определил круг чтения, общения, приоритеты образования и самообразования, повлиял на наполнение смыслами самой психологии, стиль жизни, предсказуемые и неожиданные открытия и ответы на поставленные в начале жизни вопросы.

Круг интересов. На этом пути значимыми для автора книги стали произведения самых разных авторов: Р.Роллан «Очарованная душа», Р.Бах «Единственная», К.Антарова «Две жизни», Елены и Николая Рерихов, Шри Ауробиндо Гхош «Интегральная йога», «Новый Завет», книги В. Мегрэ из серии «Звонящие кедры России» и др. Обучение у практических психологов Тома и Дельфин Фрезер «Как превратить гнев в любовь», в студии релаксационной пластики у Ирины Курис, альтернативное образования в УПМ (в том числе, педагогическая астрология) дали конкретные ответы на заданные вопросы, а Русский музей стал на много лет для Евгении вселенной исцеляющей и возрождающей.

Образование, опыт. Из книги мы узнаем, что Евгения Елизаветина получила диплом по специальности психолог в 1975 году в Петербурге. Затем училась в аспирантуре. Тема ее научной работы: «Развитие способности понимать личность ученика учителем» оказалась интересной и полезной для дальнейшей практической работы в детском доме, детском саду, школе, психологическом центре. Однако, работая в детском доме, Евгения поняла, что все ее знания по психологии (на которую она так надеялась!), личный опыт недостаточны («И помочь не могу, и уйти нельзя. Что делать?»). Задав вопрос, она, как всегда, получила ответ и осталась работать в детском доме, определив свое направление: «Нежная психология», «без Любви – все ничто».

Личность автора. Мы знаем, что в детстве Евгения умела сосредотачивать внимание на долгое время, управлять, возвращаясь к диалогу в нужный момент. Любовь к маме, как оказалось позже, стала образом счастливых отношений с другими людьми. В детстве девочка часто была предоставлена самой себе и любила размышлять: это было ее пространство свободы; она училась у хороших учителей, много читала, у нее было

богатое активное воображение. Стремление к гармонии и активное противостояние разрушительным состояниям со временем помогли найти свой ритм жизни, в котором никто не мешает, а даже наоборот, любая встреча помогает. Открытый Евгенией ритм гармонии стал камертоном в общении, фильтрации и принятии идей. Так, понятие кармы не принимается ею «всем существом», мысль Шри Ауробиндо «Разум отыграл свое» принята ею после проверки в практике как естественное для нашего времени правильное суждение. Взрослая Евгения чувствительна к интонации книг, взаимоотношений в коллективе. Она любит музыку и природу, близких людей, детей ... Дочь и муж разделяют ее интересы, помогают ей. Есть и позитивный детский опыт сопереживания успеху преодоления: полет Гагарина. Вся ее жизнь – взлет (это слово одно из часто повторяющихся в книге).

Анализ текста. В начале и в конце книги задан ритм книги через образ медленно пульсирующего кольца радуги вокруг солнца. Поэтическое измерение важно в поиске автора, ибо быстрая («огненная») мысль может быть запечатлена лишь в поэтическом тексте. Архитектоника каждой главы состоит из нескольких частей – описания ситуации, природы, внутреннего состояния-события, решения проблемы.

Представление о психологии как «волшебной» науке, которая может все понять, изменить, оставлено Евгенией после трагической ситуации, в которой психология не помогла. Стоит отметить, что Евгения ушла от рациональной психологии, а стихийно пришла к психологии, которая сегодня обозначена как «психологии смыслов», «психосинтез» и др. Теперь в центре внимания автора книги – самостоятельного психолога – собственный поиск направлений, методов, создание программ. Важно отметить: поиск не завершен, мы видим рождение мировоззрения Евгении, она «строит свое здание», в котором могут жить она сама, родные и друзья, окружающие люди, дети.

Уже в названии книги подчеркнуто: Евгения Елизаветина пишет книгу с точки зрения психолога (название книги «Исповедь психолога»). Далее, в предисловии подчеркивается, что это именно исповедь ПСИХОЛОГА, а не конкретного человека: отмечается, что имя-фамилия – псевдоним, и в этом смысле личный взгляд является менее значимым, чем представление ситуации автором-психологом. Психология – это пространство накопленных человечеством смыслов, опытов, идей, советов, проверенное в ее личном опыте; «психолог» (др.-греч. ψυχή — душа; λόγος — знание) – тот кто слышит голос души и потому познает и знает, получая отве-

ты на свои вопросы. Далее, в самом тексте понятия «психика» и «психология» встречаются всего несколько раз, когда речь идет о любимой научной теме автора «психическое состояния», говорится о психологической лаборатории, в которой работала Евгения. По-прежнему она считает, что именно психология, в основе которой любовь, сочувствие, сердечность, может изменить природу человека, а затем, и общество.

Образный ряд книги – явно позитивный, заданный самим названием «Золотой ребенок». На обложке книги фото молодой женщины с ребенком на руках у озера в солнечный ясный день вызывает множество общекультурных ассоциаций. Золотой ребенок – это и реальный ребенок, и «золотое» состояние души (сердца) – основы сложного внутреннего мира, создаваемого человеком.

Евгения считает: написать книгу в состоянии радостного творчества возможно, если слышать голос души (это – кредо автора книги). Именно она, душа (которая знает), определяет образы, темы, интонации, архитекtonику книги, а также стиль работы над книгой. Мы видим, как автор учится слышать голос души, советоваться с ним, принимая ответственность за решения на себя, поэтически выражая свои впечатления, мысли, преодолевая страх первооткрывателя, учась управлять открытым ею миром души (внутренним миром), создавая безопасное пространство внутреннего мира. Синонимы «души» – «сердце», «любовь», «нежность», «сочувствие» («... я ощущала, что что-то происходит с моим сердцем ... Вот оно с напряжением раскрывается, из него бьет бархатная сильная струя, преобразая меня и окружающий мир ...»).

В центре внимания автора книги психические состояния: сосредоточенности, нежности, состояния сна, измененное состояние сознания, их динамика (реверсивность); переход от мира внутреннего к внешнему; от сна к яви; от жизни к смерти и новой жизни (прощание с мамой, что чувствует рождающийся человек); изменение ощущения времени (нет времени – время остановилось); разум и сердце в гармонии (новый метод мышления).

К каким же ответам на вопросы пришел автор, какое «здание она строит»? Приведем некоторые высказывания Евгении Елизаветиной.

Чему учить ребенка? – «Я считала, будучи студенткой, что самое важное – развитие интеллекта, способностей, рациональное изменение жизни через умные идеи и проекты. Оказалось, что жизнь учила меня совсем другому: самое важное – чувства, светлые, высокие чувства ко всему окружающему – людям, природе и самой себе как части мира», отмечает

автор книги. – «Дети – это Душа. И они плачут, когда нет общения от души к душе ...». – Нужно создавать программы образования, сохраняющие целостное видение детей: одновременное восприятие мира внутреннего и внешнего. Такое восприятие естественно для ребенка. – На этот вопрос есть также ответ в главах «Открой секретную формулу», «Ненасилие настраивает на любовь» и др.

Почему так трудно жить? – Люди не слышат друг друга; «Без Любви все – ничто ...». – Мы видим мир узко, а не целостно, как дети

Как можно изменить жизнь? – Мы не осознаем роль безусловной Любви в нашей жизни. Она – основа жизни и творчества, счастья и радости. Психологическое образование лишь вскользь касается этой темы. Отчасти поэтому для психолога – автора книги – именно термин «душа», а «не психика» чаще используется в тексте, так как душа – это, в первую очередь, высшие чувства, ведущие к чувство-знанию, психология же сейчас – наука, в которой преобладает логическое знание. – Любить, а не воспитывать. – Создавать новые программы («Азбука Жизни»), методики («Матрешка»). – Активизировать каналы восприятия. Это важное условие на пути к целостному пониманию мира и своего места в нем. – Объединяющий образ может быть символом. – Доверие (но не доверчивость) к другим, миру, спокойствие собранность. – Ответ на этот вопрос есть также в главах части третьей «Сердечность».

Кто Я? – «Я – Душа, // Я – Дух бессмертный, // Я – крылатая волна, // Я – свет и тень, // Я – бесконечность, дум стремленье, красота. // Я золотых дождей круженье и светлых дней заветная мечта // Я – песнопенье, // Я – струна, // Я человек, рождающий слова, саму себя, // Я мать и дочь, жена, любви мгновенье, сосна, березы лист, // Я – белка, еж, еще мечта, // Я – свет, // Я – нежность, // Я – невеста и гармония сама. // Я – старица, // Я – жизни совершенство, веселый дух, // Я – тишина, // Я – ветра дуновение, порою ангела терпенье. // Так как же мне сказать – кто Я? // Играю я с собой, себя не знаю, зная

Почему существует страдание? – Автор приводит описание более 70 ситуаций. Преимущественное большинство из них касаются мира внутреннего и успешное осуществление решений в реальной практике. – Этому вопросу посвящено несколько глав («Все мы – детдомовские», «Вы можете узнать о Ваших достижениях в процессе эволюции» и др.).

Почему мир устроен так? Что можно и нужно сделать для страдающих? Как и кто может помочь? – «Помощь всегда рядом, умей принять ее, даже если она необычна». – Душа – реальное образование (ор-

ган) человека, пока неизученный наукой. – Описаны ситуации, решение которым удалось найти на основе описанных выше знаний. – Приводится поэтический диалог автора. Вот пример. « - Что главное сейчас, скажи, Душа? // - Быть ясным светом. // - Но как? Какие мне слова сказать, о чем молчать? // - Собою все понять, открыть поля другие, начать путь новый жизни на века. // - Ты, милая моя душа, ты жизни светлое пространство. И главное сейчас – возврат к Душе своей. Лишь это будет главным в оценки жизни каждого и будущих времен».

Обращение к сверхсмыслам. Кто Я и Ты? Вот ответ на этот вопрос в конце книги: «Огонь предвечный – красота любви. // И звуки тонкие тончайшей лиры нежной. // Звучит мелодия веков, мы – лишь оркестр // Весны безбрежной».

Подведем итоги. Мы видим: автор книги прошел путь от рационального понимания мира и человека к целостному мировидению, открыл психологии смыслов, где «психология» – это и «душа», и «знание» (-логия), а не рациональная наука.

Литература:

1. Елизаветина, Е. Золотой ребенок. Исповедь психолога / Е. Елизаветина. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 2010. – 183 с.

© Н. Е. Сальникова, 2014. © Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014

*Объединенная редакция научных журналов это:
«Вестник по педагогике и психологии Южной
Сибири» URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/>*

*Свидетельства о регистрации СМИ: ТУ19-
00145; ЭЛ № ФС 77 – 56160
РИНЦ: Лиц. дог. № 453-07/2014 * ISSN 2307-7018
(Print), ISSN 2303-9744 (Online)*

УДК 159.9

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ВОЛИ: ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ПОСТРОЕНИЯ

А.Р. Батыршина. Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Набережные Челны, Россия),
e-mail: arb.71@mail.ru

Значимость и необходимость построения периодизации истории психологии отмечалась многими исследователями (Тутунджян, 1982; Ждан, 2002; Ярошевский, 1985; Якунин, 1998 и др.). При изучении немалой по объему литературы, обращает на себя внимание тот факт, что в ней почти отсутствуют научные работы, в которых обобщалась бы проблема воли с позиций историко-психологического анализа. Недостаточная полнота и объективность историко-психологических знаний о волевой сфере человека создают серьезные фактические и логические трудности при формировании целостного представления о логике, тенденциях и направлениях развития отечественных исследований.

Для построения системного историко-психологического представления о феномене воли и волевой регуляции встает вопрос о периодизации ее истории с позиций общих теоретических принципов истории психологии. Отечественный психолог О.М. Тутунджян, например, указывает на различия макропериодизации, «когда речь идет о всеобщей истории психологии», и микропериодизации, относящейся «к периодизации развития психологической науки в отдельной стране» [4, с. 110]. Но и внутри микропериодизации «необходимо различать периодизацию, свойственную каждой области психологии» [4, с. 110], так называемую «отраслевую периодизацию», которая существует в детской психологии, социальной психологии, психологии труда и т.д. Отметим, что данная задача успешно решается в опыте создания периодизационных моделей, к которым можно отнести периодизации: источниковой базы изучения истории развития психологических знаний (В.А. Кольцова); военной психологии (В.А. Карацан); психологии труда (Е.А. Климов, О.Г. Носкова); психотехники (Ю.Н. Олейник);

истории преподавания психологии как учебной дисциплины (Н.Ю. Стоюхина).

Одной из продолжающихся тенденций в развитии психологии является постоянное обогащение ее концептуального аппарата, создание новой психологической терминологии, уточнение дефиниций психологических категорий. На наш взгляд, концепт «воля» в наибольшей степени претерпевал и продолжает испытывать изменения и в силу этого, построение локальной периодизации психологии воли поможет продвинуться в понимании проблемы.

Любая периодизация представляет историческое время в виде отрезков, которые концентрируются как периоды устойчивого или относительно неизменного состояния науки в широком смысле. Периодизация невозможна без четких критериев и требует предельной объективности и устойчивых методологических ориентиров. Конечно, периодизация имеет дело с исключительно сложным процессом развития изменения во времени событий и поэтому неизбежно упрощает историческую реальность. Деление истории-процесса на временные отрезки технически облегчает систематизацию событийного ряда с целью его изучения.

Опираясь на опыт отечественной методологии, нами была предпринята попытка сформулировать принципы построения периодизации (Гринин, 2008), которые легли бы в основу создания периодизации истории психологии воли. Первый принцип: наличие *одинаковых оснований*, согласно которому построение периодизации требует при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых критериев. Второй критерий: *соблюдение иерархии*. При сложной периодизации, когда крупные ступени внутри себя разбиты на все меньшие, периоды каждого последующего уровня деления должны быть таксономически менее важными, чем периоды предыдущего уровня. В периодизации необходимо различать ее смысловую (концептуальную) и хронологическую стороны. И здесь можно говорить о третьем принципе: *дополнительного основания*, согласно которому помимо главного основания периодизации, определяющее количество и характеристики выделяемых периодов, присутствует еще и дополнительное, с помощью которого уточняется хронология.

При построении периодизации истории психологии воли в качестве критериев нами были использованы следующие положения:

1. При смене хронологических периодов, новое в исследовании проблематики воли не уничтожает прошлое, а накладывается на него.

2. В рамках каждого периода существуют противоборствующие позиции и течения как альтернативные.

3. Конкретное историческое событие происходит потому, что не реализовалось другое, и прошлому как «сбывшейся возможности» (М. Хайдеггер) в дальнейшем противостоит нереализованная возможность, которая только дожидается своего вызова. Часто востребованным перед новыми вызовами становится то другое, что дожидалось своего часа и что было задвинуто на периферию научного интереса и исследований.

4. Идея о «главных событиях», позволяющая выделить из огромного множества те «системы событий», которые оказали наибольшее влияние на появление идей и основных концепций или были доминирующими на определенных промежутках времени.

Руководствуясь принципами и критериями построения периодизации, а также опираясь на собранный материал и имеющиеся источники, автором предлагается следующая периодизация отечественной истории развития психологии воли:

Первый период охватывает время с *XI века до первой половины XIX века*. Это философский период накопления и оформления эмпирических психологических взглядов русских философов. Выводы, как правило, осуществлялись на основе наблюдений единичных психологических взглядов и не поднимались до уровня теорий и концепций.

Второй период охватывает время с *середины XIX века до конца 90-х гг. XX века*. Данный период можно охарактеризовать как время создания философских и естественнонаучных концепций волевой сферы личности. В этом периоде выделяются три этапа:

Первый этап (1860-е – 1910-20-е гг.) отмечен изменением места психологии в системе научного знания: ее связь с философией была поставлена под сомнение. Основными событиями здесь выступают полемика И.М. Сеченова – К.Д. Кавелина и, как продолжение полемики, дискуссия 1887-1889 гг. по проблеме свободы воли, в которую были вовлечены выдающиеся русские ученые-философы Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, Г.И. Челпанов, П.Е. Астафьев, психиатры С.С. Корсаков, А.А. Токарский.

Второй этап (1910-20-е – конец 1950-х гг.) характеризуется оформлением собственно научных психологических положений: разработкой М.Я. Басовым теории воли в рамках психологии как науки о формах активности; представление о воле как акте реакции (К.Н. Корнилов); идея о воле как составной части структуры характера (В.М. Экземплярский). В понимании природы воли отдельный интерес вызывают концептуальные

взгляды С.Л. Рубинштейна и методологический подход Л.С. Выготского к воле как высшей психической функции в контексте культурно-исторической теории.

В организационном плане этот этап отмечен выделением групп ученых, занимающихся исследованиями психологии воли (в Москве – К. Н. Корнилов, в Ленинграде – Ю.А. Самарин, в Киеве – В.К. Котырло, в Рязани – В.И. Селиванов, в Тбилиси – Ш.Н. Чхартишвили).

Третий этап (1960–1990-е гг.) отмечается наиболее яркими, неоднозначными подходами и решениями в исследовании воли и волевой регуляции личности. С конца 1950-х гг. начинают складываться центры психологического исследования воли: московская, ленинградская (санкт-петербургская), тбилисская и рязанская школы. К этому времени относится появление разнообразных теорий и подходов, авторы которых считали необходимым обращаться к решению проблем воли в рамках своего категориального аппарата, таких как: воля как произвольная форма мотивации (В.А. Иванников), воля как произвольное управление поведением и деятельностью человека (Е.П. Ильин), воля как особая форма психической регуляции (В.И. Селиванов), воля как один из побудительных механизмов наряду с актуально переживаемой потребностью (Ш.Н. Чхартишвили).

Вследствие замены господствующей в психологии естественнонаучной парадигмы на гуманитарную можно говорить о начале *третьего периода (с конца 90-х XX века до сегодняшнего дня)*, который характеризуется акцентированием внимания психологов на проблемы внутреннего мира человека, самосознания, Я-концепции. И в этом контексте проблема воли и волевой регуляции личности получает новое осмысление.

Несмотря на периодическое снижение интереса к вопросам воли, попытки изучить многие аспекты по-прежнему составляют одну из особенностей отечественной психологии. Построение периодизации истории психологии воли, на наш взгляд, поможет обобщить все то ценное, что накоплено в истории отечественной психологической мысли и науки.

Литература:

1. Гринин, Л.Е. Методологические основания периодизации истории / Л.Е. Гринин // Философские науки. – 2006. – № 8. – С. 117-123.
2. Ждан, А.Н. Об одном из подходов к периодизации истории психологии / А.Н. Ждан // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-

психологического исследования: материалы юбилейной науч. конф. ИП РАН, 28-29 января 2002 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2002. – С. 178-184.

3. Савельева, И.М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. – М.: ИП РАН, 2005.

4. Тутунджян, О.М. Проблемы истории психологии / О.М. Тутунджян // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 109-113.

5. Якунин, В.А. История психологии / В.А. Якунин. – СПб, 1998.

6. Ярошевский, М.Г. История психологии / М.Г. Ярошевский. – М., 1985.

© А.Р. Батыршина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

УДК 159.922.1

НАСЛЕДИЕ И.С. КОНА: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И МНОГООБРАЗИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г.В. Вержибок. Минский государственный лингвистический университет
(Минск, Беларусь), e-mail: galina_minsk@mail.ru

Резюме. Рассматривается значимость идей И.С. Кона в современном мире изменчивости гендерных отношений.

Ключевые слова: половая дифференциация, гендерные отношения, гендерные стереотипы.

Работая на стыке разных общественных и гуманитарных наук (социологии, истории, антропологии, психологии, сексологии), И.С. Кон практически первым включил понятие «пол» в научно-исследовательский категориальный аппарат, определяя его как сложную многоуровневую систему, «совокупность взаимно контрастирующих генеративных и связанных с ними признаков», своеобразный «стержень» самосознания и поведения личности, кумулятивную и связующую конструкцию между

обществом и индивидом. Социальная стратификация и половая дифференциация, возрастной символизм и образы детства, нормативные каноны и гендерная социализация, детство и юность как становление самосознания, родительство как социокультурный феномен, идеология традиционализма и стереотипы, и еще многие, многие другие темы И.С. Кон всесторонне анализировал и представлял для вдумчивого прочтения. Автор уделял внимание вопросам, ранее даже не обсуждаемым в науке: половой диморфизм и сексуальная ориентация, выбор идентичности, сексуальность и культура, мужчина в изменяющемся мире (телесность, здоровье), национальный характер и психология предрассудка (гендерного, этнического), просвещающая и образующая такой еще неподготовленный к открытости мир, раскрывая и подсказывая решение многих проблем социального и индивидуального мира. Рассматривая общественное разделение труда и властные отношения, характер общения между мужчинами и женщинами, символизм и особенности социализации мальчиков и девочек, гендерные исследования, благодаря его обширному анализу, стали неотъемлемой частью всех гуманитарных наук.

Динамичность и изменчивость гендерного порядка, разнообразие стереотипов и канонных маскулинности-фемининности, расширение и усложнение межполового общения актуализирует спектр рассмотрения «взаимопроникновения социально-ролевого и индивидуально-личностного начал» (И.С. Кон, 2010). Это позволяет рассматривать половые различия как контрастирующие и взаимоисключающие, либо как допускающие индивидуальные вариации, ведь дихотомия «мужское–женское» выступает как важная и значимая классификация людей. Влияние общества проявляется в том, что поведение, соответствующее гендерному стереотипу, считается приемлемым, а отклонение от стереотипа вызывает осуждение. «При этом смысловая ценностно-нормативная взаимосвязь определенных качеств в рамках известного стереотипа сплошь и рядом неправомерно экстраполируется на реальное поведение индивидов» [1, с. 241].

Сравнительный анализ этнографических данных по 185 обществам, сделанный И.С. Коном [2], позволил связать половое разделение труда с культурой – в разных культурах наблюдалось и различное отношение к труду вообще, и к конкретным занятиям, в частности. В результате сформировалась престижность труда и отдельных занятий, и это привело в дальнейшем к половой дискриминации: одни занятия стали считаться

мужскими, другие – женскими, и очень часто именно первые были престижными, а вторые – нет. Ведь осознание своей половой принадлежности основывается, с одной стороны, на соматических признаках (образ тела), с другой – на поведенческих и характерологических свойствах, оцениваемых по степени их соответствия или несоответствия нормативным стереотипам мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). При соответствии стереотипу индивид получает положительное подкрепление, при несоответствии – отрицательное. Меняется также и самооценка, хотя у мужчин и женщин она может различаться по количественным и качественным показателям. Выявлено, что самооценка более устойчива у мальчиков и мужчин, чем у девочек и женщин [1].

Так, женщины больше реагируют на давление со стороны общества в силу своей нацеленности на взаимоотношения с окружающими, для повышения мотивации им необходимы социальные стимулы, связанные с принятием группой. Для мужчины значимым является признание своей мужской состоятельности, статусные и социальные роли, сфера профессиональной деятельности, стремление к традиционализму в семейных отношениях. Общество стимулирует мужчин к получению успеха, им предписывается быть конкурентными, неповторимыми, уникальными. Женщины в этом плане либо не поощряются, либо стимулируются негативно – для них существуют барьеры в виде предубеждений, неодобрения, не позволяющие заниматься «мужскими» видами деятельности. Но «сдвиги в социальном положении женщин, характере их жизнедеятельности, уровне притязаний и самосознании опережают соответствующие изменения в поведении и психике мужчин, ... ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности сегодня не существует», однако «современный мужчина обладает достаточными адаптивными способностями, чтобы справиться с социальными вызовами эпохи» [3, с. 39, 43]. Как считает И.С. Кон, проблематизация социальных функций мужчины в семье дает мощный толчок изучению психологии отцовства, чему и посвящены его последние работы, отличающиеся полнотой раскрытия вопроса и теоретико-практическим наполнением содержания текстов.

Вследствие общей трудовой деятельности и совместного обучения, характерны тенденции радикальной ломки традиционной половой стратификации, ослабление половых различий в поведении, тенденция маскулинизации женщин и феминизации мужчин, переход во

взаимоотношениях между мужчинами и женщинами от иерархического соподчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов. По мнению И.С. Кона (2004, 2009, 2010), начались и до сих пор продолжаются три глобальные революции – сексуальная, гендерная и семейная, где главными историческими предпосылками выступают возрастание обособления и отделенности людей, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением, появление эффективной контрацепции. Отмечаются и последствия, конкретные поведенческие результаты – снижение возраста сексуального дебюта, отделение сексуального поведения от брачного, рост числа до- и внебрачных связей, ослабление двойного стандарта и т.д. За такими поведенческими сдвигами стоит глубинный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции.

По представлениям о гендерных различиях и гендерном равенстве современная культура отличается от предшествующих культур, «диалектика культурного канона и индивидуального самосознания особенно сложна» [1, с. 233]. Новый уклад жизни привел к возникновению иных, чем ранее, социальных и психологических характеристик полов, ведущими процессами стали индивидуализация и плюрализация, позволяющие людям выбирать стиль жизни и род занятий безотносительно к их половой/гендерной принадлежности, принцип господства и подчинения постепенно уступает место отношениям осознанной взаимозависимости [3, с. 39]. Поэтому идея социальной одинаковости и взаимозаменяемости полов должна быть заменена на идею их дополнительности, что требует знания биологических основ (В.А. Геодакян). «Хотя массовому сознанию нормативные мужские и женские свойства часто по-прежнему кажутся альтернативными и взаимодополнительными, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты и свойства личности считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации» [3, с. 38]. Мужское и женское – полюса идеальных состояний, которые образуют два конца континуума, между ними располагаются бесчисленные переходные ступени.

При возрастающем «размывании» поведения и снижении «требовательности» социальных норм, либерализации половой морали и изменчивости гендерной иерархии, продолжения воздействия эффектов гомогенизации ролевого поведения эти процессы наблюдаются в условиях

«гегемонной, множественной, мультидополнительной маскулинности» (Carrigan, Connell, Lee 1985; M. Kimmel, 2000) и «подчеркнутой, удовлетворенной, активированной фемининности» (R.W. Connell, 1987, 2005; M. Schippers, 2004). Однозначно поэтому признаются огромные внутренние противоречия, сложность построения и воплощения собственного «Я» в изменившемся социальном мире (И.С. Кон, 2009). Как никогда сегодня актуальны и своевременны высказывания И.С. Кона: «... думаю, что ни половые, ни гендерные различия никогда не исчезнут, мужчины и женщины никогда не будут одинаково широко представлены во всех сферах деятельности. В этом нет социальной необходимости. Я не вижу ни моральных, ни социальных оснований противопоставлять эти модели, лишь бы только индивидуальный выбор был свободным» [3, с. 43].

Создавая новый способ размышления, можно способствовать смягчению стереотипов и направленности общества на идеи равноценности и значимости каждого индивида, вне зависимости от половых признаков, несмотря на совпадения биологического и социального пола, при рассогласовании и множественности идентичностей. Тем самым, утверждаются и реализуются истинные идеи гуманизма, толерантности и понимания между людьми – такими разными, но, по сути (рождения и жизни), такими похожими, просто индивидуальность у всех проявляется по-своему. Тщательный анализ индивидуальных историй может обнаружить переходы изменений, пути построения личного пространства и будущего, уважая жизненный выбор (А. Sajavaara, 2006). Наследие И.С. Кона – безгранично, многие позиции нам предстоит еще обдумать и принять заново, изменив себя и окружение, мир в себе и себя в этом постоянно изменяющемся мире.

Нам всем надо учиться уважению и поиску взаимопонимания, претворять это в реальность и действовать совместно, развивая междисциплинарный подход в изучении таких сложных, но необходимых вопросов. «Принципы современного мира – ответственность и толерантность – предполагают гораздо большую социально-нравственную активность и самостоятельность индивидов. Социальная политика – не ритуальный плач по России, «которую мы потеряли», и не зычный командирский окрик «Все по местам!». Здесь нужен, прежде всего, социологический реализм. Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут» [4]. Развитие здорового индивидуализма представляется совершенно

необходимым и для воспитания уважения к неприкосновенности частной жизни, и для избавления от мифов, преодоления предрассудков. Вне погружённости в данный контекст, обсуждение темы гендерных отношений выглядит оторванным от реальности и лишённым интереса, теряет всякий смысл. Ответом может быть, по мнению великого ученого и общественного деятеля, одного из корифеев советской и российской науки И.С. Кона (2010), только «устремленный в будущее творческий поиск, который мужчины и женщины должны вести совместно».

Санкт-Петербург. 5-6 марта, 2009. (личный фотоархив автора статьи).

Литература:

1. Кон, И.С. Социологическая психология / И.С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с. – (Серия «Психологи отечества»).
2. Кон, И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / И.С. Кон. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 270 с.

3. Кон, И.С. Мужская роль и гендерный порядок / И.С. Кон // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 2 (94). – Март-апрель. – С. 37-43.

4. Кон, И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции / И.С. Кон // Лекция на междунар. конф. «Российский гендерный порядок: искусство, литература, массовая культура». – Санкт-Петербург, 19 ноября 2010г.

© Г.В. Вержибок, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— • —

УДК 159.9(091)+159.9(092)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ГЕНЕЗИСА РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

О.В. Клыпа. Северо-Восточный государственный университет
(Магадан, Россия), e-mail: ovk61@mail.ru

При характеристике особенностей русской психологии необходимо учитывать культурно-исторический, социально-исторический фон, на котором она формировалась. С одной стороны русская психологическая мысль имеет общие тенденции развития с западной и восточной психологией. Как отмечал А.И. Введенский: «Конечно, наша философия, как и вся наша образованность, заимствованная. Но так оно и должно быть: большее или меньшее заимствование и подчинение чужим влияниям – это общий закон развития философии любого европейского народа... Чуткость к чужим учениям – наилучший залог успешного развития философии» [1, с. 27].

Однако русская психологическая мысль имеет свои национально-специфические особенности, детерминированные историческими, географическими, культурными, социальными и другими факторами. Подчеркнем эту мысль словами русского философа Б.П. Вышеславцева: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации за-

мечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом» [2, с. 154].

Обозначим влияние социокультурных особенностей на становление и развитие русской психологии.

В России в ходе ее истории произошло как бы переплетение двух различных типов культур и, соответственно, типов философствования: рационалистического, западноевропейского и восточного, византийского с его интуитивным мироощущением и живым созерцанием, включенного в русское самосознание через православие. Именно интеграция различных культур во многом определила самобытность русской психологической мысли. Русской психологии, в отличие от западноевропейской, чуждо стремление к абстрактной, чисто рациональной систематике идей. В значительной своей части она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего. Ведущей темой русской психологии была тема человека, смысла жизни, вопросы морали, нравственности. Понятие личности русскими мыслителями, осмысливалось в религиозно-философском духе. В.В. Зеньковский отмечал, что философию (в рамках которой развивалась психология) нельзя связывать только со знанием, что у философии не один, а несколько корней. Для России философия – это, прежде всего, способ постижения смысла жизни человека и человечества.

Проблема духовности человека нашла отражение в русской иконописи. Русская икона сложилась в период русского средневековья, в период, когда на Руси еще не оформилась до конца средневековая философия. По образному выражению Е.Н. Трубецкого, наши отдаленные предки были не философами, а были «духовидцами». Свои мысли они выражали не в словах, а в красках. В иконах отражены такие универсалии, как добро, зло, любомудрие, долг, спасение, надежда, любовь, даны ответы на такие вопросы, как: «что такое человек?», «в чем смысл жизни человека?» и т.д. Образный язык иконы возник из необходимости объяснить то, что невозможно передать смысловыми понятиями и определениями, а именно – душевные и духовные состояния. Иконные образы являлись «словами» иконописца, несущими мысли, идеи более понятные зрителю.

Следует отметить и тот факт, что русский народ формировался на протяжении нескольких столетий на базе славянских племен, занимавших в древности огромную территорию Восточной Европы. По своим обычаям, своей хозяйственной жизни, духовному складу славяне отличались и от народов Западной Европы, и от народов Востока. В процессе формирова-

ния русского народа приняло участие большое количество различных, в том числе и неславянских этнических групп, но славянский компонент всегда оставался главенствующим, цементирующим. Русский народ изначально рождался на полиэтнической основе. Как отмечает С.В. Перевезенцев, «поразительная жизнеспособность определила своеобразие славянского, а позднее уже и собственно русского мировоззрения – гораздо более оптимистического, чем на Западе и Востоке; гораздо более восприимчивого к влияниям и в то же время способного переделать любое влияние на свой самобытный, русский лад» [3, с. 32].

В рамках данной статьи мы попытались обосновать необходимость учета социокультурного контекста для понимания генезиса русской психологии. Нельзя не согласиться с позицией С.В. Перевезенцева, указавшего на национальную специфику знаний: «Как бы ни говорили, как бы ни приучали нас к мысли о том, что знание не имеет национальных границ и особенностей, – это не правда. Имеет знание и национальную специфику, и национальный интерес <...>. Тем более, национальная специфика важна в том случае, когда человек начинает размышлять о смысле и цели жизни. Поиск ответа на вопрос о смысле и цели жизни, познания, деятельности вообще имеет национальную окраску, ибо в данном случае человек основывается на историческом, религиозном, хозяйственном опыте своего народа. В еще большей степени национальный характер знания (т.е. исторический, религиозный, хозяйственный, политический и т.д. опыт народа) проявляется в том, что и как познает человек – что он ищет в процессе познания и какими методами пользуется» [3, с. 9-10].

Литература:

1. Введенский, А.И. Судьбы философии в России / А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет // Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991.
2. Вышеславцев, Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев // Этика преображенного Эроса. – М., 1994.
3. Перевезенцев, С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания / С.В. Перевезенцев. – М., 2007.
4. Трубецкой, Е.Н. Три очерка о русской иконе / Е.Н. Трубецкой. – Новосибирск, 1991.

© О.В. Клыпа, 2014.

УДК 159.923

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА ЛИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

О.И. Кононенко. Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина), e-mail: oksana.kroshka@gmail.com

Резюме. В статье рассмотрены основные теоретические подходы к изучению феномена перфекционизма личности, выделены и проанализированы психоаналитический, бихевиористический и когнитивный направления в психологической науке. В современной психологии перфекционизм рассматривается как психологический конструкт, сочетающий избыточно высокие стандарты ожидаемых результатов деятельности и притязания. Отмечена необходимость построения модели перфекционизма личности, которая бы описывала структуру, генезис и детерминанты перфекционизма личности. Перфекционизм в психологической науке определяется как стремление личности к самосовершенствованию, безупречности во всем и является относительно устойчивой личностной чертой. Он может иметь как здоровый, так и патологический характер протекания и проявляться как в отношении субъекта к самому себе, так и к другим.

Ключевые слова: перфекционизм, личность, стремление к совершенству, высокие требования, дезадаптивность.

Слово перфекционизм пришло в европейские языки из латинского: perfectus – абсолютное совершенство. С точки зрения религиозных догматов Средневековья и философских учений более позднего времени перфекционизм – это убежденность в том, что совершенствование является той целью, к которой должен стремиться как отдельный человек, так и все человечество. В современной психологии перфекционизм – это стремление субъекта к совершенству, высокие личные стандарты,

стремление человека доводить результаты любой своей деятельности до соответствия самым высоким эталонам (нравственным, эстетическим, интеллектуальным); это потребность в совершенстве продуктов своей деятельности.

На протяжении многих эпох идея стремления к совершенству являлась одним из движущих мотивов и регулятивных принципов в жизни человека и общества, представления об идеале формировали фундамент мировоззрения и самосознания человека, задавали его место и роль в социуме, историческом процессе, в природе и мироздании в целом, определяли вектор его развития.

Впервые четкое определение перфекционизма дали американские психоаналитики, последователи А. Адлера и К. Хорни [1; 2]. Под перфекционизмом авторы имели в виду высокие личностные стандарты, которые человек ставит перед собой, так и другим людям по выполняемой деятельности. Соответственно, перфекционистами называют людей, которые устанавливают нереалистичные стандарты, как для себя, так и для других людей. Несоответствие этим высоким стандартам приводит людей к неудовлетворенности. Данная теория перфекционизма имела одномерный характер и была сфокусирована только на своем «Я». Определение перфекционизма в данной концепции звучит следующим образом – «повседневная практика выдвигает к себе требования более высокого качества выполнения деятельности, чем требуют того обстоятельства» [2].

Первые строгие определения понятия «перфекционизм» были сформулированы именно в работах представителей психоанализа – М. Hollender (1965) и W. Missildine (1963), однако для психоаналитически-ориентированных авторов не характерен выбор перфекционизма в качестве непосредственного предмета исследования – это феномен понимается в более широком контексте вопросов структурной и динамической организации личности, предоставляя богатый теоретический материал для понимания сущности, генеза и механизмов деструктивности перфекционизма. В целом, обзор работ психоаналитического направления позволяет сделать вывод о том, что перфекционизм, понимаемый как проявление нарциссической организации личности, как защита от переживания токсического стыда и как попытка соответствовать нереалистичным требованиям сурового суперэго, неотделим от деструктивности, пронизывающей все сферы жизнедеятельности личности и проявляющейся в нарушениях

самоидентичности, искажениях объектных репрезентаций, в негативистически враждебном отношении к самому себе и к окружающим людям, тягостных эмоциональных переживаниях, нарушениях когнитивного функционирования и аффективной регуляции.

Согласно определению создателей шкалы MPS Хьюитта и Флетта перфекционизм – это стремление быть совершенным, безупречным во всем. Изначально данная проблема исследовалась как связанная с проблемой одаренности и интересовала ученых в связи с изучением психологических трудностей одаренных людей, в особенности – детей и подростков. Некоторые западные ученые (D. Burns 1980, R. Frost 1984, 1985, A. Pacht 1989, S. Blatt 1996) склонны акцентировать внимание на негативных проявлениях перфекционизма, таких как трудности в общении, трудности с принятием решений, медлительность, трудоголизм, чрезмерная самокритичность, беспокойство, тревожность, навязчивые сомнения и опасения (D. Burns 1980, A. Pacht 1989). Другие психологи посвящали свои исследования изучению позитивных сторон этого явления, в частности, так называемой моральной одаренности перфекционистов (K. Debrovski, T. Piechovsky 1972, 1976, 1997). В современных работах учитываются как негативные, так и позитивные аспекты данного явления (S. Peters, 2001, P. Hewitt & G. Flett 2001). В настоящее время проводится все больше исследований, целью которых является поиск методик, приемов психокоррекционной работы, направленной не на то, чтобы «излечить» от перфекционизма, а на то, чтобы помочь людям, стремящимся к совершенству, адаптироваться в социуме и в полной мере реализовать свой потенциал (B. Kerr, 2000, S. Peters, 2001).

Основываясь на результатах клинических наблюдений и используя наработки предшественников, Хьюитт и Флетт описали три составляющих перфекционизма: перфекционизм, ориентированный на себя; перфекционизм, ориентированный на других; социально предписанный перфекционизм. Высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя, предполагает наличие чрезвычайно высоких стандартов, установленных человеком для себя. Данная составляющая перфекционизма связана с целеустремленностью, тенденцией ставить перед собой «отдаленные», труднодостижимые цели и сосредотачиваться на них. Высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других, предполагает наличие чрезвычайно высоких стандартов, установленных человеком для других, требовательность по отношению к окружающим,

нетерпимость, нежелание прощать ошибки, несовершенства. Высокий уровень социально предписанного перфекционизма предполагает убежденность человека в том, что другие люди имеют относительно него чрезвычайно высокие ожидания, соответствовать которым очень трудно, если вообще возможно, но соответствовать этим стандартам необходимо, чтобы заслужить одобрение и приятие, избежать негативной оценки. В главе описывается история создания инструментария, позволяющего изучать перфекционизм как многомерное явление; обсуждаются исследования Хьюитта и Флетта, в результате которых была разработана и проверена шкала MPS1 [2; 5].

В большой обзорной статье R.C. O'Connor отмечается, что с конца 80-х годов XX века количество публикаций, посвященных перфекционизму, выросло на триста процентов [9]. Существуют две модели перфекционизма: одномерная и многомерная. Одномерная рассматривала перфекционизм только как стремление устанавливать неадекватно высокие стандарты, хотя современные исследователи сходятся во мнении, что перфекционизм – это многомерный конструкт. За рубежом наиболее известными являются британская R. Frost [7] и канадская P. Hewitt, G. Flett [8] модели перфекционизма. В британской модели выделены шесть параметров перфекционизма: высокие личные стандарты, озабоченность ошибками, сомнения в действиях, высокие родительские ожидания, стремление к порядку и организованности. В канадской модели выделяют три параметра перфекционизма: «я-адресованный» перфекционизм, «социально-предписываемый» перфекционизм и перфекционизм, адресованный другим. В британской и канадской моделях разработаны опросники перфекционизма, которые носят одинаковые названия Multidimensional Perfectionism Scale (британский опросник сокращенно называется MPS-F, канадский – MPS-H). Параметры перфекционизма, выделяемые в каждой из моделей, полностью отражены в опросниках [6].

Изначально перфекционизм рассматривался как одномерный конструкт с единственным параметром в виде «чрезмерно высоких стандартов личности» (M. Hollender, 1965; W. Missildine, 1963; D. Burns, 1984). В настоящее время исследователи отстаивают многомерную структуру черты (P. Hewitt, G. Flett, 1990; R. Frost, R. Heinberg, C. Holt, 1993). В канадской концепции за основу взята объектная направленность черты, выделены «Я-адресованный», «адресованный другим», «адресованный миру» и «социально-предписываемый» перфекционизм (P.

Hewitt, G. Flett, 1990). В британской концепции (R. Frost) выделены шесть компонентов (высокие личные стандарты, озабоченность ошибками, сомнения в действиях, высокие родительские ожидания и критика, стремление к порядку и организованности). В американской концепции выделены «высокие стандарты», «склонность к порядку», «тревога», «прокрастинация» и «проблемы в интерперсональных отношениях» (R. Slaney, K. Rice, J. Ashby, 2002). Отмечены спорные аспекты этих концепций: уязвимость канадской концепции заключается в ее внутренней противоречивости. Правомерно выдвигая тезис о многомерности перфекционизма, ее авторы фактически акцентируют единственный параметр «высокие стандарты», оговорив возможность их разной адресации (собственной личности, миру, окружающим людям). Параметр «социально предписываемого перфекционизма» представляет те же высокие стандарты, только делегируемые индивиду значимыми другими (субъективное ощущение «принуждения к совершенству»). Эти представления не объясняют в полной мере то, как высокие требования к собственной личности трансформируются в саморазрушительную погоню за невозможным и становятся патогенными.

Канадские исследователи игнорируют ряд важных когнитивных параметров перфекционизма, в сочетании с которыми высокие стандарты становятся дезадаптивными. Нуждаются в уточнении интерперсональные параметры, в описание которых не вошли важные характеристики, например, склонность к ревнивому отслеживанию успехов других людей и сравнению себя с ними по принципу «чужие достижения – свидетельство моей несостоятельности». Представления о психологической структуре перфекционизма британской группы также уязвимы для критики. Они содержат разные основания классификации: наряду с индивидуальными характеристиками, включают показатели родительского стиля, что не является личностной чертой. Наконец, американская модель описывает, скорее, разнообразные негативные последствия перфекционизма, чем его аспекты. Таким образом, структура перфекционизма нуждается в дальнейшем уточнении.

В психоаналитической парадигме проблема перфекционизма звучала в рамках большинства исследований. Стремление к совершенству обсуждался в контексте таких тем, как: первичный и вторичный нарциссизм, Эго-идеал как психическая структура (З. Фрейд), комплекс неполноценности и его гиперкомпенсация в чувстве превосходства (А. Адлер), ненасыщенность перфекционистских потребностей и ригидность

идеализированных образов Я и Других (К. Хорни), патологическая форма регуляции самооценки (В. Райх), явная грандиозность и скрытая хрупкая неполноценность Я-концепции (Akhtar), когнитивно-аффективная поглощенность собственной личностью (Westen) манипулятивные стратегии межличностного взаимодействия (Вацлавик, Бивин, Джексон) внутри-и межличностная регуляция нарциссического Я-концепции (Rhodewalt, Morf) [3]. Однако в целом, большая часть дискуссий о перфекционизме как черте личности, проявляющееся в безудержном стремлении к совершенству, в психоаналитически ориентированном направлении исследований работа ведется по поводу внутри- и интрапсихической динамики, а фокус дискуссий направлен на роль специфики раннего развития в формировании феномена перфекционизма и его функционирования в жизни личности в период взрослости. Основное внимание уделяется перфекционизму как личностной черты, свойственной нарциссическому расстройству личности и предельному уровню психической организации [1; 2; 4].

Перфекционистские тенденции в их связи с нарциссизмом были описаны еще Фрейдом в 1900 году в «Трех очерках по теории сексуальности». Четыре года спустя, в своем плодотворном труде «О нарциссизме» (1913), З. Фрейд описал основополагающие понятия первичного и вторичного нарциссизма, природу выборов нарциссического объекта и нарциссического образования Эго-идеала как психической структуры. Избегая в данной работе характерологической типологии, З. Фрейд ссылаясь на индивидов, которые притягивают внимание людей нарциссическим постоянством, с которым им удается ограждать свое Эго от всего, что могло бы унижить его. В 1931 году Фрейд описывает человека с «нарциссическим типом характера» как субъекта, главным образом заинтересованного в самосохранении и в защите собственного Я. Он независим и не уязвим для угроз. Его Эго содержит большое количество диспозиционной агрессивности, которая также проявляется в готовности к активности. В его эротической жизни быть любимым предпочтительнее, чем любить. Люди, принадлежащие к данному типу характера, поражают других как личности; им особенно подходит социальная позиция человека, который поддерживает окружающих, роль лидера в порождении нового материала для культурного развития или роль борца против несправедливости и неизменного положения дел [4].

О заложенности тенденций к индивидуации или саморазвитию в природе человека писал К.Г. Юнг. По его мнению, необходимым условием,

благодаря которому совершенство, возможно, является присутствие в нашем сознании символа самости. Самость потенциальная, так как она – лишь отдаленная цель становления человека, и в то же время актуальна – она есть нечто действительное, скрыто присутствует в царстве архетипов. Представление о совершенстве связывается К.Г. Юнгом с влиянием архетипа, поскольку совершенство безусловно принадлежит к числу феноменов, обладающих большой силой воздействия на человеческое сознание, что имеют власть над человеком, не объяснимую рациональным образом. Образ совершенства обладает чертами законченности, самодостаточности, целостности. По мнению К. Юнга, эти черты сознание обнаруживает именно в тех образах, которые создаются под влиянием архетипа самости. Стремление к совершенству является не только допустимым, но и просто врожденным свойством человека, одним из самых мощных корней цивилизации [1; 4].

В рамках теории Альфреда Адлера можно говорить о патологическом перфекционизме как о стремлении к «фиктивной цели личного предпочтения ... и идеала – либо совершенства и безгрешности» [2]. Осевыми пояснительными понятиями в его концепции были «комплекс неполноценности» и «гиперкомпенсация неполноценности», которые служили или двигателем развития, социализации личности, или приводили к уходу от полноценного межличностного сотрудничества и избеганию истинных эмоциональных привязанностей. Стремление к личной власти и превосходству Альфред Адлер представлял как форму конкретизации стремления к совершенству, а соблазн безграничного стремления к совершенству – особенно актуальным в западной культуре. Адлер постулирует нарушение ценностно-смысловой сферы в патологическом перфекционизме и подмену базового для человеческого индивида чувства общности личным индивидуализмом. Основанное на реальных впечатлениях, впоследствии тенденциозно закрепленное и углубившееся чувство неполноценности уже в детском возрасте постоянно побуждает пациента направлять свое стремление на цель, значительно превышающую всякую человеческую меру, то есть является фактором формирования перфекционизма [1].

Психоаналитически ориентированные авторы отмечают, что перфекционизм, стремление к личному совершенству и грандиозности, инвертирование либидо – отрицательно влияют на качество объектных отношений. Перфекционисты обладают неоправданно высоким самомнением, гиперболизированным, нереалистичным, т.е. похожим на

внутреннее инфантильное мерило, избыточной неотреагированной агрессией и зависимостью от одобрения их окружающими. Они поглощены фантазиями о самости.

Таким образом, остро дискуссионным остается вопрос о психологической структуре перфекционизма. Перфекционизм являясь обостренным стремлением к совершенству, которое может относиться как к собственной личности, так и к результатам любой деятельности, имеет определенные социально-психологические аспекты. Как результат чрезмерно высоких стандартов деятельности и предъявления требований себе, стремление к совершенству оказывает влияние на успешность профессиональной деятельности. В современных теоретических и эмпирических исследованиях выработано представление о перфекционизме как о многомерном конструкте, однако, требующее дальнейшего исследования.

Литература:

1. Блум, Г. Психоаналитические теории личности / Г. Блум. – М., 1996. – 243 с.
2. Гаранян, Н.Г. Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. докт. психол. наук / Н.Г. Гаранян. – М, 2010. – 42 с.
3. Гарчева, И.И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук / И.И. Гарчева; Ин-т психологии. – М., 2006. – 24 с.
4. Томэ Х. Современный психоанализ. В 2 Т. / Х. Томэ, Х. Кэхеле; общ. ред. А.В. Казанской. – М., 1996. – 776с.
5. Юдеева, Т.Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств: автореф. дис. канд. психол. наук / Т.Ю. Юдеева. – М, 2007. – 275 с.
6. Ясная, В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы / В.А. Ясная, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157-168.
7. Frost, R. The dimensions of perfectionism / R. Frost, P. Marten, C. Lahart, R. Rosenblate // Cogn. Ther. Res. – 1990. – Vol. 14. – P. 449-468.
8. Hewitt, P., Flett G. Perfectionism in the self and social contexts: conceptualization, assessment and association with psychopathology / P. Hewitt, G. Flett // J. Person. Soc. Psychol. – 1991. – Vol. 60. – P. 456-470.

9. O'Connor, R.C. The relations between perfectionism and suicidality: A systematic review / R.C. O'Connor // Suicide Life-Threatening Behav. – 2007. – Vol. 37. – N 6. – P. 698-714.

© О. И. Кононенко, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM:
Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— • —

УДК 159.9:015.7

НАУКОЙ О ЧЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ПСИХОЛОГИЯ?

А.Ф. Корниенко. Академия социального образования (Казань, Россия),
e-mail: korniaf@inbox.ru

Несмотря на разногласия в понимании специфики объекта и предмета исследования в психологии, большинство психологов единодушны в том, что психология является все-таки наукой. Но что это за наука и наука о чем?

В общем случае под «наукой» принято понимать сферу человеческой деятельности, направленной на получение и систематизацию знаний, позволяющих описывать, объяснять и предсказывать разнообразные явления действительности. В этом смысле наука является одной из форм познания. В зависимости от того, какие явления становятся объектом научного познания, выделяются различные отрасли науки. При этом наименование отрасли науки, как правило, соответствует наименованию вида изучаемых явлений. Например, физика – это отрасль науки, в которой изучаются особенности физических явлений, объектом исследования в физиологии являются физиологические явления, в биологии – биологические.

Что касается психологии, то, очевидно, речь должна идти о психических явлениях. Но слово «психология» в буквальном переводе означает учение о душе или психике. В связи с этим возникает вопрос о соотношении понятий «душа», «психика» и «психическое явление». Поскольку исто-

рически сложилось так, что понятие о душе стало одним из основных категорий религиозной формы познания, в психологии – как особой отрасли науки – имеет смысл оперировать понятиями «психика» и «психическое явление». В чем же суть этих понятий?

В настоящее время общепризнанным является определение психики как свойства мозга, обеспечивающего отражение особенностей объективной действительности и регуляцию поведения на основе результатов этого отражения. Психические же явления определяются как явления, протекающие в психике. Однако вряд ли эти определения можно назвать удовлетворительными.

Отражение особенностей объективной действительности и осуществление соответствующих им форм двигательной активности имеет место и у простейших живых организмов, не обладающих ни мозгом, ни нервной системой. Поэтому, говоря о психике, речь должна идти о некоторой особой форме отражения действительности, для реализации которой требуется наличие мозга. Что касается общепринятого определения психических явлений как явлений, протекающих в психике, то возникает вопрос: «Если психика – это свойство мозга, то как в свойстве мозга могут протекать какие-то явления?».

В чем же специфика психической формы отражения, и какие явления следует называть психическими?

Традиционное в психологии указание на то, что психическая форма отражения характеризуется интенциональностью или субъективностью мало что проясняет. Интенциональность присуща любой форме отражения просто по определению сути отражения, а субъективность означает лишь то, что психическая форма отражения присуща субъекту, который сам по себе определяется как носитель психики и психической формы отражения.

Несомненно, психическая форма отражения действительности как более сложная форма отражения возникает на более поздней стадии развития живых организмов, и ее появление обусловлено жизненной необходимостью в принципиально новых механизмах регуляции поведения. Чтобы понять суть этих механизмов, следует рассмотреть возможности и ограничения, присущие непсихическим формам отражения, в частности, физиологическим как наиболее сложным из непсихических.

С позиции естественных наук, в частности физиологии, не вызывает сомнения, что в основе любого двигательного акта любого живого существа лежат определенные материальные по своей сути физиологические

процессы. Без физиологических процессов, обеспечивающих иннервацию отдельных групп мышц, никакой двигательной активности быть не может.

Если обозначить особенности ситуации объективной действительности, в которой находится организм, символом C и соответствующую реакцию организма на воздействие этой ситуации символом R_C , то физиологические механизмы формирования двигательной реакции организма R_C на воздействие ситуации C можно представить в виде простого соотношения

$$C \Rightarrow \Delta V_C \Rightarrow \Delta V_{R_C} \Rightarrow R_C \quad (1)$$

где: ΔV_C – изменение в физиологических процессах, протекающих в сенсорной системе организма, которое обуславливается наличием воздействия ситуации C ; ΔV_{R_C} – изменение в физиологических процессах, протекающих в двигательной системе организма, необходимое для осуществления двигательной реакции R_C .

Изменение в физиологических процессах ΔV_C , соответствующее воздействию ситуации C , можно рассматривать как физиологическую форму отражения особенностей данной ситуации или как соответствующую физиологическую форму знания об этой ситуации, которую можно обозначить символом C'_V . Соответственно, изменение в физиологических процессах ΔV_{R_C} , обеспечивающее осуществление двигательной реакции R_C , можно рассматривать как физиологическую форму знания об этой реакции и обозначить символом $(R_C)'_V$.

Если записать $\Delta V_C = C'_V$ и $\Delta V_{R_C} = (R_C)'_V$, а также учесть, что на осуществление изменений в физиологических процессах требуется некоторое время Δt , то соотношение (1) может быть приведено к виду

$$\begin{array}{ccccccc} C'_V & & (R_C)'_V & & & & \\ \parallel & & \parallel & & & & \\ C \Rightarrow \Delta V_C \Rightarrow \Delta V_{R_C} \Rightarrow R_C & & & & & & (2) \\ & & \underbrace{\hspace{10em}}_{\Delta t} & & & & \end{array}$$

Очевидно, что за время Δt начальная ситуация может существенным образом измениться, и тогда двигательная реакция организма будет неадекватна вновь возникшей ситуации, что может повлечь нежелательные для организма последствия.

Чтобы реакция организма была адекватной вновь возникающим ситуациям, организм должен обладать механизмом получения знаний не только об особенностях ситуации текущего настоящего $(C_{\text{наст}})'_V$, но и об особенностях ближайшего будущего этого настоящего $(C_{\text{бл.буд}})'_V$, которое наступит через время Δt . Кроме того, должна быть возможность получения знания о реакции $(R_{C_{\text{бл.буд}}})'_V$ в ситуации ближайшего будущего.

Поскольку ситуация ближайшего будущего не оказывает непосредственного воздействия на организм, обычные механизмы физиологического отражения не могут обеспечить получение таких знаний. Нужны принципиально новые механизмы. Для реализации этих новых механизмов в организме и появляться мозг. Соответственно появляется и особая форма организации физиологических процессов, протекающих в мозге, благодаря которой удастся получить знания и об особенностях ситуации ближайшего будущего, и об адекватной ей двигательной реакции. Этот новый механизм получения знаний и соответствующая форма организации физиологических процессов, протекающих в мозге, и есть то, что следует именовать как "психика" и "психическая форма отражения действительности".

Алгоритм организации физиологических процессов, обеспечивающий получение знаний о ближайшем будущем и, соответственно, реализацию психической формы отражения действительности, записывается следующим образом:

$$\Delta V_{C_{\text{бл.буд}}} = \Delta V_{C_{\text{наст}}} + (\Delta V_{C_{\text{наст}}} - \Delta V_{C_{\text{пр}}}) \quad (3)$$

Представленную соотношением форму организации физиологических процессов можно рассматривать как физиологический механизм психической формы отражения.

Познавательный психический процесс как частный случай психической формы отражения действительности можно представить следующим соотношением

$$\Delta \Psi_{C_{наст}} = \left\{ \begin{array}{c} \Delta V_{C_{бл.буд}} \\ \Uparrow \\ \Delta V_{C_{наст}} \end{array} \right\} \quad (4)$$

Результатом познавательного психического процесса является субъективный образ объекта или явления ближайшего будущего объективной действительности.

Форма организация физиологических процессов, обеспечивающая получение знаний о возможных формах поведения организма в ситуации ближайшего будущего, представляет собой материальную физиологическую основу волевого психического процесса.

В принятых нами обозначениях простой волевой психический процесс описывается следующим соотношением

$$\Delta \Psi_{R_{C_{наст}}} = \left\{ \begin{array}{c} \Delta V_{R_{C_{бл.буд}}} \\ \Uparrow \\ \Delta V_{R_{C_{наст}}} \end{array} \right\} \quad (5)$$

В результате психических процессов организм, обладающий психикой, получает некоторые знания об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности. Совокупность этих знаний образует так называемую внутреннюю или субъективную картину Мира, которая возникает у субъекта в результате его взаимодействия с реально существующим Миром. Психическая форма отражения действительности, в отличие от физиологической формы отражения, носит исключительно активный характер, поскольку при психической форме отражения фактически происходит не отражение действительности как таковой, а построение образа той действительности, которой еще нет, но которая должна вот-вот появиться. Наличие сознания как высшего уровня развития психики обуславливает расщепление внутренней субъективной картины Мира на две составляющие – осознаваемую и неосознаваемую. Соответственно, возникают и две формы регуляции поведения субъекта – сознательная и бессознательная.

Особенности психических процессов и психических форм регуляции поведения субъекта есть не что иное, как особенности проявления психики субъекта. Будучи проявлением психики, психические процессы и различные формы их организации, называемые психическими состояниями, представляют собой психические явления.

С учетом изложенного выше можно сказать, что психология – это наука о психике, психических процессах и психических явлениях. Однако важно иметь четкие представления о том, что такое «психика» и что понимается под «психическим процессом» и «психическим явлением».

© А.Ф. Корниенко, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— • —

УДК 159.9:316.47

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОСОЗНАНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ВНУТРИГРУППОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И.В. Сильченко. Гомельский государственный университет им.
Ф. Скорины (Гомель, Беларусь), e-mail: IrinaSilchenko07@yandex.by

Резюме. В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования проблемы осознания и переживания межличностных отношений в истории отечественной социальной психологии.

Ключевые слова: межличностные отношения, осознание, переживание, социально-психологическая рефлексия и перцепция, перцептивные феномены.

Важнейшим аспектом области психологии межличностных отношений в малых группах является проблема их осознания и переживания. Подлинно психологический подход к исследованию групповых процессов и управлению ими, по мнению ряда отечественных социальных психологов, предполагает учет не только объективных факторов групповой действительности, но и субъективных – представлений членов группы о межличностных отношениях в группе, о собственном положении в структуре этих отношений и положении других ее членов. Совокупность этих представлений у каждого члена группы

создает «индивидуальный субъективный образ группы» [5, с. 4], который не только отражает групповую реальность, но и выполняет регулятивную функцию по отношению к ней (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, 1981, Я.Л. Коломинский, 1986; Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская, 1991 и др.).

В отечественной социальной психологии проблема осознания межличностных отношений начала разрабатываться в 60-е годы XX века. Основная часть этих исследований осуществлялась в рамках разработки социально-психологических проблем педагогической и детской психологии. Наиболее систематическое и разноаспектное изучение социально-психологической рефлексии и перцепции было предпринято Я.Л. Коломинским, итоги которого были подведены им в монографии «Психология взаимоотношений в малых группах». Автором были разработаны оригинальные методические приемы исследования – «аутосоциометрические методы», позволяющие косвенным путем измерить и текущие и ретроспективные самооценки и взаимооценки статуса. Обнаружен и описан ряд феноменов осознания статусной структуры групп, получены коэффициенты, измеряющие существенные параметры социально-психологической рефлексии и перцепции [1].

Важным, на наш взгляд, является акцентирование Я.Л. Коломинским того факта, что из всех систем взаимоотношений, система личных отношений наиболее эмоционально насыщенная. Исследования показывают, что человек аффективно, эмоционально переживает свои взаимоотношения, особенно остро они переживаются в подростковом и юношеском возрасте. Любое осложнение, нарушение в этой сфере, действительная или мнимая потеря привычного положения, воспринимается человеком как трагическое событие, переживается очень остро и зачастую болезненно. Отношение человека к своему положению в системе межличностных отношений включает два основных психологических компонента – переживание и осознание. Переживание и осознание теснейшим образом связаны между собой, но это разные психологические характеристики отношения к окружающему. Так, человек может осознать что-то, но это оставляет его спокойным, эмоционально не затрагивает. И, наоборот, он может аффективно, эмоционально переживать свои взаимоотношения с окружающими, свое положение в группе сверстников, истинных причин которых он не осознает [2, с. 205-207]. Формами проявления переживаний выступают: парадокс осознания – тенденция к завышенной самооценке статуса у низкостатусных индивидов; социометрические установки – относительная устойчивость тенденций

оценивать статус других членов группы как высокий или как низкий; эгоцентрическая нивелировка статуса – тенденция приписывать другим членам группы статус либо равный своему, либо более низкий; ретроспективная оптимизация – тенденция благоприятно оценивать свой статус в прежних группах и др. [1, с. 208-310]. Подчеркивая важность исследования проблемы переживания межличностных отношений, Я.Л. Коломинский, вместе с тем, отмечает методическую трудность такого изучения, в силу их субъективности и недостаточной осознанности [2, с. 208].

Ю.А. Орн, разрабатывая проблему осознания личных взаимоотношений, провел тщательный анализ традиционного теста социометрической перцепции и разработал новый методический прием – «социометрическое сочинение», а также выявил ряд новых факторов, влияющих на адекватность осознания статусной структуры группы. Результаты его работ свидетельствуют о тенденции к лучшей осознаваемости отрицательной иерархии (отвергаемых группой лиц), чем положительной иерархии (предпочитаемых группой лиц). Значительный интерес представляет попытка анализа закономерностей осознания мотивов межличностных отношений [3, с. 51]. Благодаря работам Я.Л. Коломинского и Ю.А. Орна, проблема осознания межличностных отношений вошла в отечественную социальную психологию и педагогику и начала интенсивно разрабатываться в самых различных направлениях.

В 70-е годы прошлого века исследования закономерностей осознания межличностных отношений проводятся на кафедре социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Они развертываются в контексте широких исследований межличностного восприятия и направлены на преодоление разрыва между изучением социальной перцепции и межличностных отношений в малых группах. В качестве методологической основы был введен принцип *деятельностного опосредствования*, что обусловило необходимость исследования рефлексивно-перцептивного отражения личных взаимоотношений в группах разного уровня развития и с различным содержанием совместной деятельности. В этой связи, непосредственный интерес представляют исследования, проведенные К.Е. Данилиным, в которых анализируются закономерности осознания диадических отношений в группах с различным уровнем развития совместной деятельности и коллективистских отношений. В них показано решающее значение уровня развития группы и объективного положения субъекта в ней для точности восприятия субъектом межличностных

предпочтений в группе и доказана ограниченность проявления широкого класса ошибок в восприятии межличностных предпочтений (презумпции взаимности и предположения о сходстве), действие которых считалось универсальным. Установлено, что аутосоциометрические показатели позволяют содержательно углубить представления о группе и ее участниках: об атмосфере группы, характере лидерства в ней, групповой дифференциации, о специфике адаптации в ней новых членов [4, с. 22-24].

Рассмотрение истории изучения проблемы социально-психологической рефлексии и перцепции было бы неполным без упоминания фундаментального исследования А.А. Кроника [5], касающегося социально-индивидуально-психологических закономерностей формирования самооценок и взаимооценок статуса в малых социальных группах. Исходя из теории установки Д.Н. Узнадзе, ученым разработана установочная модель социально-психологических механизмов межличностного оценивания, в рамках которой получают объяснение многие известные феномены социальной перцепции, а также предсказываются условия возникновения ряда новых. Автором выделены четыре типа межличностного оценивания: нормативное, в котором функцию установки выполняют ожидаемые оценки; ценностное, которое базируется на идеалах и антиидеалах; социоцентрическое, основанное на сложившемся ранее мнении субъекта об оцениваемом индивиде; эгоцентрическое, в основе которого лежит самооценка личности и ее представления и суждения о себе самой. Выявлены факторы индивидуальных различий в межличностном оценивании. Прослежена эволюция механизмов межличностного оценивания, установлено, что по мере продвижения группы от неколлектива к коллективу происходит последовательная смена типов оценивания от нормативного к эгоцентрическому, социоцентрическому и ценностному [5, с. 101].

В других исследованиях, выполненных в рамках данного подхода, отмечается, что влияние группового контекста на межличностное восприятие не исчерпывается одним только деятельностным фактором, который так же нуждается в большей детализации. В диссертационных работах была выявлена следующая совокупность детерминант межличностного восприятия: эффективность, уровень развития и форма организации совместной деятельности (А.А. Амельков, 1985; Т.С. Миронова, 1986; Р.Л. Кричевский, 1991; А.С. Симаков, 1998), а также переменные личностного характера (М.Е. Шмуроватова, 2001).

Установлено, что основным детерминирующим фактором является эффективность деятельности, именно она определяет содержание межличностного восприятия, в то время как все остальные играют вспомогательную роль, дополняя и корректируя влияние основного фактора [6, с. 140].

Как видим, результаты многочисленных исследований оказались неоднозначными и противоречивыми. Накопленные к настоящему времени данные свидетельствуют, что не только совместная деятельность обуславливает содержание межличностного восприятия членов группы, но и адекватное осознание и переживание межличностных отношений в группе оказывает формирующее воздействие на статусную иерархию этих отношений и служит фактором повышения эффективности совместной деятельности (Л.А. Пергаменщик, 1985; Я.Л. Коломинский, 2000; М.Е. Шмуратова, 2001 и др.). Причем, наиболее демонстративно подобное влияние обнаруживает себя в феномене руководства: социально-перцептивные характеристики руководителя, точность отражения им групповых параметров выступают в качестве одного из существенных условий эффективности групповой деятельности (В.П. Соловьев, 1987; Е.И. Шарова, 1986; Р.Л. Кричевский, 1991).

Краткий экскурс в историю проблемы осознания и переживания межличностных отношений позволяет отметить, что в отечественных исследованиях накоплены многочисленные порой противоречивые эмпирические факты, преимущественно связанные с изучением одного психологического компонента отношения человека к своему положению – «осознания». Другому аспекту – «переживанию» уделяется недостаточно внимания, что отражается и в названиях работ, где для обозначения направления и проблематики исследований термин «переживание» практически не используется.

Литература:

- 1 Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах / Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1976. – 352 с.
- 2 Коломинский, Я.Л. Социальная психология развития личности / Я.Л. Коломинский, С.Н. Жеребцов. – Минск: Высш. шк., 2009. – 336 с.
- 3 Орн, Ю.А. Оценка межличностных отношений учащихся как педагогическая проблема: автореф. ... дис. канд. пед. наук: 10.00.01 / Ю.А. Орн; Тартуский гос. ун-т. – Тарту, 1975.– 61с.

4. Данилин, К.Е. Восприятие межличностных предпочтений в группе: автореф. ... дис. канд. психол. наук: 10.00.05 / К.Е. Данилин; Московский гос. ун-т. – М., 1984. – 25 с.

5. Кроник, А.А. Межличностное оценивание в малых группах / А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1982. – 160 с.

6. Кричевский, Р.Л. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 207 с.

© И.В. Сильченко, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— • —

УДК 7.067

К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Г. Хакимова, Ш. Авезов. Бухарский государственный университет
(Бухара, Узбекистан), e-mail: psixologiya_jurnali@rambler.ru

Резюме. В данной статье идет речь о вопросах художественного сознания. Художественное сознание рассматривается как часть общественного сознания, отражая определенные стороны образа жизни.

Ключевые слова: художественное сознание, эстетическое сознание, красота, восприятие, переживание, эмоции, чувства, художественная память, художественное мышление.

Исторически сложился относительно устойчивый спектр видов искусства: архитектура, скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, киноискусство, телевидение, литература. Каждый из них осваивает ту или другую сторону многогранного человеческого бытия и обладает своей спецификой художественно-образного языка.

Художественное (эстетическое) сознание – часть общественного сознания, одна из его форм, элемент структуры. Если подойти к нему в историческом плане, то можно сказать, что художественное сознание наряду с

религиозным и нравственным относится к самой начальной стадии общественного сознания и, следовательно, представляет собой одну из самых его старых форм, непосредственно порожденных материальными условиями жизни. Не было еще ни правосознания, ни политического сознания, а зачатки художественного сознания уже были и отражались в наиболее раннем синкретизме, в мифологии, а тем более – в сохранившихся до нас наскальных изображениях первобытного человека.

В античном мире художественное сознание приобрело относительно самостоятельное значение, играя заметную роль в становлении и развитии личности. То, что оно на протяжении тысячелетий не было выделено теоретически, как правило, смешиваясь с художественным творчеством, ничуть не уменьшает его самостоятельной роли в истории. Например, в Древней Греции эстетическое понимание сливалось с философским. Ведь невозможно понять сущность искусства, игнорируя его эстетическую природу, связь с красотой, идеалом. Этот ценностный аспект вводит исследование искусства в сферу философии. Как правило, на практике эстетика выступает в качестве определенной философии искусства.

Эстетическое сознание – это та форма или часть общественного сознания, которая отражает все богатство эстетического отношения человека к миру и выражает его активное стремление к гармонии, совершенству, красоте, к идеалу прекрасного. В древности формировалось весьма расширенное представление о красоте: красивым признается благо, здоровье, богатство, почет – словом, все то, что полезно, пригодно и т.д. Здесь красота рассматривалась не столько в эстетическом, сколько в этическом и экономическом отношениях, как совершенство того или иного предмета или состояния. В эпоху Возрождения главное внимание было обращено не на выработку новых определений красоты, а на умение изображать правдиво красивые предметы. Высшая красота, по мнению мыслителей эпохи Ренессанса, это красота живой природы, хотя она не всегда лежит на поверхности.

Приблизительно с XVI века в реалистических учениях о красоте развиваются две основные тенденции. С одной стороны, ученые доказывают, что красота – проявление неисчерпаемого разнообразия природы. Гете видел начало красоты в природном совершенстве. С другой стороны, намечаются попытки свести красоту к одному свойству (идея о линии красоты, золотом сечении).

С нашей точки зрения, трудно согласиться и с одним, и с другим суждениями, так как, во-первых, если красота – это самое естественное в

мире явление, то в чем же тогда заслуга художника, который хочет принести что-то свое в изображаемый им мир? И второе, как можно найти общее для всех красивых предметов, где же критерий этого идеального? Можно прочертить только мыслимую, условную линию между крайними параметрами художественного сознания. Самой существенной особенностью его, на мой взгляд, является эмоциональность. Вне ее не может сложиться ценностное отношение человека к миру. Итак, по одну сторону невидимой линии стоит определенная реальность, рожденная восприятием, а по вторую – эстетический идеал, являющийся результатом субъективных представлений человека о прекрасном. Такие звенья структуры эстетического сознания, как созерцание, восприятие, переживание, эмоции, чувства, наслаждение формируют чувственное отношение человека к миру. Взаимосвязь этих звеньев говорит о системности и структурности эстетического сознания.

В действии эстетического сознания большую роль играет память об эстетическом, его высшем выражении. Остановимся на специфике эстетической, художественной памяти.

Эстетическая память всегда предметна и конкретна, а художественная память также и образна. Эстетический вкус играет важную роль в эстетическом восприятии, как бы автоматически отбирая для памяти то, что отвечает эстетическим вкусам индивида, отбрасывая все, что противоречит ему.

Еще одно специфическое свойство художественного сознания – воображение. Оно обладает эмоциональной заразительностью и смыслом для каждого индивида. В воображении, отвечающем представлениям человека о прекрасном неизбежно возникновение образности, или конкретного представления. Воображение отражает, как правило, степень духовности личности.

Для сравнения можно обратиться к такой форме общественного сознания, как наука. Несомненно, что такие звенья сознания, как ощущение, восприятие, образное представление занимают в ней сравнительно ограниченное место, хотя и проявляются на уровне поисков, опытов.

Обращение к различным формам общественного сознания помогает дифференцировать эстетическое сознание и, скажем, религиозное. Кажется, что первое, есть форма наиболее широкого и наиболее личностного сознания по своим проявлениям. Как субъективная реальность и “текущее настоящее” эстетическое сознание сказывается многообразнее и

тоньше, предметнее и образнее, чем любая другая форма общественного сознания.

Для художественного сознания характерна «живая мысль», действующая предельно свободно, с определенными ценностными установками, то есть обретающая глубокий личностный смысл для каждого человека в отдельности.

Из всех форм общественного сознания именно художественное в своих ценностных ориентациях является наиболее широким. Оно специфически отражает достижения различных сфер сознания и идеологии, оно отражает чувственно воспринимаемый мир, конечно, в аспекте прекрасного или безобразного, возвышенного или низменного, трагического или комического, героического или антигероического.

Сознание и потребность, отношение и действие – все это система чисто человеческих факторов, находящихся в диалектической взаимообусловленности и взаимодействии. Действуя в каждой сфере общественной жизни на новых уровнях, они обогащаются, возвышаются, становятся все более определенными, творчески активными. Конечно, эти качественные перемены не совершаются изолированно от условий общественной жизни. В постоянстве качественных перемен в эстетическом сознании сказываются объективные условия общественной жизни, в особенности, характер и содержательность конкретной эстетической культуры и нравственно-психологической атмосферы, вне которой трудно представить эту культуру, являющуюся одним из существенных факторов формирования эстетического сознания. На развитие эстетической культуры влияют эстетические взгляды, представления, понятия, художественное творчество во всех его видах, материализация эстетического сознания через эстетику быта, спорта, и т.д. Эстетическое сознание, отражая определенные стороны образа жизни, отличается лишь относительной самостоятельностью. Развиваясь по своим специфическим законам, эстетическое сознание испытывает на себе влияние различных форм жизни общества.

Историю мирового искусства можно рассматривать как историю художественных стилей. Выделяют стили различной степени общности: стиль отдельного произведения, индивидуальный стиль автора, стиль целых эпох, стили определенных направлений, определенных видов искусства (например, архитектурные стили) и т.д. Изменение одних способов художественного мышления другими, изменение форм, типов композиций, приемов пространственных построений, особенности колорита взаимосвязаны и не случайны. В рамках одного исторического художественного

стиля всегда зарождается новый, а тот, в свою очередь, переходит в следующий согласно специфических особенностей исторической эпохи.

Более детальное рассмотрение всего многообразия художественно-стилевых форм рассматривается при характеристике соответствующих культурно-исторических эпох художественного развития - первоначальной, античной, средневековой, ренессансной, нового и новейшего времени. Каждая из них представляет собой определенную картину мира в представлении людей, характеризуется определенной общностью религиозных, философских, политических идей, научных представлений, психологических особенностей мировосприятия, этических и моральных норм, эстетических критериев жизни [2].

Гармонизация духовного мира человека, его мыслей, чувств совершается на основе художественного образа искусства как формы общественного сознания, которое и выступает непосредственным способом эстетического воспитания. Опосредованно через эстетизированный предмет других видов деятельности эстетическое воспитание осуществляется прикладными искусствами.

Литература:

1. Бессонов, Б.Н. Человек. Пути формирования новой личности / Б.Н. Бессонов. – М., 1988.
2. Власов, В.Г. Стили в искусстве: словарь / В.Г. Власов. – Т.1. – СПб, 1995.
3. Гачев, Г. Творчество, жизнь, искусство / Г. Гачев. – М., 1980.
4. Сысоева, Л.С. Материально художественная деятельность и эстетическое воспитание / Л.С. Сысоева, С.Т. Махлина. – Томск, 1993.

© Г. Хакимова, Ш. Авезов, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— • —

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

М.А. Чагова. ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (Черкесск, Россия), e-mail: Sh_marinochka@mail.ru

Резюме. В сообщении представлен краткий обзор развития проблемы толерантности к неопределенности. Отмечено, что, несмотря на относительную молодость исследований, феномен толерантности к неопределенности смог обозначить перспективность своего прикладного рассмотрения применительно к широкому кругу вопросов. Отмечено, что исследовательский ресурс феномена не исчерпан и толерантность к неопределенности может раскрыть новые грани, в частности, такого сложного состояния как психологическая безопасность личности в разных контекстах деятельности субъекта.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность, психологическая безопасность, субъект, напряженная профессиональная деятельность.

Проблема толерантности к неопределенности в настоящее время образует одно из интереснейших направлений психологической науки. Упоминания о толерантности к неопределенности встречаются в связи с исследованием проблем: формирования дивергентного мышления старшеклассников, эффективного консультирования, педагогической фасилитации, личностного изменения, воспитания толерантности, самоактуализации личности, педагогического партнерства [2]. Рассматривают также связь толерантности к неопределенности и креативности (человек способный переносить ситуации неопределенности, сможет работать со сложными проблемами, находя различные их новые решения, т.е. проявлять свою креативность).

Несмотря на достаточную молодость исследований в данной области, они открывают горизонты новой интерпретации и разработки ключе-

вых вопросов психологической науки и практики. Толерантность к неопределенности может внести значительный вклад в развитие представлений о достижении сложных состояний (например, психологической безопасности личности [9, 10]) и овладении сложными умениями и навыками (иностранными языками [14]). Такие перспективы нами обозначаются с опорой на выявленные на сегодняшний день характеристики толерантности и интолерантности к неопределенности. Установлено, что обладание личностной толерантностью к неопределенности позволяет субъекту видеть в изменяющемся мире новые возможности, пытаться найти компромисс между собой и окружающим миром. Интолерантный же человек постоянно испытывает трудность в коррекции программы поведения в необходимых ситуациях, находится в состоянии нервно-психического напряжения. В итоге это ведет к переутомлению и истощению организма, а, значит, и падению внутренних ресурсов, и потере способности к активной работе [1]. В эпоху быстро меняющихся условий труда, сложности, напряженности психологической обстановки в условиях экономического, политического и социально-культурного развития становится востребованной практика развития и поддержания у субъекта толерантности к неопределенности.

Термин «толерантность к неопределенности» возник относительно недавно – в XX веке, предложен в работе Э. Френкель-Брунสวิк в 1948 г. в связи с изучением авторитаризма [20] в рамках исследовательского проекта по изучению авторитарной личности, выполнявшегося в конце 40-х годов XX века под руководством Т. Адорно. По его итогам был выделен тип авторитарной личности, характеризовавшийся девятью психологическими чертами: устойчивая приверженность ценностям среднего класса, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, ригидность и стереотипность мышления, склонность к мистике, поддержка силы и твердости, деструктивность и цинизм, антиинтрацепция (нечто вроде антипатии ко всему творческому), морализаторство в вопросах сексуальной жизни [16]. Однако, вскоре интерес к изучению темы «толерантности к неопределенности» воплотился в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. Ее развитие связано с классической работой С. Баднера (1962) [18], в которой предложена первая измерительная шкала толерантности к неопределенности, и работой С. Бохнера (1965) [17], где впервые системно представлен ряд характеристик интолерантной к неопределенности личности. С 1970 года и до конца десятилетия проводятся исследования как самого феномена толерантности к неопределенности, так и сравнительные исследования толерантности к неопределенности и локуса

контроля, необходимости в структурировании и догматизма, восприятия юмора, самоактуализации, влияния толерантности к неопределенности на эффект стимулирующих игр. Исследуются возрастные аспекты, появляются новые измерительные шкалы. С 1980 г интерес к проведению исследований заметно стихает.

Сохранению интереса к себе толерантность к неопределенности обязана социальной психологии, в которой она рассматривается последователями теории авторитарной личности Т. Адорно, Э. Френкель-Брунสวิк и т.д. Постепенно происходит расширение географии проводимых исследований и обогащение измерительного инструментария: испаноязычная шкала Д. Вигано ла Роза – D.L. шкала Vigano la Rosa [25] и более подробный обзор шкал для измерения толерантности к неопределенности можно найти в работах Э. Фарнхема и Т. Рибчестер [22]. Их обзорная статья вскрыла основные проблемы исследования толерантности к неопределенности: размытость конструкта, его зависимость от методики измерения, что делает проблематичным сравнение результатов различных исследований, и кумулятивного накопления фактов об этой личностной / когнитивной черте [4]. Большой вклад в развитие рассматриваемой проблемной области внесли исследования А.И. Гусева [2]. С 1990 года и по сей день наблюдается возрастающий интерес к исследованию различных аспектов толерантности к неопределенности в сфере подготовки бизнесменов и медицинских работников, в связи с исследованием креативности и различных видов мышления. Рассматриваются различные аспекты взаимоотношений толерантности к неопределенности с другими психическими образованиями: потребностью в точности, потребностью в структурировании курса, предпочтении риска, поведенческой экспрессии и пр. Не ослабевает интерес к изучению возрастных особенностей этого феномена. Исследовательский аппарат дополнился шкалой MSTAT-I [3].

В нашей стране изучение толерантности к неопределенности происходит только в 90-е годы прошлого столетия. Так, в 1998 г. в Санкт-Петербургском госуниверситете Е.Г. Луковицкой была защищена кандидатская диссертация по специальности социальная психология на тему «Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности» [11]. В 2004 г. в Московском госуниверситете на кафедре нейро- и патопсихологии Н. Шалаев защитил дипломную работу на тему «Адаптация методики исследования толерантности к неопределенности» [15]. В обоих исследованиях авторы при упоминании о толерантности к неопределенности ссылаются исключительно на зарубежные источники.

Значительный вклад в рассмотрение проблемы толерантности к неопределенности внесли А.Г. Матушанская и Б.С. Алишев. В статье «Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии» авторы рассматривают толерантность к неопределенности в трех аспектах: толерантность к двусмысленности, толерантность к неопределенности и толерантность к неизвестности [12]. «Толерантность к двусмысленности» была рассмотрена Э. Френкель-Брунsvик как когнитивная составляющая качества толерантности к неопределенности [20]. Двусмысленность по ее мнению выражалась в способности индивида носить в себе как отрицательные, так и положительные качества в одном и том же объекте. При дальнейших исследованиях в замену «толерантности к двусмысленности» пришел более широкий по значению термин «толерантность к неопределенности», включающий в себя абсолютную неизвестность, а не только наличие альтернатив («толерантность к двусмысленности»).

Некоторые исследователи, к примеру, К. Дальберт [19], используют термин «толерантность к неизвестности», говоря о том, что неизвестность возникает при недостаточном количестве информации о последующем развитии ситуации, то есть она связана с наличием фактора времени. По мнению К. Дальберта, толерантные к неизвестности люди оценивают неопределенные ситуации как вызов, они ищут такие ситуации, в то время как интолерантные к неизвестности люди переживают неопределенные ситуации как угрозу. При возникновении таких ситуаций интолерантные к неопределенности люди стараются избежать их, а при отсутствии такой возможности стремятся скорее их завершить. По мнению авторов статьи, двусмысленность чаще всего связана с речевыми конструкциями или с действиями людей в конкретных ситуациях, допускающими возможность разного истолкования их смысла и значения. Она является лишь частным случаем неопределенности как всеобщей характеристики реальности, ее познания и переживания человеком. Суть этой всеобщности заключается в том, что та или иная мера неопределенности присутствует всегда и всюду в силу того простого факта, что будущее не задано и не предопределено. Человек, хочет он того или нет, вынужден приспосабливаться к этой неопределенности, и разным людям это удастся в разной мере [19].

Авторы связывают исследования толерантности к неопределенности с «потребностью в конструктивном заключении», «потребностью в структурировании действительности», «потребностью в познании» [24; 27]. «Потребность в конструктивном заключении» выражается в стремлении

индивидуумом получить ответ на любой вопрос, связанный с неопределенностью или сомнением. Суть проблемы «потребности в структурировании» заключается в том, что людям для того, чтобы нормально жить и взаимодействовать, нужно иметь некоторое представление о реальности, т.е. структурировать ее, расчленять на объекты, явления, системы. Вопрос о «потребности в познании» разрабатывался А.Р. Козном, который определял его как «потребность в понимании и причинном объяснении воспринимаемого мира» [26].

В кросс-культурных исследованиях Г. Хофстеда толерантность к неопределенности рассматривается как культурная переменная. Под неопределенностью он понимал пребывание человека в неструктурированных ситуациях и считал, что социальные правила, ритуалы, религиозная ориентация культурно обуславливают формы реагирования индивида на неопределенность. Следовательно, полагает он, именно пребывание человека в той или иной культуре развивает различную степень склонности к избеганию неопределенности. Данное понятие указывает, в какой степени развитие человека в рамках той или иной культуры позволяет членам данной культуры ощущать комфорт или дискомфорт в неопределенной ситуации. В связи с этим Г. Хофстед отмечает, что «культуры, стремящиеся избежать неопределенность, пытаются минимизировать вероятность таких ситуаций, создавая строгие законы и правила, меры безопасности и защиты. В противоположном типе культуры, толерантной к неопределенности, люди более терпимы к взглядам, отличным от их собственных или тех, к которым они привыкли; они стараются создавать как можно меньше правил, а с позиций философии и религии действуют как «релятивисты» (признающие относительность чего бы то ни было)» [23].

На современном этапе изучения данного явления наблюдается увеличение работ прикладной направленности. Возникшие концептуальные противоречия в рассмотрении толерантности к неопределенности (как одномерного или многомерного явления, как «стержневого» психического свойства или специфической особенности когнитивных процессов) актуализировали значимость решения вопросов измерения толерантности к неопределенности. Большой вклад в практическую разработку измерений толерантности к неопределенности внесли Г.У. Солдатов, Л.А. Шайгерова, Т.Ю. Прокофьева, О.А. Кравцова, которые разработали практическое пособие по психодиагностике толерантности личности [13]. Практическое пособие включает конкретные методы, позволяющие исследовать различные аспекты толерантности как психофизиологической и социально-

психологической устойчивости личности, как системы установок и ценностных ориентации, как групповой и личностной характеристики. Психодиагностический материал представлен в виде описания методик, стимульного материала, способов обработки и интерпретации. Пособие адресовано психологам, социологам, педагогам, студентам и аспирантам гуманитарных факультетов университетов, а также всем, кто проводит или планирует проводить эмпирические исследования толерантности и заинтересован в поиске инструментов ее диагностики и исследования.

Интересным в этой связи представляется исследование Т.В. Корниловой в статье «Новый опросник толерантности к неопределенности», опубликованной в «Психологическом журнале» [8]. В статье автора представлены результаты апробации на российской выборке нового опросника толерантности к неопределенности – НТН. В его основу положена схема соединения А. Фурнхамом наиболее известных ранее в зарубежной литературе шкал [21]. Обоснована представленность в Новом опроснике толерантности к неопределенности трех шкал – толерантности к неопределенности (ТН), интолерантности к неопределенности (ИТН) и межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН). В другой своей статье «Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека» Т.В. Корнилова рассматривает принцип неопределенности в его психологических конкретизациях, начатых исследованиями интеллектуальных стратегий в работах О.К. Тихомирова, положенный в основу представлений о единстве функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека, саморегуляции его решений и действий, и модели множественной функциональной и многоуровневой регуляции выбора [6,7].

В последнее время особое внимание уделяется исследованию качества толерантности к неопределенности у психологов. Появилось большое количество работ студентов-психологов и психологов-практиков, уделивших внимание данному вопросу. Интересно, в частности, исследование О.А. Кондрашихиной по выявлению значимости конструктивного отношения к неопределенности в контексте различных форм профессиональной деятельности психолога – научно-исследовательской, диагностической, консультативно-терапевтической, коррекционной [5].

Несмотря на интенсивность проводимых исследований как в зарубежной и отечественной психологии, очевидно, что феномен толерантности к неопределенности обладает еще не до конца раскрытым потенциалом исследовательских разработок. Так, перспективное направление исследований открывается на основе выдвижения предположения, в соот-

ветствии с которым толерантность к неопределенности может выступить значимым условием психологической безопасности субъекта напряженной профессиональной деятельности. Это тем более актуально в связи с современным состоянием нестабильности общества в экономической, политической, социальной сферах. Деформированная потребность в психологической безопасности приводит к снижению удовлетворенности настоящим, к уничтожению уверенности в будущем, к разрушению целостности личности, росту страха и тревоги, снижению устойчивости к неблагоприятным воздействиям. Постоянное нахождение человека в состоянии стресса непосредственно влияет на его эмоциональный фон, здоровье, взаимоотношения с окружающими людьми, работоспособность, выносливость, способность успешно адаптироваться к новым условиям жизни. Все это обостряет востребованность выработки у него на личностном уровне особого качества устойчивости к действию фактора неопределенности внешней и внутренней среды, которое можно обозначить термином «толерантность к неопределенности». Работа в этом направлении находится еще в начальной стадии, однако рассматривается перспективой ближайшей теоретико-эмпирической проверки.

Литература:

1. Быков, Е.С. Толерантност к неопределенности как характеристика инновационной личности / Е.С. Быков [Электр. ресурс] // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики. – Режим доступа: <http://www.sdort.ru/books/av-gorbenko/tolerantnost-k-neopred>.
2. Гусев, А.И. К проблеме измерения толерантности к неопределенности / А.И. Гусев // Практична психологія та соціальна робота. – 2007. – № 8. – С. 75-80.
3. Зинченко, В.П. Толерантност к неопределенности: новост или психологическая традиция / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 3-20.
4. Зотова, Е.Ю. Современные исследования толерантности к неопределенности в зарубежной психологии / Е.Ю. Зотова // Вестник НГУ. – 2009. – Том 3. – Вып. 1.
5. Кондрашихина, О.А. Отношение к неопределенности в контексте профессиональной деятельности психолога / О.А. Кондрашихина [Электр. ресурс] // Психологические проблемы профессиональной подготовки психологов. – Режим доступа:

http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Go/2013_1/Kondrash.pdf.

6. Корнилова, Т.В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека / Т.В. Корнилова // Методология и история психологии. – 2009. – № 4. – С. 47-59.

7. Корнилова, Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 74-86.

8. Корнилова, Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности / Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 2010. – № 5. – С. 3-12.

9. Краснянская, Т.М. Психология самообеспечения безопасности: автореф. дис. ... докт. психол. наук / Т.М. Краснянская. – Сочи, 2006. – 38 с.

10. Краснянская, Т.М. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований / Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец [Электр. ресурс] // GESJ: Education Sciences and Psychology. – 2013. – № 1 (23). – P.59-64 (<http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=2109.pdf>).

11. Луковицкая, Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. канд. психол. наук / Е.Г. Луковицкая. – СПб., 1998.

12. Матушанская, А.Г., Алишева, Б.С. Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии / А.Г. Матушанская, Б.С. Алишева // Ученые записки казанского университета. – 2011. – Том 153. – Кн. 5.

13. Солдатова, Г.У. Психодиагностика толерантности личности / Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, Т.Ю. Прокофьева, О.А. Кравцова. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.

14. Тылец, В.Г. Психология обучения иностранным языкам в контексте педагогических концепций и образовательной практики / В.Г. Тылец, Т.М. Краснянская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 3. – С. 186-189.

15. Шалаев, Н.В. Адаптация методики исследования толерантности к неопределенности (кросс-культурное исследование) / Н.В. Шалаев // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Дипломная работа (на правах рукописи). – М., 2004.

16. Adorno, T.W. The authoritarian personality / T.W. Adorno, E. Frenkel-Brunswik, D.J. Levinson, R.N. Stanford. – N. Y.: Harper & Row, 1950. – 990

p.

17. Bochner, S. Defining intolerance of ambiguity / S. Bochner // *Psychological Record*. 1965. – Vol. 15. – P. 393-400.

18. Budner, S. Intolerance of ambiguity as a personality variable / S. Budner // *Journal of Personality*. – 1962. – P. 29-50.

19. Dalbert, C. Die Ungewißheitstoleranzskala: Skaleneigenschaften und Validierungsbefunde / C. Dalbert // *Hallesche Berichte zur Pädagogischen Psychologie*. – 1999. – H. 1. – S. 1-25.

20. Frenkel-Brunswik, E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable / E. Frenkel-Brunswik // *Journal of Personality*. 1948. – Vol. 18. – P. 108-143.

21. Furnham, A. A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires / A. Furnham // *Personality and Individual Differences*. – 1994. – Vol. 16. – № 3. – P. 403-410.

22. Furnham, A. Tolerance of ambiguity: a review of the concept, its measurement and applications / A. Furnham, T. Ribchester // *Current Psychology*. – Fall 1995. – Vol. 14. – Issue 3. – P. 179-190.

23. Hofstede, G. *Culture's Consequences* / G. Hofstede. – USA: Sage, 1980. – 328 p.

24. Neuberg, S.L. Personal need for structure: Individual differences in the desire for simple structure / S.L. Neuberg, J.T. Newsom // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1993. – Vol. 65. – No 1. – P. 113-131.

25. Vigano la Rosa, D.L. Autoritarismo e intolerancia a la ambigüedad en la cultura mexicana, Mexico, D. F. / D.L. Vigano la Rosa // *Tesis para obtener el grado de maestro en psicología*. – UNAM, 1986.

26. Weary, G., Edwards, J.A. Individual differences in causal uncertainty / G. Weary, J.A. Edwards // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1994. – Vol. 67. – No 2. – P. 308-318.

27. Webster, D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure / D.M. Webster // *J. Pers. Soc. Psychol.* – 1994. – Vol. 67. – No 6. – P. 1049-1062.

© М.А. Чагова, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— ● —

ЭТИ СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ 90-е (эссе о развитии психологической службы в Хакасии)

Л.Ф. Чупров. Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии
Южной Сибири» (Черногорск), e-mail: Ichpr@rambler.ru

Чем были и чем запомнились 90-е? Для меня и моих коллег – педагогов-психологов Хакасии и города Черногорска, в частности, это были годы поиска, решений, энтузиазма и внутреннего чувства возможности любых свершений, даже самых смелых. Мы создавали в Хакасии психологическую службу и систему психологического обслуживания населения. Для развития психологии в Хакасии это было поистине «звездное десятилетие».

Если быть более точным, то неофициальный эксперимент по психологической службе в учреждениях образования Хакасии и города Черногорска был начат раньше, почти за десятилетие до этого периода [3]. Первые свои шаги практическая психология в Хакасии делала под руководством профессора Марии Семёновны Певзнер (Москва, НИИ дефектологии АПН СССР).

Тогда, с конца 70-х годов Черногорск, занимал особое положение в Хакасской автономной области: здесь апробировался и внедрялся педагогический опыт. Здесь было место своеобразного пробного камня. Так, в начальной школе № 3 впервые применяют пятидневку, в школе-интернате откроют первый логопедический пункт в Хакасии в массовой школе. Зародившаяся логопедическая служба дошкольных учреждений сразу же станет известной в области: в Черногорск будут ездить за опытом другие учителя-логопеды области.

Вскоре логопедией переболеют, как детской инфекцией, и о логопедах забудут. Не получится ничего хорошего и еще с одной «помогающей службой» – социальных педагогов. Чиновницы ГУО старели, вместо науки рисовали альбомы и папки «воздушных замков», чем красивее и весомее альбом, тем он и «научнее». Исполдволь подбиралось повальное увлече-

ние магистральным симулякром системы образования – проектного метода.

С психологической службой в учреждениях образования впервые годы «золотого десятилетия» дела обстояли намного лучше. Вначале 90-х началась подготовка практических психологов образования в Абаканском государственном педагогическом институте (АГПИ). Здесь были открыты спецфакультет, кафедра психологии, кафедра прикладной психологии и Центр компьютерной психодиагностики и профориентации. Черногорск стал базой для практики слушателей спецфакультета, а первые черногорские психологи сотрудниками ВНИК «Психодиагностический комплекс» НИС АГПИ. Разработка, апробация психодиагностического инструментария, внедрение его в школы Хакасии – это было только одно из направлений деятельности. Организация психологической службы и методическое руководство ею апробировались в центре городской психологической службы, которым стала Черногорская Психолого-медико-педагогическая консультация (ПМПК) [1; 2]. В 1994 г. в городе было создано и стало функционировать еще одно звено структуры психологической службы и психологической помощи – городской «Телефон доверия». В этот период (к середине 90-х годов) психологический центр переместился вновь в Черногорск.

В ходе организации структуры психологической службы было начато сотрудничество между психологами и СМИ. Психологи, многие из которых сегодня уже не работают в образовании, нашли точки и грани взаимовыгодного сотрудничества с тогда единственной в городе газетой «Черногорский рабочий». Журналисты газеты, в свою очередь, обучали психологов мастерству публицистики, и те из психологов, кто этого хотел и был усерден, в определенной степени овладели и этим ремеслом [4].

Передо мной четыре папки. На одной из них написано «Телефон доверия», на другой – «Как это было», на третьей – «Пока не поздно» и т. п. Во всех этих папках статьи, выступления и интервью черногорских психологов, заметки и материалы журналистов «Черногорского рабочего» о психологической службе и ПМПК. Не только «Черногорского рабочего». Можно перечислить и другие издания: «Психологическая газета», «Хакасия» и «Советская Хакасия», «Республика», «Народный учитель», «Взгляд». Но вырезок из «Черногорского рабочего» намного больше, чем из других изданий.

Благодаря газете жители города узнали о «Телефоне доверия», о том, с чем обращаются к консультантам за помощью другие, и стали обращаться сами.

«Как это было» — материалы о жизни черноморской психологической службы, ее проблемах, достижениях и поражениях. Богатейший, надо сказать, материал для истории науки.

В папке «Пока не поздно» материалы, опубликованные черноморскими психологами, когда-либо работавшими в учреждениях образования. Люди, вынужденные не работать по профессии, а то и уехать из города, смогли оставить свой след публикацией в городской газете.

К сожалению, новое вино не наливают в старые мехи. Чиновничья старость лишена созидания, она консервативна и разрушительна. В условиях административного давления и чиновничьего противодействия психологическая служба терпела поражения. Стремление «управлять всем и вся» привело к тому, что чиновницы, которых много развелось в ГУО, стали заниматься выкорчевкой психологической службы из системы образования, по-своему читая, понимая и трактуя официальные документы, регламентирующие работу психологов и ПМПК. С психологами не удался прием замалчивания и игнорирования, как с логопедами и социальными педагогами, но на то и управленцы, чтобы найти выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций. И нашли: «В связи с сокращением финансирования ...».

Городское методическое объединение психологов ничего не могло предпринять против чехарды сокращений ставок и увольнений опытных психологов, появлением новых ставок и приходу новых специалистов на должности педагогов-психологов. Мы принимали новых коллег в свои ряды, делились опытом, обучали, делились технологиями и методиками работы.

К середине 90-х годов стало понятно, что Черноморская психологическая служба не сможет противостоять этой чехарде с психологическими кадрами. Было решено начать объединение психологов республики Хакасия в единое профессиональное сообщество с целью интеграции этого сообщества в Российское психологическое общество (РПО). Инициатива черноморских психологов с созданием в Хакасии отделения РПО была принята в штыки МОН РК. После очередной попытки объединения психологов республики, для черноморской психологической службы началась «черная полоса» в ее развитии: максимально были урезаны ставки психо-

логов в учреждениях образования, навис «Домоклов меч» и над городской ПМПК.

Мы с коллегами постарались сделать так, что бы наш опыт был доведен до коллег из других регионов России и ассимилирован ими [5]. В определенной степени и бывшие психологи Черногорска, переехав в другие регионы страны стали проводниками нашего опыта.

Завершились 90-е, закончился и «звездное десятилетие» Черногорской психологической службы, и психологическая помощь населению в Хакасии уже не стала примером для других регионов. В апреле 2001 года ликвидировали Черногорскую ПМПК, уволили значительную часть педагогов-психологов, прекратил свою деятельность и городской «Телефон доверия». Но остался опыт публицистических выступлений педагогов-психологов того периода, зафиксированный на страницах газеты «Черногорский рабочий», осталась написанная газетной строкой хроника городской психологической службы [4]. Сохранилось и инициативное ядро, вошедшее с свое время в ВНИК «Психодиагностический комплекс», психодиагностический инструментарий, разработанный нами, используется психологами в других регионах страны.

Какова общая оценка того периода развития психологической службы и практической психологии образования в Хакасии и в городе Черногорске? Да, скорее, оптимистическая. Мы пробовали, мы пытались, мы что-то смогли сделать. Далеко не все в этой работе по становлению и развитию психологической службы нам было сделать по силам, но то, что нами было заложено в тот период, уже не пройдет бесследно. Пусть идущие за нами коллеги сделают лучше.

Литература:

1. Торгунакова, Т.В. История, состояние и перспективы развития черногорской психологической службы / Т.В. Торгунакова // Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: материалы III республ. Катановских чтений. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – С. 81-82.
2. Ропотько, Н.В. Хакасия: психология и «эрогенные зоны Земли». – Психологическая газета. – № 2/53. – февраль, 2000. – С. 26-27.
3. Чупров, Л.Ф. Психологическая служба в школах Хакасии / Л.Ф. Чупров // Психология учебной деятельности школьников (тезисы докладов Второй Всесоюзной конференции по педагогической психологии). – М., 1982. – С. 334-335.

4. Чупров, Л.Ф. Черногорская психологическая служба: хроника газетной строкой / Л.Ф. Чупров // Психолог в школе. – 2000. – № 3-4. – С.195-206. – То же: // Психологический журнал Леонида Чупрова [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://leo-chuprov.narod.ru/chps.html>.

5. Чупров, Л.Ф. Клинический вектор развития психологической службы в Хакасии / Л.Ф. Чупров // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2012. – № 1.2.Р; URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/164-570. – <http://www.es.rae.ru/bulletinpp/pdf/2012/1.2.P/570.pdf>. – (дата обращения: 10.04.2012).

© Л.Ф.Чупров, 2013, 2014.

© Сеть творческих учителей [Электрон. ресурс] —

URL: <http://www.it-n.ru/attachment.aspx?id=171175>.

— 04-03-2013.

— • —

УДК 159.922.1(082)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ АТТРАКЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А.И. Шадричева. Ивановский государственный университет (Иваново, Россия), *e-mail: alenkagal@mail.ru*

Резюме. В данной статье рассмотрено толкование понятия «аттракция», проанализированы ее половозрастные особенности, приведено собственное эмпирическое исследование особенностей межличностной аттракции у обучающихся юношеского возраста. Выявлена и обоснована необходимость глубокого изучения данного феномена и важность применения полученных знаний на практике.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, аттракция, половозрастные особенности, юношеский возраст.

Проблема взаимодействия людей друг с другом является одной из центральных в психологии. Одним из социально-психологических факто-

ров, определяющих успешность межличностного взаимодействия и удовлетворенность им, является уровень взаимной симпатии субъектов взаимодействия [1, с. 25]. В психологии накоплен достаточно богатый эмпирический материал в отношении личностных факторов, способствующих возникновению аттракции, при этом, недостаточное внимание уделяется ее возрастным и гендерным аспектам [2, с. 234].

Аттракция – это процесс формирования привлекательности какого-то человека для воспринимающего и продукт этого процесса, то есть некоторое качество отношения [3, с. 78]. Слово «аттракция» (attraction) обозначает буквально – притяжение, влечение. В психологии это понятие закрепилось в качестве термина родового для широкого круга феноменов эмоциональных отношений – от симпатии, возникающей на самом первом этапе знакомства, до любовных переживаний [4, с. 167].

Главный вопрос психологии аттракции: «Что привлекает людей друг к другу?» содержательно неоднозначен. Он охватывает и потребности субъекта, побуждающие его выбирать того или иного партнера; и свойства объекта (партнера), стимулирующие интерес или симпатию к нему; и особенности процесса взаимодействия, благоприятствующие возникновению и развитию диадических (парных) отношений; и объективные условия такого взаимодействия (например, принадлежность к общему кругу общения). Эта многозначность проблемы обусловила тематическую пестроту психологических исследований аттракции.

Из 404 эмпирических исследований, опубликованных в 1972-1976 гг. в американских научных журналах, 148 были посвящены формированию у людей впечатлений друг о друге, 129 – процессам словесного и поведенческого взаимодействия, встречам и контактам, лишь 33 – длительным дружеским и 94 – любовным отношениям.

Столь же многообразными были и сами теории аттракции. Одни из них описывали преимущественно ее интраиндивидуальные, внутренние предпосылки, другие – механизмы общения, третьи – стадии его развития, четвертые – конечные результаты.

В поведенческой модели аттракции, характерной для необихевиоризма (Д. Хоманс, Д. Тибо и Г. Келли), считается важнейшим условием всякого парного взаимодействия обмен вознаграждениями (положительное подкрепление) и издержками (отрицательное подкрепление). Чтобы личные отношения развивались и поддерживались, согласно позиции теоретиков необихевиоризма, партнеры должны получать друг от друга и от

самого процесса взаимодействия максимум поощрений и минимум издержек.

Более сложные модели, например, Дж. Клора и Д. Бирна, анализируют не только «исходы», но и типы стимулов – соотношение таких факторов аттракции, как сходство личных черт, близость социальных установок и характер эмоционального взаимодействия партнеров. Однако их общей методологической основой остается теория научения.

Психодинамическая теория, представленная, в частности, психоанализом, усматривает истоки дружбы, как и всех прочих привязанностей, в неосознаваемых эмоциональных потребностях личности. Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд считал, что все человеческие влечения и привязанности, будь то дружба, родительская любовь или преданность идее, имеют, в конечном счете, инстинктивную природу, являясь формами полового влечения, либидо.

Авторы более поздних психоаналитических теорий мотивации, сложившихся в рамках неофрейдистских концепций, признают наличие у человека особых межличностных, коммуникативных потребностей. Например, американский психолог У. Шутц, автор модели «фундаментальной ориентации межличностных отношений», утверждает, что человек обладает определенным соотношением трех межличностных потребностей: в принадлежности (аффилиации), контроле и любви. Уровень каждой из этих потребностей закладывается в раннем детстве, предопределяя будущие коммуникативные свойства и реальное общение взрослого.

Символический интеракционизм (Д. Мид, Д. Мак-Колл и др.) выдвигает на первый план социально-структурные (ролевые) и культурно-символические аспекты личных отношений в связи с развитием самосознания.

Поскольку личность формируется и осознает себя только во взаимодействии с другими людьми, приверженцы этого направления видят цель изучения дружбы в расшифровке психологического содержания этого процесса – уяснении, почему данное Я привязывается к данному Другому. Межличностная аттракция, по определению Мак-Колла, отличается от формальных или деловых взаимоотношений тем, что в ней присутствует Я, желающее на «основе своей положительной привязанности к Другому установления личных взаимно активных отношений с ним».

Хотя по своим исходным посылкам все перечисленные подходы к осмыслению психологических аспектов межличностного взаимодействия различны, вместе с тем, они взаимодополнительны, каждый из них имеет

определенное рациональное зерно. Межличностное взаимодействие, дружба разных людей никогда не могут быть одинаковыми, а имеют индивидуально-типологические, возрастные и половые вариации.

Юность – решающий этап становления мировоззрения, потому что именно в это время созревают и его когнитивные, и его эмоционально-личностные предпосылки. Юношеский возраст характеризуется не просто увеличением знаний, но и громадным расширением умственного кругозора юноши, появлением у него теоретических интересов и потребности свести многообразие фактов к немногим принципам. Мировоззренческие установки ранней юности обычно весьма противоречивы [1, с. 159].

Главное психологическое приобретение ранней юности – открытие своего внутреннего мира. Обретая способность погружаться в себя, в свои переживания, юноша заново открывает целый мир новых эмоций, красоту природы, звуки музыки. Он (юноша) начинает воспринимать и осмысливать свои эмоции уже не как производные от каких-то внешних событий, а как состояния собственного “Я». Вместе с осознанием своей уникальности, неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества. Юношеское “Я” ещё неопределённо, расплывчато, оно нередко переживается как смутное беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которую необходимо чем-то заполнить. Отсюда растёт потребность в общении и одновременно повышается его избирательность, потребность в уединении [2, с. 17].

Межличностные отношения ранней юности имеют свои особенности. Вовлечение юношества в орбиту уже не детских интересов побуждает к интенсивной перестройке взаимоотношений с окружающими людьми. Взаимоотношения со сверстниками подразделяются на товарищеские и дружеские, а отношения со взрослыми – на личные и деловые. В целом, вся система взаимоотношений в ранней юности становится сложнее, чем в подростковый период, и в ней юноши и девушки начинают играть множество различных социальных ролей.

Межличностные отношения, общение занимает еще больше времени, чем в подростничестве, причем большая часть времени, затрачиваемого на него, приходится на общение со сверстниками. Юноши и девушки, образно говоря, находятся в постоянном поиске общения. Жадное стремление к новому опыту, настоятельная потребность разрешить бушевавшие их проблемы заставляют их надеяться (чаще еще неосознанно), что в потоке людей, встречающихся на их пути, их ждет много интересных, важных, необычных знакомств. Поэтому, как правило, интерес вызывает каж-

дое новое лицо, появившееся в поле зрения. Признанием и уважением у юношей и девушек пользуются такие сверстники, которые являются их близкими друзьями. С остальными поддерживаются только товарищеские или приятельские отношения.

Юность характеризуется как период выраженных социальных потребностей. Потребность в дружбе, в подтверждении возможности осуществления собственного Я находит свой предмет в момент встречи друга. Главное переживание, которое ее характеризует, – это узнавание близости этого человека к себе, своему Я. Психологически важно то, что дружба дарит силу для строительства собственной целостности, которая порождает и силу своего Я и других людей от возможного воздействия [1, с. 267].

Дружба – важнейший вид эмоциональной привязанности и межличностных отношений юношеского возраста. В юношеской дружбе отчетливо проявляются половые коммуникативные особенности. Потребность в интимной дружбе возникает у девочек на полтора-два года раньше, чем у мальчиков, и сама девичья дружба более эмоциональна. Девичьи критерии дружбы тоньше, более насыщены психологическими мотивами, чем юношеские, девочки чаще испытывают дефицит интимности. В общении с подругами у девушек сильнее, чем у юношей, звучат интимные темы.

Эти различия являются не просто половыми, а половозрастными. Дело не только в том, что женщины вообще более эмоциональны, придают большее значение межличностным отношениям и больше склонны к самораскрытию, чем мужчины, но и в том, что девочки раньше созревают, у них раньше появляются сложные формы самосознания, а, следовательно, и потребность в интимной дружбе. Для юноши-старшеклассника важнейшей референтной группой еще остаются сверстники своего пола.

Анализ имеющегося материала позволяет отметить, что вопрос половозрастных особенностей аттракции недостаточно изучен в психологии, что послужило основанием для проведения на базе образовательных учреждений города Иваново эмпирического исследования, посвященного данной проблеме. В исследовании приняли участие 50 юношей и 50 девушек. На основании полученных результатов были сформулированы следующие выводы:

1. Психологическая природа межличностной аттракции имеет дифференцированный характер: иерархия факторов, определяющих возникновение аттракции, имеет гендерную специфику и обусловлена гендерными особенностями субъекта и объекта аттракции.

2. Иерархия личностных факторов, обуславливающих возникновение аттракции по отношению к девушкам, у юношей и девушек имеет как сходство, так и различие.

Как у девушек, так и у юношей вызывают симпатию честные, отзывчивые, чуткие и доброжелательные девушки, и, наоборот, вызывают антипатию – высокостатусные, материально обеспеченные и, при этом, властные, эгоистичные, недоверчивые и агрессивные девушки.

Для юношей, в отличие от девушек, более значимыми факторами возникновения аттракции являются, прежде всего, привлекательная внешность в сочетании с высокой компетентностью и склонностью к развлечениям. Для девушек, в отличие от юношей, более значимыми факторами оказались особенности эмоциональной (жизнерадостность), интеллектуальной (высокий интеллект), коммуникативной (воспитанность и уважительное отношение к партнеру), моральной (ответственность) сферы личности, а так же система личных ценностей (ориентация на активную, материально обеспеченную жизнь).

3. Иерархия факторов, обуславливающих возникновение аттракции по отношению к юношам, у юношей и девушек имеет специфические особенности.

Как юношам, так и девушкам импонируют честные, эмоционально сдержанные юноши, ориентированные на активную, продуктивную жизнь, и вызывают антипатию – эгоистичные, отличающиеся гедонистической направленностью, недоверчивые, а также феминные и склонные к подчинению юноши.

Для юношей, в отличие от девушек, более значимы высокий социальный статус в сочетании со специфической системой ценностей (ориентация на интересную работу и дружеские отношения) и такими коммуникативными качествами как щедрость и неконфликтность. Для девушек, в отличие от юношей, более ценны психическая зрелость (самоуважение, уверенность, ответственность, независимость), волевые (целеустремленность и сила воли) и коммуникативные качества (воспитанность и уважительное отношение к партнеру), а также ориентация на материальное обеспечение и семейную жизнь.

4. Гендерная специфика в дифференциации личностных факторов, обуславливающих возникновение аттракции, наиболее отчетливо проявляется при оценке юноши как объекта аттракции.

Таким образом, юноши и девушки обнаруживают большее сходство в оценке симпатичной девушки, нежели в оценке юноши, способного вызвать симпатию.

5. Процесс формирования аттракции во многом определяется содержанием традиционных поло-ролевых стереотипов, в связи с этим, ценность и роль отдельных личностных факторов в формировании аттракции опосредованы степенью его соответствия содержанию исходных стереотипов.

Полученные результаты нуждаются в уточнении и дальнейшей проверке путем увеличения объема выборки. Проблема возрастных и гендерных аспектов аттракции требует более глубокого изучения.

Учет возрастных и гендерных особенностей участников межличностных отношений имеет большое значение для прогнозирования и организации процесса взаимодействия в различных сферах деятельности, и далеко не последнее место должна занимать образовательная сфера. Так как это даст возможность психологической службе образовательного учреждения оказать эффективную консультативную помощь, которая в дальнейшем окажет положительное влияние на формирование Я-концепции, уверенности в себе, повышению самооценки личности обучающихся.

Литература:

1. Обозов, Н.Н. Межличностные отношения / Н.Н. Обозов. – Ленинград: ЛГУ, 1979.
2. Гозман, Л.Я. Психология эмоциональных отношений / Л.Я. Гозман. – М.: МГУ, 1987.
3. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М.: Педагогика, 1982.
4. Куницына, В.Н. Трудности межличностного общения / В.Н. Куницына. – СПб., 1991.

© А.И. Шадричева, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

УДК 159.9(075.8)

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНОСТИ⁴

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

Резюме. В статье обсуждаются первые на русском языке монографии, посвященные методу Роршаха и ТАТ, а также соотношение установочной и деятельной парадигм в интерпретации проективных методов.

Ключевые слова: методы психологии, проективные методы, исследования личности.

Возможность получения объективного знания о личности, ее внутреннем, скрытом от стороннего взгляда мире всегда волновала умы исследователей и заставляла искать новые пути, ведущие к решению одной из фундаментальных проблем психологической науки. Поэтому не могут быть обойдены вниманием первые в нашей стране монографии, посвященные проективным методам исследования личности.

В центре исследования Л. Ф. Бурлачука — один из старейших проективных методов — метод Роршаха, причем решение вопроса о его экспериментальных возможностях проводится на конкретной клинической основе. В книге Е. Т. Соколовой наряду с методом Роршаха дано также детальное описание тематического апперцептивного теста (ТАТ). Значение рецензируемых монографий не ограничивается, однако, лишь областью конкретной психодиагностики. Свидетельство тому - содержащиеся в обеих работах специальные главы, посвященные вопросам методологии проективного подхода к исследованию личности (Бурлачук, гл. I) и теоретическому обоснованию проективных методов (Соколова, гл. II).

⁴ Ранее опубликовано в журнале «Вопросы психологии» (1981, N 4, с. 176-178) в качестве рецензии на книги: Бурлачук Л. Ф. Исследование личности в клинической психологии (на основе метода Роршаха). — Киев: Вища школа, 1979. — 176 с.; Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 176 с.

Проективные методы исследования личности — это уникальное явление в современной психологии. Сохраняющийся более полувека устойчивый интерес к ним различных психологических школ породил особую область — проективную психологию. В то же время с момента своего появления и вплоть до сегодняшнего дня проективные методы, практика их использования ставят перед исследователями множество вопросов. Вот некоторые из них. Что представляет психологический механизм, реализующийся в проективных методах? Какое отношение эти методы имеют к концепции проекции, разработанной психоанализом? В какой мере особенности интерпретации стимулов связаны с реальным поведением? С каких теоретических позиций интерпретировать полученные результаты?

Стремясь ответить на эти вопросы, авторы обеих монографий раскрывают сущность различных подходов к пониманию проекции, ее механизма. Это позволяет им сделать одинаковый вывод о несостоятельности разработанной психоанализом концепции проекции для объяснения механизма, осуществляющегося в проективных методах. Дополняя друг друга, авторы в разных аспектах обсуждают понятие «проективный метод», выделяют характерные особенности и существующие классификации этих приемов исследования личности, показывают важное значение особенностей используемой стимуляции.

Наиболее сложна и дискуссионна проблема теоретического обоснования проективных методов. Дав критический анализ попыток обоснования с точки зрения психоанализа, холической психологии и гештальт-психологии, представителей «Нового взгляда» и исследователей когнитивного стиля, Бурлачук и Соколова ставят в своих работах проблему обоснования проективного метода на основе положений советской психологии и разработки на этой основе конкретных схем анализа и интерпретации результатов проективного исследования. Эта общая проблема решается авторами, однако, по-разному.

По мнению Бурлачука, основополагающим для понимания феномена проекции является принцип активности, личностности восприятия. Исходя из этого принципа, проективные методы интерпретируются автором как «приемы опосредованного изучения личности, основанные на построении специфической, пластичной стимульной ситуации, создающей из-за активности процесса восприятия условия, наиболее благоприятные для проявления установок, эмоциональных состояний и других особенностей личности» (Бурлачук, с. 31).

Позиция Е. Т. Соколовой и В. В. Столина, совместно с которым написан соответствующий параграф, состоит в том, что «проявления личности, выявляемые в проективных тестах (прежде всего, конечно, интерпретативных), могут быть адекватно поняты в терминах личностных смыслов и соответствующей деятельности субъекта по поиску или сокрытию, маскировке личностных смыслов» (Соколова, с. 65).

Таким образом, позиция Бурлачука может быть обозначена как «установочная», позиция Соколовой и Столина — как «деятельностная». Противоречат ли они друг другу? На наш взгляд, нет.

Дело в том, что экспериментальная ситуация, задаваемая методом Роршаха, моделирует, по существу, лишь начальную стадию любой деятельности — этап восприятия, познания. При этом активность субъекта направлена, как справедливо подчеркивает Бурлачук, на снятие неопределенности ситуации за счет проецирования особенностей личности (Бурлачук, с. 31). Иная активность провоцируется тематическим апперцептивным тестом. В силу жизненной реальности, задаваемых им ситуаций (картин), а также специальной инструкции «придумать рассказ (что происходит, что было, что будет...)» поведение испытуемого не ограничивается лишь познавательной активностью, но может превращаться в целенаправленную (не обязательно, однако, осознаваемую) деятельность, в которой реализуются, пользуясь терминологией Соколовой и Столина, прерванные действия, сопряженные с различными внутренними преградами.

Таким образом, метод Роршаха и ТАТ затрагивают, на наш взгляд, разные этапы деятельности: первый — преимущественно познавательный, второй — преимущественно исполнительный. Подчеркнем, что речь идет лишь о преимущественной связи метода и этапа. Так, интерпретируя чернильные пятна, испытуемый может столь вжиться в образ, что начнет предсказывать возможное поведение воображаемого образа. С другой стороны, сочиняя рассказ по картинам ТАТ, испытуемый может «застрять» на этапе восприятия и вместо динамического рассказа дать лишь описание наличной или воображаемой ситуации. Подобные случаи, однако, нетипичны.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что исходные принципы, отстаиваемые Бурлачуком и Соколовой, не противоречат, а лишь дополняют друг друга. Пытаясь дать универсальное обоснование проективным методам в целом, авторы, по существу, дают обоснования лишь частным методикам: первый — методике Роршаха, второй — методике ТАТ. Вместе с тем подобный путь является, на наш взгляд, теоретически

вполне оправданным и практически осуществимым. Для обоснования проективных методов необходимо, прежде всего, выявить то звено, этапы в структуре деятельности, которые преимущественно затрагиваются той или иной методикой, и найти те конкретные психологические механизмы регуляции деятельности, которые «провоцируются» данной методикой. Лишь в этом случае можно будет «снять» едкое, но меткое замечание А. М. Эткинды об аналогии между гороскопом и проективными методами (цит. по: Соколова, с. 119). Помимо возможности обоснования существующих методик подобный путь открывает перспективы создания новых проективных методик, диагностирующих иные, не затрагиваемые ранее этапы деятельности.

Выше мы рассмотрели лишь теоретические вопросы, поднимаемые авторами рецензируемых монографий. Основное содержание этих монографий состоит все же в ином, а именно — в детальном описании самих методик.

Книга Бурлачука содержит наиболее полное описание методики Роршаха в отечественной литературе (гл. II). Не останавливаясь на деталях, выделим наиболее существенное. Удачны разделы, относящиеся к предыстории методики Роршаха и биографии ее создателя. Из разных по своим теоретическим позициям вариантов интерпретации показателей методики, известных за рубежом, отобрано то, что наименее дискуссионно, экспериментально верифицируемо. Завершается глава критическим анализом основных результатов, полученных при изучении валидности методики Роршаха. Последняя, третья глава отведена клинико-психологическим исследованиям. Здесь рассмотрены результаты важнейших зарубежных клинико-диагностических работ (шизофрения, эпилепсия, неврозы, органические поражения головного мозга), а также результаты клинических исследований самого автора. В итоге углубляются ранее известные представления об особенностях личностного дефекта разных больных, и очерчивается место методики Роршаха в патопсихологическом исследовании. В конце монографии даны три Приложения: основные символы методики Роршаха в разноязычных системах обозначения, вспомогательные таблицы для локализации ответов испытуемых, краткая характеристика 10 наиболее известных проективных методик. Библиография состоит из 284 наименований. Все это дает возможность обращаться к книге как практическому руководству для начинающих работу с методикой.

Монография Соколовой содержит также наиболее полное в отечественной литературе описание ТАТ и истории его создания. Детально рас-

смотрены процедура эксперимента и различные схемы анализа (по Г. Меррего, Д. Рапопорту, Л. Беллаку, С. Томкинсу, М. Арнольд (гл. III). В последней, четвертой главе дано описание методики Роршаха, которое несколько дополняет книгу Бурлачука анализом приемов диагностики конфликта и механизмов психологической защиты. К сожалению, в работе отсутствуют конкретные экспериментальные данные, полученные с помощью описанных методов зарубежными и отечественными исследователями. Монография содержит также три приложения: характеристика потребностей по Меррею, диагностически значимые сюжеты по таблицам ТАТ, список популярных ответов в методике Роршаха. Библиография состоит из 83 наименований.

Рецензируемые монографии являются первым опытом критического осмысления во многом противоречивых теоретических концепций проективных методов. В них видится не только желание показать возможности проективных методик, но и попытка «пересадить» их на почву отечественной психологии, снять тот своеобразный ореол «доступности лишь немногим», которым они были долгое время окутаны. Хотя ряд положений монографий, по нашему мнению, должен явиться предметом дискуссий, несомненно, что читатель получил интересные и нужные книги, вносящие существенный вклад в развитие теории и практики психологической диагностики.

© А. А. Кроник, 1981, 2014.

© Вопросы психологии, 1981.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири / РЕМ:
Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— ● —

РИСУНОЧНЫЙ ТЕСТ ВАРТЕГГА. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕТОДА

Н.В. Родина. Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
(Одесса, Украина), e-mail: nvrodina@mail.ru

Резюме. Тест незавершенных рисунков Вартегга – это проективная техника, являющаяся одной из наиболее популярных методик в Латинской Америке, странах Северной Европы, Италии и немецкоговорящих странах. Но в странах бывшего Советского Союза этот тест малоизвестен. В статье приводятся данные российских и украинских психологов, специализирующихся в данном тесте. Очерчиваются перспективы развития данного метода в будущем.

Ключевые слова: тест Вартегга, архетипы, российская психология, украинская психология, перспективы развития.

На современном этапе развития психодиагностики исследователи все чаще обращаются к неклассической и постнеклассической методологиям. Данные методологии дают теоретическое обоснование целостным методам оценки личности и завоевывают все более уверенные позиции в психологической науке. Мишенями психодиагностики постепенно становятся все более сложные психологические образования. В неклассической методологии особое место занимает проективная психодиагностика, отношение к которой на протяжении последних ста лет менялось достаточно сильно. Если при создании первых проективных тестов на них возлагались большие ожидания в отношении их способности описывать весь комплекс индивидуально-личностных особенностей, то в середине и конце XX века эта позиция сменилась жесткой (и зачастую неоправданной) критикой. В настоящее время, по нашему мнению, преобладающим является прагматическое отношение к проективным тестам – уже достаточно четко ясны границы областей их применения. С одной стороны, уже не предполагается, что данные методики способны заменить психометрические опросники, с другой – нельзя игнорировать необходимость их использования при целостном описании личности, выявлении особенностей бессознательного, при обследовании лиц детского возраста и т.д.

Одной из наиболее незаслуженно обделенных вниманием проективных методик является рисуночный тест Вартегга – проективная техника изучения личности, с помощью начальных стимулов незаконченных рисунков побуждающая испытуемого завершить их. Тест относится к категории экспрессивно-конститутивных методов исследования личности, это техника незаконченного рисунка, дающая экспериментатору богатый материал для интерпретации.

Диагностическая цель теста – исследовать структуру личности во взаимосвязи с базовыми функциями эмоций, динамики, контроля взаимодействия с реальностью и т.д. Тест был создан австро-немецким психологом Эриком Вартеггом в 20-30-х годах XX века. Теоретическая основа рисуночного теста Вартегга – теория архетипов К.Г. Юнга, в соответствии с которой при тестировании в графическом содержании проецируются аспекты личности, связанные предположительно с коллективным бессознательным [7]. Опыт прошлого и настоящего проигнорированный или забытый может выходить наружу графически, раскрываясь в символических образах. Согласно юнгианским представлениям, коллективное бессознательное индивида является резервуаром латентных образов, это аспект первобытной психики, образы, которые человек унаследовал от своих предков. Таким образом, содержание коллективного бессознательного определяет поведение индивида. По К.Г. Юнгу коллективное бессознательное состоит из архаичных, изначальных элементов, называемых архетипами. В архетипах заключен опыт всего человечества, начиная от наших древнейших предков, предрасполагающий к реагированию определенным образом на наш текущий опыт.

Согласно теории К.Г. Юнга, архетипы, уходящие своими корнями в первобытно-общинный период человеческой истории, открываются для анализа через их проекцию на надличностном уровне в виде образа. Согласно Юнгу, репрезентация образа связана с одной стороны со спонтанной активностью бессознательного, а с другой определяется текущей ситуацией и ее оценкой со стороны сознания. Ситуация стимулирует возникновение релевантных элементов скрытого материала и подавляет возникновение иррелевантного материала. Архетипический образ является, таким образом, отражением реакции на конкретную ситуацию, где работает как сознание, так и бессознательное.

Также, значительное влияние на создание рисуночного теста Вартегга оказали гештальт-психология, мистическая философия,

философия целостности «Ganzheit», а также изобразительное искусство того времени. Данная проективная техника является одной из наиболее популярных методик в Латинской Америке, странах Северной Европы, Италии и немецкоговорящих странах. Но до сих пор в англоговорящих странах и странах бывшего Советского Союза этот тест малоизвестен. История создания методики и современное состояние разработки теста достаточно подробно отображена в двух относительно недавних статьях: *A Brief History of the Wartegg Drawing Test* «Краткая история теста Вартегга» Э. Ройвайнена [13] и *The Wartegg Zeichen Test: A Literature Overview and a Meta-Analysis of Reliability and Validity* «Рисуночный тест Вартегга: литературный обзор и мета-анализ надежности и валидности». Й.С. Горннерод и К. Гроннерода [10]. Тем не менее, в данных источниках отсутствуют данные об изучении теста в Советском Союзе и пост-советских государствах.

Таким образом, цель данной статьи – дать представление об исследованиях рисуночного теста Вартегга, проводимых в России и Украине и очертить дальнейшие перспективы развития методики.

В работах советских психологов рисуночный тест Вартегга вне связи с интерпретационными схемами, предложенными его автором, использовался при исследовании психически больных В.М. Блейхером и И.В. Круком [1]. В современной отечественной психодиагностической практике рисуночный тест Вартегга стал активно использоваться благодаря вышедшему в 2004 году на русском языке переводу классической монографии Э. Вартегга «Уровневая диагностика» [2]. Редактор перевода В.К. Калинин под одной обложкой с этой монографией опубликовал свою оригинальную работу «Тест Вартегга (практическое руководство)». В данном руководстве автор отходит от классической уровневой схемы, предложенной самим Э. Вартеггом. Свою систему В.К. Калинин заимствует из монографии М. Реннер [12] и дополняет ее по другим источникам.

В интерпретации результатов теста Вартегга В.К. Калинин выделяет два основных компонента:

1. Интерпретацию формальных признаков выполненных рисунков. Она, в основном, такая же, как и для большинства рисуночных тестов и включает в себя основные признаки графомоторики, такие как качество штрихов, проведение штрихов, заполнение поверхности поля.

2. Интерпретацию содержания – анализ реакции испытуемого на стимульный материал, восприятие им символического и ассоциативного

значения стимульных фигур теста, соответствующих решений и специфики выполненных рисунков. Кроме того, в содержательном аспекте анализируются последовательность выполнения, предпочитаемый и отвергаемый рисунок, а также шоковые реакции.

В Украине исследование рисуночного теста Э. Вартегга развивалось в рамках Одесской школы судьбоанализа М.И. Вигдорчика. Значительный вклад в изучение особенностей методики сделан автором данной статьи – Н.В. Родиной. Основным направлением научных поисков автора стало изучение совладания со стрессом с точки зрения символического содержания бессознательного личности.

Теоретической основой проводимых исследовательских работ явилось предположение о том, что бессознательные тенденции личности в стрессовых ситуациях проявляются не только в виде психологических защитных механизмов, отражающих глубинную, неосознаваемую линию преодоления сложных ситуаций, но и в виде активизации определенных символических структур, преимущественно архетипического характера. Также была выдвинута гипотеза о том, что символическое содержание, присутствующее в индивидуальном бессознательном и являющееся фрагментом коллективного бессознательного, способно оказывать влияние на взаимоотношения между копинг-стратегиями и защитными механизмами [4]. При разработке системной модели формирования копинга [6] особое внимание уделялось анализу подсистемы бессознательного, т.к. данная подсистема рассматривается как ключевая для всей системы копинг-поведения. Ввиду большого количества показателей методики (более ста), использовалась статистическая процедура снижения размерности данных – категориальный анализ главных компонент (параметры включались группами, в зависимости от их уровнево-диагностической функции).

В таблице представлен список интегральных переменных, позволяющих судить об основных характеристиках, выявляемых рисуночным тестом Вартегга при изучении поведения личности в кризисных ситуациях угрозы самоактуализации и в ситуациях угрозы витальным потребностям.

Указанные интегральные переменные показали свою высокую валидность при изучении формирования совладающего поведения и могут быть рекомендованы в качестве расчетных индексов для оценки соответствующих личностных характеристик в условиях кризисных ситуаций.

Еще одним направлением исследований являлось создание экспресс-варианта методики Вартегга. Более того, в условиях активно осуществляющейся компьютеризации психодиагностики, экспресс-методика была разработана таким образом, чтобы процедура тестирования по ней осуществлялась бы на ЭВМ. Итогом разработки явилась проективная техника, получившая название «Метод выбора архетипических символов» (МВАС) [5]. Стимульным материалом данной техники являлись восемь рисунков теста Вартегга, представляющие собой, расположенные на темном фоне квадраты белого цвета. Методика была встроена в программный психодиагностический комплекс Consul Integrator 2.5 [3].

Компьютерная экспресс-методика обнаружила высокую степень соответствия с классическим графическим вариантом теста. Обнаружены также значимые взаимосвязи между параметрами МВАС и показателями следующих методик: метод многостороннего исследования личности (ММИЛ), метод портретных выборов Л. Сонди и метод цветовых выборов М. Люшера. Данные взаимосвязи в большинстве своем коррелировали с теоретическими концепциями, на которых построены методики. С помощью данной методики ярко видны соответствия между совладающим поведением и символическим содержанием личности [5].

И, **в заключение**, хотелось бы очертить перспективы дальнейшего развития рисуночного теста Вартегга.

Во-первых, основным направлением является дальнейшая валидизация теста, поскольку валидность теста Вартегга значительно уступает таковой большинства опросников. Тем не менее, считается, что в перспективе возможно создание надежных и валидных индексов для данного теста, по аналогии с разработанными для теста Роршаха [13].

Во-вторых, актуальным представляется применение различных проективных подходов для создания интерпретационных схем рисуночного теста Вартегга. Итальянский исследователь А. Кризи является автором оригинального подхода к интерпретации рисуночного теста Э. Вартегга [9]. В частности, он сопоставил схему Э. Бома в отношении теста чернильных пятен Роршаха и рисуночного теста Вартегга и разработал новую методологию, которая подтвердила свою валидность на клинических и нормальных выборках общим объемом более 15 тысяч человек. На наш взгляд, большими возможностями обладает перцептаналитический подход З. Пиотровского [11]. Данный подход был применен автором по отношению к тесту Роршаха, и он может быть использован для методики Вартегга.

В-третьих, огромный потенциал имеет создание и применение различных версий методики. В настоящее время в литературе встречаются различные модифицированные варианты теста Вартегга, но немногие практические психологи используют его в своей работе. В частности, стимульный материал разработанного в Аргентине теста Вартегга-Вьедма-Д'Альфонсо [8] представляет собой 16 символов, первые восемь символов являются стандартными стимульными знаками из классической методики. Остальные восемь символов являются оригинальными для данной методики и направлены на выявление ряда специфических особенностей архетипического содержания личности.

Таблица

Интегральные параметры рисуночного теста Вартегга, описывающие исследованные кризисные ситуации

Уровнево-диагностическая функция	Кризисные ситуации	
	Угроза самоактуализации	Угроза витальным потребностям
Последовательность рисования	Межличностная гармоничность; Внешнеобвинительный стиль реагирования; Иррациональность.	Межличностная гармоничность; Способность к канализации агрессии; Неадекватность инстинктивных проявлений
Персеверативно-ассоциативная структура	Дисфоричность; Ориентация на внешнего наблюдателя.	Стремление предстать в выгодном свете; Экстраверсия
Структура рисунков (адекватность дополнения)	Дезадаптивность; Маскулинность	Декларируемая оптимистичность; Потребность в идентификации
Качественный профиль	Склонность к искаженному восприятию; Эмоциональная эмпатичность; Внутренняя расслабленность.	Интровертированность; Фемининность; Нечувствительность в общении.
Уровневый профиль	Эксцентричность; Склонность к жесткости; Конформность.	Отрицание конфликтов; Драматизация событий; Рефлексивность.
Характерологическая проекция	Фантазийная самореализация; Своеволие.	Инициативность; Обсессивность.

В-четвертых, важным аспектом является создание экспресс-методик на основании рисуночного теста Вартегга, в том числе и в виде компьютерных программ. Это позволит внедрить идеи, лежащие в основе данной методики, в более широкую психодиагностическую практику.

Литература:

1. Блейхер, В.М. Патопсихологическая диагностика / В.М. Блейхер, И. В. Крук. – К.: Здоров'я, 1986. – 280 с.
2. Вартегг, Э. Уровневая диагностика личности. Рисуночный тест Вартегга. / Э Вартегг, В.К. Калинин. – М.: Смысл, 2006. – 239 с.
3. Вигдорчик, М.И., Вигдорчик, М.Е., Псядло, Э.М. и др. Компьютерная автоматизированная психодиагностическая программа «КОНСУЛ-4». – Одесса: Информ. листок ОЦНТЭИ, 1997. – № 172-97. – 4 с.
4. Родіна, Н.В. Особливості застосування тесту незавершених малюнків Вартегга для дослідження копінг-стратегій у підлітків / Н.В. Родіна // Актуальні проблеми психології. – 2007. – № 0(2). – С. 438-446.
5. Родіна, Н.В. Проективна експрес-методика, що заснована на стимульному матеріалі тесту Вартегга. Застосування у вивченні копінг / Н.В. Родіна // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка. Проблеми загальної та педагогічної психології. – 2010. – Т.12, Ч.2. – С. 247-257.
6. Родіна, Н.В. Психологія копінг-поведінки: системне моделювання: монографія / Наталія Володимирівна Родіна. – Одеса: видавець Букаєв Вадим Вікторович, 2011. – 364 с.
7. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
8. Biedma, C. J. El lenguaje del dibujo: Test de Wartegg-Viedma-D'Alfonso / C.J. Biedma, P.B. D'Alfonso. – Buenos Aires: Kapelusz, 1960. – 126 p.
9. Crisi, A. Manuale del Test di Wartegg / A. Crisi. – Roma: Ma.Gi, 2007. – 365 p.
10. Grønnerød, J.S. The Wartegg Zeichen Test: A Literature Overview and a Meta-Analysis of Reliability and Validity / J.S. Grønnerød, C. Grønnerød, //Psychological Assessment. – 2011. – Vol. 24, No. 2. – P.476-489.
11. Piotrowski, Z.A. Perceptanalysis: A Fundamentally Reworked, Expanded, and Systematized Rorschach Method / Z.A. Piotrowski. – New York: MacMillan, 1957 – 505 p.

12. Renner, M. Der Wartegg-Zeichentest im Dienste der Erziehungsberatung. / M. Renner. – München u. Basel: Ernst Reinhardt Verlag, 1975. – 59 s.

13. Roivainen, E. A Brief History of the Wartegg Drawing Test / E. Roivainen // Gestalt Theory. – 2009. - № 31. – P. 55-68.

© Н.В. Родина, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— • —

УДК 15.01.77

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ Q-МЕТОДОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ⁵

И.В. Романов. Московский филиал ОАО «КБ «Связь», ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет», e-mail:
romanov969@yandex.ru

Резюме. Q-методология впервые была представлена Уильямом Стефенсоном (William Stephenson, 1935a), физиком (Ph.D. 1926, University of Durham) и психологом (Ph.D. 1929, University of London), являющимся последним ассистентом Чарльза Спирмена – разработчика факторного анализа.

Длительный период времени Q-метод отвергался научным сообществом и далеко не сразу стал применяться в общественных науках. Прошло более полувека, прежде чем Q-методология приобрела статус «новой» или «инновационной» методики, способной помочь в изучении поведения человека.

В статье даётся краткий обзор этапов возникновения, развития и современного состояния применения принципов Q-методологии. Приведён пример исследования Стефенсона, отражающий разницу в результатах применения Q- и R-подходов. Отмечены отличия между Стефенсоновской «Q-методикой» и ее логическим основанием, называемом «Q-методология».

⁵ Статья написана при поддержке РГНФ, грант 14-06-00457

Ключевые слова: Q-методология, Q-методика, Q-сортировка, субъективность опыта, история метода, факторный анализ, поисковый метод.

Актуальность изучения субъективных установок всегда была в фокусе исследований анализа психологов и ученых гуманитариев. Теологи, философы, социологи, психологи и историки высказывали свои соображения на этот счет, руководствуясь собственным опытом, воображением, интуицией «отвлеченного теоретизирования» используя то, что в наши дни получило название качественных методов социального исследования. С появлением количественных методов стало возможным выдвинуть и обосновать гипотезы о причинной зависимости между изучаемыми признаками [3].

Q-методология позволяет обнаружить субъективность в любой ситуации или любом явлении. Она помогает исследовать феномен с точки зрения субъекта, который ее переживает, что, обычно, выходит за рамки количественных исследований, и именно на это обращают внимание качественные исследования, не заинтересованные в получении числовой информации. Q-методология «объединяет сильные стороны как качественных, так и количественных подходов, протягивая мост между этими двумя традициями» [4].

Q-методология, была впервые представлена в журнал «Nature», в письме, написанном Уильямом Стефенсоном (William Stephenson, 1935a), физиком (Ph.D. 1926, University of Durham) и психологом (Ph.D. 1929, University of London), являющимся последним ассистентом Чарльза Спирмена – разработчика факторного анализа. Но, к сожалению, практически с момента своего возникновения, различные взгляды и оценки Q-методологии подверглись по большей части ничем не обоснованной критике и стали избегаться научным сообществом психологов.

На сегодняшний день Q-методология находит применение в социальных науках, но лишь малая ее часть затрагивает непосредственно психологию, например, в США она больше используется только как техническая процедура Q-сортировки. В тоже время, всё больше становится очевидным факт того, что новые поколения психологов и социологов заново «открывают» Q-методологию и с энтузиазмом принимают те представления У. Стефенсона, отстаивавшего их в течении больше чем половины столетия.

Самой знаменитой работой У. Стефенсона стал труд «The Study of Behavior: Q-technique and Its Methodology» (1953).

Определённую последовательность и хронологию критики создателя Q-методологии можно проследить в статьях Шарлотты Бэнкс (Charlotte Banks, 1954) из Великобритании. Некоторые ученые, в частности, Steven R. Brown, отмечают, что, вероятнее всего, Шарлотта Бэнкс была последовательницей взглядов Берта (1955), который, утверждая свои позиции против Стефенсона, акцентировал внимание на том, что «...если ограничивать себя измерениями, полученными в единственном случае, мы можем или усреднить людей и коррелировать их параметры, или усреднить параметры и коррелировать людей».

Другими словами, для Берта на выходе всегда существовала только единственная матрица данных и разные способы усреднения внутри этой матрицы. Наиболее язвительная критика звучала со стороны Эйзенка (Eysenck, 1954), который обвинял Стефенсона в «несколько лицемерной тенденции все эти годы подменять смысл термина «Q-техника», при этом, делая сейчас вид, что она означает то, что он и подразумевал все время».

Тем не менее, нельзя отрицать, что первый шаг был сделан и настроения в академической психологии и психометрии стали необратимо меняться. Психиатр Бернард Глюек (Bernard Glueck, 1954) приветствовал Q-методологию как инструмент «долгожданной устойчивой и надежной описательной структуры» обращенный к «универсальности уникальности». Рассел Акофф (Russel Ackoff, 1955), один из основателей исследования операций, предсказывал, что «эта книга должна быть принята во внимание психологической методологией на долгое время вперед». А психотерапевт Лиман Винн (Lyman Wynne), отмечая стиль письма Стефенсона как «витиеватый и скорее напыщенный», заявил, что книга будет иметь «широкое распространение, немедленное востребование клиническим исследователем в психиатрии и связанных областях». Социальный работник Гершенсон (Gershenson, 1955), с одной стороны, жалуясь, что The Study of Behavior положило начало «продолжительному спору между автором и его критиками», признавал и то, что большая часть казавшегося ему непостижимым, было обусловлено его неискушенностью в статистике[1].

В начале 1950-х годов Уильям Стефенсон был коллегой Карла Роджерса по Чикагскому университету, где он разработал метод для исследования Я-концепции человека, получивший название «техника Q-сортировки» или «Q-методика» (Stephenson, 1953). К. Роджерс довольно быстро признал ценность работ Стефенсона для своих исследований по

«изменению восприятия себя в ходе психотерапии» и стал применять Q-сортировку в качестве одного из основных исследовательских инструментов для сбора данных о терапевтическом улучшении [2]. Разработанные Стефенсоном методы исследования оказались применимы и для исследования Я-концепции методом единичных случаев. В дальнейшем эти методы обозначаются Стефенсоном как «Q-методика».

Здесь следует отметить разницу между стефенсоновской «Q-методикой» и ее логическим основанием, называемом автором «Q-методология». Посредством «Q-методологии» из теории выводятся логические гипотезы, которые затем могут быть проверены при помощи «Q-методики». Тем не менее, исследователь может пользоваться «Q-методикой», не обращаясь к «Q-методологии». Именно это и сделали Роджерс и его сотрудники. Различие между типом исследования, развиваемым Стефенсоном, и тем, что осуществляется под влиянием Роджерса, становится ясным при сравнении исследований ученика Стефенсона – Наннэлли (Nunnally, 1955) и учеников Роджерса – Батлера и Хэй (Butler and Haigh, 1954). В обоих случаях исследовалось изменение представлений о себе до и после терапии. При организации эксперимента Наннэлли использовал «Q-методологию» и полный набор «Q-методик», включая факторный анализ, в то время как Батлер и Хэй использовали лишь методику «Q-сортировки» и интерперсональные корреляции. Кроме того, Наннэлли использовал, как рекомендует Стефенсон, единичный случай, а Батлер и Хэй – ряд случаев.

Что же представляет собой предложенная Стефенсоном Q-методика? По существу, это метод изучения, в том числе, систематических исследований представлений человека о самом себе, хотя Q-метод может успешно использоваться и для других целей. Человеку предъявляется ряд утверждений, которые предлагается сортировать, осуществив заранее организованное распределение вдоль континуума – от тех, что являются наиболее характерными для осуществляющего эту сортировку человека, к наименее характерными для всех субъектов, участвующих в данном эксперименте. Это постоянство ускоряет статистическую обработку результатов, так как все сортировки приводятся к нормальному распределению с тождественным средним и стандартным отклонением.

Сортировка может быть осуществлена не только в отношении того, как люди видят себя в настоящем, но также в отношении того, какими они хотели бы быть, что называется идеальной сортировкой, какими они были в подростковом возрасте, какими их видели родители и т.д. Возможно

столько сортировок или, как их называют, вариаций, сколько выберет исследователь. Боудлер (Bowdler, 1955), к примеру, при исследовании проходящих психотерапию пациентов-эпилептиков, использовал двадцать пять сортировок. Результаты такой мультивариативной программы могут быть проанализированы методами корреляции, факторного анализа и анализа вариаций.

Утверждения для Q-сортировки могут составляться различным образом. Они могут формулироваться соответственно конкретной теории личности, много примеров приводится в книге Стефенсона (1953) или они могут отбираться из группы утверждений, взятых из терапевтических протоколов, самоописаний, личностных опросников и т.д. [2].

Таким образом, длительный период времени Q-метод чаще всего отвергался научным сообществом и далеко не сразу стал применяться в общественных науках. Прошло более полувека, прежде чем Q-методология приобрела статус «новой» или «инновационной» методики, способной помочь в изучении поведения человека. Строго говоря, у истоков метода стоял английский математик Г. Томсон, которым впервые была указана возможность «перевернутого» факторного анализа, направленного на выявление корреляции между индивидами, а не между их количественными характеристиками. Но сам Томсон считал, что использование перевернутой матрицы данных вряд ли сможет найти полезное применение в научной практике, и метод рассматривался им скорее как математическая игра ума. Несмотря на это, Q-метод начал развиваться в рамках исследования личности в экспериментальной психологии. Именно поэтому родоначальником Q-методологии принято считать Вильяма Стефенсона [5], когда 24 августа 1935 г. в журнале «Nature» им была опубликована работа «Корреляция людей вместо корреляции свойств». Причиной того, что именно Стефенсона принято считать основоположником Q-методологии является и то, что до публикации этой работы метод не находил применения из-за существования сложности сопоставления разных характеристик исследуемой проблемы в единой системе измерений.

Очень важным моментом в ходе развития и разрешения противоречий вокруг работы Стефенсона является коренное отличие в разных подходах к анализу матрицы, содержащей данные о n респондентах и m тестах в Q- и R-подходах.

У. Стефенсон подчеркивал, что в одном случае мы имеем дело с выборкой из n респондентов, которые подвергаются m количеству тестов (R-подход, факторный анализ), а в другом – с выборкой из m тестов, каж-

дый из которых оценивается по количеству респондентов (Q-подход, факторный анализ). В первом случае действие осуществляется над индивидом, например, при измерении давления или роста — это объективный метод, при этом индивид находится в пассивном положении относительно измерения. Во втором случае индивид сам выполняет активное действие, например, измеряет или дает оценку совокупности данных: это субъективный метод, поскольку оценка производится с точки зрения индивида. Как заявил Стефенсон впоследствии, «раньше баллами оценивали людей, а теперь люди сами при помощи баллов оценивают исследуемые параметры» [5].

Разница в результатах Q- и R-подходов была продемонстрирована Стефенсоном на достаточно простом и многократно воспроизведенном опыте об оценке разных частей человеческого тела. В эксперименте проводились 25 измерений человеческого тела, таких как длина руки, объем бедер, груди, размер стопы и т.п. на 20 респондентах. R-матричный подход к анализу показал, что можно выделить восемь факторов, причем в одном факторе объединяются ширина плеч, длина руки, ширина ладони, длина стопы, в другом — объем груди и талии и т.д. Таким образом, общая вариация параметров человеческого тела была разложена на ряд существенных факторов, объясняющих связи между измеряемыми переменными. После того как матрица данных была транспонирована, был проведен факторный анализ на преобразованной матрице. Он показал, что все переменные объединяются в один фактор, объясняющий 99% наблюдаемой вариации. Результат неувидителен и тривиален — он отражает тот факт, что люди устроены одинаково и, несмотря на внешние различия, принадлежат к одному виду.

Многочисленные результаты подобных экспериментов позволили учёным исследователям отметить тот факт, что R-методология обязательно остается в пределах классической парадигмы ньютоновской механики и причинное условие детерминировано (следовательно, редукционно), и это остается верным даже в том случае, когда базовая матрица данных транспонирована и рекоррелирована по рядам. В Q-методологии, напротив — прослеживается квантовый характер дополненности («complementarity» Stephenson, 1986), где значения переменных существуют в различных состояниях вероятности.

Для наглядного доказательства Стефенсон предложил следующий тест: вычисленные на основе факторных нагрузок пропорции тела были выданы художнику, который, исходя из этих данных, должен был нарисо-

вать человека. Результат представлен на рисунке (рис. 1а). Как видно, получилась вполне узнаваемая человеческая фигура.

Далее, тем же респондентам было предложено измерить те или иные части тела по «степени их важности для респондента». Результатом стали четыре Q-фактора, отражающие субъективное видение респондентами степени важности частей тела. В первый по значимости фактор попали глаза, голова и рот, во второй — туловище, бедра и грудь и т.д. Как и в первом случае, полученные пропорции были переданы художнику. Результат «внутреннего видения», субъективного взгляда на человека разительно отличается от предыдущего рисунка (рис. 1б).

Рис. 1а

Рис. 1б

Несмотря на причудливость второй фигуры, ни в коем случае нельзя делать вывод о том, что корректным является исключительно традиционный подход. Первый рисунок отражает объективные закономерности, свойственные пропорциям человеческого тела. Эти закономерности опираются на такие объективные показатели в материальном мире, как размер руки, объем талии и т.д. В отличие от этого, вторая фигура отражает нематериальные, субъективные показатели размеров отдельных частей тела с точки зрения их важности для респондентов. Действительно, роль глаз в жизни человека непропорциональна их физическим размерам, что и отражается в большей факторной нагрузке этого параметра при Q-подходе к анализу человеческого фактора.

Становится очевидным, что Q- и R-методологии отражают различные направления в развитии философии научного исследования. Цель R-методологии – предоставить исследователю объективное знание о предмете, что позволяет включить ее в рамки позитивистской эпистемологии. Q-методология считается постпозитивистской, так как ее использование

предполагает сомнение в абсолютности познавательного значения «объективной» техники и интерес к тому, что скрывается за завесой объективности. В соответствии с Q-подходом человек мыслится как целостное существо, несводимое к простой сумме своих отдельных характеристик. [3]. То есть одним из неоспоримых достоинств рассматриваемой методологии является возможность оценить данные субъективного характера (с которыми обычно имеют дело качественные методы), используя, статистические методы анализа информации.

Отметим, что Q-методология в большей степени ориентирована на поисковый характер исследований. Результаты таких исследований нельзя безоговорочно переносить на генеральную совокупность. Q-метод помогает обнаружить веские и подлинные точки зрения, распространенные в социуме, в то время как установить степень их распространенности можно с помощью количественных исследований. То есть Q-методология, используя тщательный анализ небольших выборок, показывает нам отдельные точки зрения и помогает выделить группы людей с одинаковыми взглядами на некую ситуацию.

Возможно, что ещё не пришло время утверждать однозначно, но и нельзя отрицать того, что на сегодняшний день число сторонников Q-методологии непрерывно возрастает. В частности, Q-методология, используя анализ небольших выборок, позволяет исследователю доказательно выявить различные точки зрения респондентов и очертить границы групп с одинаковыми взглядами на определённую ситуацию. Многие исследователи рекомендуют данный подход в качестве поискового метода для порождения новых гипотез о восприятии индивидами социальных феноменов. Как отмечает в своей работе Steven R.: «Уильям Стефенсон опередил время, высказав свою яркую идею в 1935, и остается впереди большого количества современников, теоретизирующих о проявлениях человеческого действия и методологических принципов, требуемых для его изучения» [1].

Литература:

1. Браун, С. История и принципы q-методологии в психологии и социальных науках / С. Браун // <http://qmethod.narod.ru/About/History.htm>.
2. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Хиглер. – СПб: Питер, 2000. – С. 528-569.

3. Хорош, Ю.Ю. Изучение субъективного восприятия с помощью q-методологии на примере отношения к безалкогольным напиткам / Ю.Ю. Хорош // Методы социологических исследований: сб. ст., написанных на базе ВКР студ. фак-та социологии ГУ-ВШЭ 2004-2006. – М.: ТЕИС, 2006.

4. Brown, S. Q-Methodology And Qualitative research / S. Brown // Qualitative Health Research. – 1996. – Vol. 6 (4) (November). – P. 561-567.

5. Brown, S. The History and Principles of Q-Methodology in Psychology and the Social Sciences / S. Brown // Department of Political Science Kent State University. – Kent, Ohio (USA).

© И. В. Романов, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

— ● —

УДК 159.9.072

СТАНДАРТИЗОВАННОЙ МЕТОДИКЕ (ТЕСТУ) Е.Ф. ЗАМБАЦЯВИЧЕНЕ - 30 ЛЕТ

П.В. Сабанин. Институт психологии социологии и социальных отношений (ИПССО) Московского городского педагогического университета (Москва, Россия), *e-mail: convergo@mail.ru*

Л.Ф. Чупров. Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия), *e-mail: leo-chuprov@yandex.ru*

Резюме. В статье описана история появления адаптированной для литовских детей стандартизированной методики (теста), ее апробации и адаптации на русскоязычной выборке, создания на этой основе самостоятельного инструмента «Словесные субтесты». Приведен подробный анализ неправильного использования и распространения, как стандартизированной методики Э.Ф. Замбацявичене, так и «Словесных субтестов».

Ключевые слова: психодиагностика, младшие школьники, стандартизированная методика, тест, «словесные субтесты», дефектные инструменты.

Методика Э.Ф. Замбацявичене была опубликована в 1984 г. на страницах журнала «Дефектология» под названием «К разработке стандартизированной методики для определения уровня умственного развития

нормальных и аномальных детей» [4]. Данная методика представляет собой адаптированный для литовских детей набор из четырех вербальных субтестов на основе четырех первых вербальных субтестов теста Р. Амтхауэра, и является стандартизованным тестом, направленным на диагностику уровня умственного развития (в данном случае только его вербального компонента) по суммарному индексному показателю. Методика построена на психометрической основе, где каждая из 40 проб имеет свою оценку успешности в диапазоне от 1,9 до 3,0 баллов. Часть заданий ориентирована на знания литовских школьников.

Согласно задумке автора: «В состав первого субтеста входят задания, требующие от испытуемых дифференцировать существенные признаки предметов и явлений от несущественных, второстепенных. По результатам выполнения некоторых задач субтеста можно судить о запасе знаний испытуемых. Второй субтест состоит из заданий, представляющих собой словесный вариант исключения «пятого лишнего». Данные, полученные при исследовании этой методикой, позволяют судить о владении операциями обобщения и отвлечения, о способности испытуемого выделять существенные признаки предметов и явлений. Третий субтест – задания на умозаключение по аналогии. Для их выполнения испытуемому необходимо уметь установить логические связи и отношения между понятиями. Четвертый субтест направлен на выявление умения обобщать (испытуемый должен назвать понятие, объединяющее два слова в каждом задании субтеста)» [4, с.29].

Э.Ф. Замбацявичене в общей сложности в процессе апробации было обследовано 2542 ученика и в дополнительном эксперименте 150 учащихся литовских школ. Но на российской русскоговорящей выборке данная методика процедуры адаптации, апробации и стандартизации не проходила.

Здесь необходимо отметить, что при переносе тестов, разработанных иностранными специалистами, необходимо строго придерживаться требований психометрики. Зачастую реальные языковые и социокультурные различия бывают столь сильны, что полная эмпирическая адаптация иностранной методики по объему работы не уступает разработке оригинальной методики [11].

Стимульный материал методики Э.Ф. Замбацявичене был использован для создания нового диагностического инструмента – «Словесных субтестов», работу над которыми начала в том же 1984 году группа исследователей: Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров.

Стимульный материал – самая чувствительная часть любой из методик. Какие-либо изменения в ее части – есть новый диагностический инструмент. Столь же чувствителен и способ предъявления, т.е. сама процедура обследования. Различия в способах обработки существенно не изменяют «ядро методики», если они не противоречат исходному варианту. Способ предъявления (процедура обследования) диктует возможность последующей интерпретации получаемых экспериментальных данных.

Таблица 1

Компонент	Методика и автор	Примечание
Стимульный материал	Э.Ф. Замбацявичене (1984).	Адаптирован регионально (применительно к знаниям жителя Литвы)
	«Словесные субъекты» по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989) [9].	Адаптирован и апробирован на контингенте русскоговорящих детей (г. Москва)
Способ исследования	Э.Ф. Замбацявичене (1984).	Психометрический.
	«Словесные субъекты» по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989).	Патопсихологический способ, предложенный Т.В. Розановой (1979) с вариантом стимулирующей помощи.
Обработка	Э.Ф. Замбацявичене (1984).	Суммарный показатель за все задания в целом.
	«Словесные субъекты» по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1989).	Суммарный показатель за все задания в целом. Баллы (с первой и второй попыток) по отдельным субъектам. Оценка уровня успешности по Т.В. Егоровой (1984). Структурирование профиля.
	«Словесные субъекты» Л.Ф. Чупров (1987; 1988; 1999).	Суммарный показатель за все задания в целом. Баллы (с первой и второй попыток) по отдельным субъектам. Оценка уровня успешности по Т.В. Егоровой (1984). Структурирование профиля.

В свою очередь, и способ обработки получаемых в экспериментальном исследовании данных позволяет использовать тот или иной способ интерпретации результатов. Кроме того, при достаточно подробной фиксации данных предъявления методики и получаемых при этом результатов всегда имеется возможность так структурировать данные, чтобы они максимально способствовали выполнению поставленных перед исследованием задач.

Применительно к «Словесным субтестам» их отличия в стимульном материале от методики Э.Ф. Замбацэвичене не столь значительны, но самостоятельный статус диагностическому инструменту придает именно способ предъявления заданий. В свою очередь способ предъявления позволяет использовать разные варианты интерпретации получаемых с помощью методики данных. В таблице 1 представлены основные отличия методики Э.Ф. Замбацэвичене и «Словесных субтестов».

Этот вариант уже прошел адаптацию и апробацию на русскоязычной выборке. Описываемая методика апробирована в экспериментальных и психодиагностических целях (Чупров, 1988; Фотекова, 1993; Переслени, Мастюкова, 1989; Чупров, 1987; 1988; 1990а; 1996; 1993; Фотекова, Чупров, 1995; Бухаркина, Чупров, 1996) [3; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Методика внедрена в практику работы Черногорской психологической службы (Хакасия), республик Коми, Тува, Кемеровской, Кировской, Тамбовской области и др., включена в программу подготовки специалистов психолого-медико-педагогических консультаций (Розанова Т.В., 1995) [10]. Методика и ее варианты, были выпущены в издательстве АГПИ (Абаканского государственного педагогического института) в виде методических рекомендаций и вошли в состав учебно-методического пособия, известного как ПДК («Психодиагностический комплекс») [8].

Надежность и обоснованность методики показана в работах: Переслени, Мастюкова, Чупров, 1989; 1990; Переслени, Чупров, 1989; Фотекова, 1993; Чупров, 1987; 1988; 1990; 1993; 1997; 1999; 2000; Чертыкова, Чупров, 1995 [5; 6; 9; 14; 15; 16; 17; 18].

Методика «Словесные субтесты» предназначена для исследования особенностей словесно-логического мышления детей младшего школьного возраста как отдельная психодиагностическая методика и как составная часть психодиагностического комплекса по Л.И. Переслени, Е.М. Мастюковой, Л.Ф. Чупрову (1990) – при диагностике состояний задержки психического развития, умственной отсталости, общего недоразвития речи, для отграничения этих состояний от нормы. Методика может быть использова-

на, как показывает опыт ее применения черногорскими психологами, для диагностики школьной зрелости (Бухаркина, Чупров, 1996) [2], для изучения динамики умственного развития младших школьников [17]. Э.Ф. Замбацавичене не учла возможности повышения результативности при стимулирующей помощи (термин В.Л. Подобеда), т.е. при повторном предъявлении пробы: «Не правильно, подумай еще». Именно этот показатель оказался более чувствительным для отграничения детей с задержкой психического развития от нормы и умственно отсталых, так как нарушения в регуляции познавательной деятельности, проявляющиеся в недостатках произвольного внимания, – один из центральных симптомов состояний задержки психического развития (Переслени, Мастюкова, 1989; Переслени; Мастюкова, Чупров, 1989; 1990; Чупров, 1987; 1988) [5; 6; 12; 13].

Методика «Словесные субтесты» измеряет пять основных показателей:

- оценка успешности решения словесных субтестов в целом (в абсолютных или относительных цифрах);
- уровень успешности в соответствии с градацией, предложенной Т.В. Егоровой (1984);
- показатель успешности выполнения отдельных субтестов: I (общая осведомленность); II (классификация); III (анalogии); IV (обобщения);
- результативность, при первой и второй попытках (качественный анализ);
- соотношение успешности, в отдельных субтестах к сумме за все четыре субтеста (структурный анализ).

В заключение необходимо остановиться на судьбе методики Э.Ф. Замбацавичене после ее публикации в журнале «Дефектология» [4]. В статье приведен стимульный материал и результаты его апробации на различных категориях нормальных и аномальных детей, но самой методики, в которой помимо стимульного материала есть еще по два-три варианта тренировочных заданий перед каждым субтестом, инструкции для экспериментатора и т.п. нет. И, по сути, русскоязычной версии такой методики просто не существует. Любое «додумывание» этой статьи до методики для практического использования – будет создание модифицированного ее варианта. Долгое время на этот инструмент никто не обращал внимание.

Началом «триумфального» продвижения теста послужила публикация В.М. Астапова (1994) [2]. В этой публикации были просто заменены две пробы: «литовский порт» на «город» (кстати, неудачная замена, т.к. такая проба просто не информативна у младших школьников), а литовские

«имена-фамилия» на распространенные русские. Какой-либо апробации, адаптации и т.п. процедур по превращению перевода с литовского в методику, ориентированную на русскоязычную выборку, произведено не было. Также, в пособии В.М. Астапова просматривается связь с батареей ПДК, поскольку используется, хоть и в дефектном описании вариант методики «Угадайка» по Л.И. Переслени, В.Л. Подобеду, Л.Ф. Чупрову (1990) и попытка создания комплекса из трех методик.

Далее методика Э.Ф. Замбацявичене оказывается опубликованной у авторов, выступающих под псевдонимом «Римские, Р.Р. и С.А.» (1995) [1]. Здесь уже явно просматриваются «след ПДК» – Римские делают «кентавра» объединив стимульный материал теста Э.Ф. Замбацявичене с обработкой и оценкой результатов «Словесных субтестов». В итоге, на рынок психологической литературы вышла методика не прошедшая необходимых подготовительных процедур, более того, появились «кентаврические» варианты методики.

В заключение, обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что при переносе тестов разработанных иностранными специалистами, необходимо строго придерживаться требований психометрики. Зачастую реальные языковые и социокультурные различия бывают столь сильны и значительны, что полная эмпирическая адаптация иностранной методики по объему работы не уступает разработке оригинальной методики (Е.С. Романова, 2008) [11].

Литература:

1. Альманах психологических тестов / сост.: Р.Р. и С.А. Римские. – М.: «КСП», 1995. – 400 с.
2. Астапов, В.М. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии / В.М. Астапов. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 216 с.
3. Бухаркина, О.Г., Чупров, Л.Ф. Особенности адаптации учащихся 1 класса в зависимости от уровня школьной зрелости / О.Г. Бухаркина, Л.Ф. Чупров // Актуальные проблемы подготовки специалиста в ВУЗе: материалы III республ. Катановских чтений. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – С. 72-73.
4. Замбацявичене, Э.Ф. К разработке стандартизированной методики для определения уровня умственного развития нормальных и аномальных детей / Э.Ф. Замбацявичене // Дефектология. – 1984. – № 1. – С. 28-34.

5. Методики исследования интеллектуальной сферы личности школьников: метод. реком. / сост.: Л.Ф. Чупров. – Абакан; АГПИ, 1990. – 56 с.

6. Мышление. Словесные субтесты // Программа исследования детей на готовность к школьному обучению. – М., 1991. – С. 9-13.

7. Переслени, Л.И. Особенности словесно-логического мышления младших школьников в аспекте диагностики интеллектуальной недостаточности / Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1989. – Том 89. – Вып. 3. – С. 35-39.

8. Переслени, Л.И., Мастюкова, Е.М., Чупров, Л.Ф. Психодиагностический комплекс методик для определения уровня умственного развития младших школьников: учеб.-метод. пособие / Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров. – Абакан: АГПИ, 1990. – 68 с.

9. Психодиагностика особенностей словесно-логического мышления младших школьников (метод. реком.) / авт.-сост.: Л.И. Переслени, Е.М. Мастюкова, Л.Ф. Чупров. – Абакан: АГПИ, 1990. – 28 с.

10. Розанова, Т.В. Программы подготовки специалистов для ПМПК. Психологические основы диагностики и коррекции / Т.В. Розанова // Дефектология. 1995. – №4. – С. 82-89.

11. Романова, Е.С. Психодиагностика / Е.С. Романова. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с: ил. – (Серия «Учебное пособие»)

12. Фотекова, Т.А. Сравнительное исследование особенностей познавательной деятельности при общем недоразвитии речи при задержке психического развития у младших школьников: автореф. дис. канд. психол. наук / Т.А. Фотекова. – М.; 1993. – 17 с.

13. Фотекова, Т.А. Лонгитюдные исследования в практике работы психологической службы школы / / Т.А. Фотекова, Л.Ф. Чупров // Актуальные проблемы подготовки специалиста в педагогическом ВУЗе: материалы II республ. Катановских чтений В 2-х томах. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. – Т. 2. – С. 14-15.

14. Чертыкова, И.П. Особенности словесно-логического мышления учащихся младшего подросткового возраста / И.П. Чертыкова, Л.Ф. Чупров // Актуальные проблемы подготовки учителя в ВУЗе: материалы II республ. Катановских чтений. – В 2-х томах. – Т. 2. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1995. – Т. 2. – С. 16-17.

15. Чупров, Л.Ф. Особенности произвольного внимания и познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития // Дефектология. – 1987. – № 6. – С.17-22.

16. Чупров, Л.Ф. Особенности произвольного внимания младших школьников с задержкой психического развития: дисс. ... канд. психол. наук / Л.Ф. Чупров. – М.: АПН СССР, 1988. – 165 с.

17. Чупров, Л.Ф. Региональные аспекты использования вербальных заданий в психологической диагностике // Л.Ф. Чупров // Вопросы совершенствования подготовки учителя в ВУЗе: материалы I республ. Катановских чтений). – Абакан: АГПИ, 1993. – С. 99-101.

18. Чупров, Л.Ф. Методика «Словесные субтесты»: опыт доработки и применения / Л.Ф. Чупров // Журнал практического психолога. – 1997. – № 4. – С. 24-41.

© П.В. Сабанин, Л.Ф. Чупров, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— • —

УДК 159.9.07

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМЫ И ПЛАКАТА В СОВЕТСКОЙ ПСИХОТЕХНИКЕ

Н.Ю. Стояхина. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород), e-mail: natast0@rambler.ru

Резюме. В данной статье рассказывается о методах изучения эффективности воздействия плакатов и рекламы, использованные в работах и исследованиях советских психотехников 1920-1930-х гг. Психология воздействия была не так широко представлена в советской психотехнике, как вопросы профессионального отбора, профессионального консультирования, профессионального ориентирования молодежи, рационализация средств производства, но ученые Д.И. Рейтунбарг, Г.А. Ротштейн, Ф.Н. Барановский внесли свой вклад в обеспечение

исследовательской практики изучения воздействия.

Ключевые слова: советская психотехника, психология воздействия, плакат, реклама, плакат по технике безопасности, устрашающий плакат, неустрашающий плакат, методы исследования.

В 1920-1930-е гг. советские психотехники активно занимались помимо профессионального отбора, профессионального консультирования, профессионального ориентирования молодежи, рационализацией средств производства, вопросами психологии воздействия. Основоположник этого направления психологии Г. Мюнстерберг, замечал, что психотехника, ставя перед собой чисто практические цели и влияя на все стороны практической жизни, является воздейственной психологией, т.к. должна осуществить какое-нибудь реальное изменение в изучаемой ею области.

Советских психотехников, в первую очередь, интересовало воздействие на поведение и сознание, осуществляемое посредством революционного, политического плаката, плаката по технике безопасности труда, рекламного плаката, а также объявления. Проблема методов изучения плаката с точки зрения его воздействия на потребителя не проста ввиду сложности самого предмета исследования: в рекламном/плакатном изображении в художественной форме сочетается изображение и текст. К тому же плакат важен не сам по себе, а только в связи с результатом его воздействия. Д.И. Рейтынбарг [10, с. 116], впервые в советской психологической литературе ставит вопрос об изучении плаката с точки зрения эффективности его использования как воздействующего фактора на личность зрителя. Под эффективностью какого-нибудь мероприятия он предложил понимать «способность этого мероприятия достигать той цели («эффекта»), для которой оно предназначено. Когда мы говорим об эффективности плаката, то имеем в виду его назначение: насколько плакат справляется со своей практической задачей вносить те или иные изменения в поведение людей» [7, с. 67].

Проанализировав многочисленные зарубежные исследования, для эффективности плаката он предлагает учитывать «прямые» (практические) показатели и «косвенные» (психологические). «Показатели «прямые» (практические), т.е. показатели, определяющие эффективность плаката в терминах практического его применения. Если плакат призывает подписаться на заем, то эффективность его будет определяться

количеством подписчиков. Если плакат торговый, то соответствующим показателем будет количество запросов и заказов. Для плаката по безопасности таким показателем может быть снижение количества несчастных случаев и т.д. Показатели «косвенные» (психологические) помогают определить эффективность плаката в терминах психологических, так как добываются эти косвенные показатели психологическими методами. Плакат – средство воздействия на психику человека и группы, массы людей. Мы можем, поэтому, с некоторым правом считать плакат эффективным, если он хорошо, положим, привлекает внимание зрителей, возбуждает их интерес, удерживается в памяти и т.п.» [7, с. 67]. Оба этих понятия достаточно условны, т.к., во-первых, прямые показатели не всегда даны (Д. Рейтынбарг указывает, что их нет для агитационного политического плаката), во-вторых, плакат никогда не выступает как изолированное и единственное средство воздействия, и поэтому эффективность его с трудом поддается учету.

Прямые показатели эффективности разработаны особенно тщательно в практике торговой рекламы, это и условные знаки, чаще всего слегка искаженные адреса, помещаемые в газетных и журнальных объявлениях (по количеству полученных заказов с такими адресами судят об эффективности объявления в той или иной газете или журнале), и отрезные купоны, которые запрашивающий потребитель шлет фирме (купоны эти могут быть различного цвета и формы и служить, таким образом, показателем эффективности объявления в том или другом органе печати), и запрос самой фирмы заказчику или корреспонденту [7, с. 69].

Применение косвенных, психологических, методов изучения эффективности плакатов основывается специалистами на том предположении, что решающее значение для плаката имеют психологические процессы, активизируемые плакатом. «Для того, чтобы плакат достиг цели, нужно, прежде всего, чтобы он обратил на себя внимание, чтобы это внимание удержалось на плакате, чтобы содержание плаката было усвоено, чтобы оно крепко связалось с ассоциациями воспринимающего, возбудило бы в нем интерес и запало в память, чтобы, наконец, плакат возбудил в зрителе надлежащие эмоции, убедил зрителя и создал бы установку, благоприятную для предстоящего действия зрителя, или вызвал бы самое это его действие» [7, с. 70]. Следовательно, если плакат не замечен, не прочтен, не запомнился и т.д., то он наверно не принесет никакой пользы. А если он и замечен, и прочтен, и усвоен, то

он принесет пользу? Этот вопрос относится к плакату, к газетному и журнальному объявлению, к каталогу, к проспекту и т.д.

Прямыми (практическими) показателями эффективности пропаганды можно пользоваться лишь после того, как плакат/реклама/объявление напечатаны, т.е. деньги уже вложены. Оправдаются они или нет – неизвестно. Таким образом, прямые показатели – не прогностичны. Прогностичностью обладают косвенные методы определения эффективности пропагандистского материала.

На основании изученной обширной зарубежной литературы, Д.И. Рейтынбарг предлагает множество методов изучения эффективности влияния/воздействия плаката, рекламы: метод наблюдения, метод опроса, метод экспериментального опроса (описания), метод естественного эксперимента, исследование «зрительной фиксации», хронометраж, применение тахистоскопа, исследование непосредственного («прямого») воспроизведения, «косвенное» исследование воспроизведения (парные ассоциации, пропущенные слова, готовые ответы), исследование узнавания, метод корреляции между различными методами исследования воспроизведения, исследование ассоциаций, методы «ранговой оценки» (непосредственная ранжировка, балльная оценка, групповая оценка, предварительная группировка, отбор наилучших, условный отбор, парные сравнения), статистическое изучение, «историческое» изучение, изучение реакций, изучение обстановки плаката.

А.А. Гайворовский (в то время работавший в Белорусском государственном университете) [9, с. 136], дополнил список методов изучения плаката методом психоаналитического наблюдения по Ф. Гизе и методом естественного эксперимента, которые близки по своим задачам – проникнуть в тот сложный комплекс подсознательных факторов и импульсов, которые в значительной мере руководят нашим поведением, когда «искусственно создаются условия, при которых личность испытуемого должна проявиться с той или иной стороны в различных формах поведения, но эти условия обычно подбираются из числа тех, что окружают его в повседневной жизни» [4, с. 105].

В грядущих революциях и войнах, в неухающей классовой борьбе пролетариата, которые должны привести в движение огромные массы людей, плакату придавалось большое значение. Ввиду того, что союзником советских рабочих и крестьян должны были стать такие же рабочие и крестьяне разных стран – малообразованные или неграмотные – роль газеты и листовки ничтожна, а главным орудием печатной агитации

явится плакат. «Плакат сыграет огромную роль и в той войне, которую Советскому Союзу придется – раньше или позже – вести с буржуазным миром. Организация общественного мнения, мобилизация внимания трудящихся вокруг выдвигаемых партией лозунгов, укрепление политикоморального состояния Красной армии, разложение армии противника, завоевание симпатий трудящегося населения воюющей с нами страны, – во всей этой работе революционный плакат будет одним из важнейших орудий» [2, с. 161]. Все это делало своевременной постановку научного изучения воздействия плаката на рабочую и крестьянскую массу.

В целом ряде психотехнических работ содержатся иллюстрации конкретных решений прагматических задач: изучение мнения по поводу определенных плакатов на примере конкретной выборки. Выборка определялась задачами исследования. Методы исследования, продемонстрированные в данных работах, – очень популярное в то время анкетирование и наблюдение.

Статья двух молодых авторов, писавших для нужд политработы, Е.А. Болтина и В.А. Камского, о восприятии плаката характерна для конца 1920-х – начала 1930-х гг. Авторы, сотрудники политико-просветительной секции Государственного института научной педагогики, решили «выяснить, как воспринимает рабочая и крестьянская масса тот или иной агитационный плакат, и на основании этого установить, какой тип плаката больше всего отвечает задачам агитации в данной среде» [2, с. 162], для чего было проведено анкетирование среди крестьян-красноармейцев стрелковых частей РККА. Для проведения исследования были взяты плакаты почти с одной темой: «Что дал деревне Октябрь» и «Что мне дала Советская власть. Рассказ крестьянина» – с почти одинаковым содержанием.

Анкета выглядела так: 1. Нравится ли плакат или нет? Почему? 2. Опиши, что изображено на плакате? Что непонятно? 3. Правильно ли все изображено на плакате? Что неправильно? 4. Красиво ли нарисован плакат? Что некрасиво? 5. Что больше всего понравилось в плакате? 6. Откуда ты производишь; из крестьян или рабочих? 7. Сколько налога уплатило твое хозяйство в прошлом году? 8. В какой школе и сколько лет ты учился? 9. Когда ты призван в Красную армию?»

Исследование проводилось в «красноармейской среде, представляющей собой, несомненно, передовую, активнейшую часть деревни, в среде поголовно грамотной, обладающей значительной партийно-комсомольской прослойкой и, наконец, пробывшей около

полугода в городе, в условиях систематического культурно-политического воздействия красной казармы» [2, с. 12]. Хотя оба плаката были выпущены для деревни, красноармейцы-бедняки недостаточно поняли второй плакат, и авторы предполагают, что в обычной крестьянской массе этот плакат был бы понят еще хуже, поэтому «серьезного внимания требует вопрос о классово-правильной установке изучаемых плакатов» [2, с. 12].

Е.А. Болтиным и В.А. Камским были сделаны выводы: основная масса крестьян оценивает плакат со стороны изображения: «красиво» – «некрасиво»; нужно ориентироваться на беднячко-батрацкую часть крестьянства и подчеркивать коллективистический характер строительства новой деревни; молодые крестьяне (как раз наиболее общественно активная его часть), мало зная дореволюционную жизнь деревни, плохо понимают ее плакатное изображение, поэтому необходимо изображать прошлое осторожно и вдумчиво, без нарочитой карикатурности; для деревенского зрителя плаката непригодны аллегории и условности, изображения должны быть конкретны и реальны; общий стиль его – натуралистический.

Научный сотрудник изобразительного сектора Критико-библиографического института ОГИЗа (объединения государственных книжно-журнальных издательств) В.О. Верт описывает конкретный опыт своей работы. Изосектор Критико-библиографического института организовывал общественные просмотры плакатов на предприятиях, в казармах, в домах крестьянина, где зрителями выступали рабочие и колхозники – строгие и требовательные критики. После просмотра было обсуждение. Как пишет В. Верт, плакат, в котором лозунг изобразительно не раскрыт, не привлекает интереса массовой аудитории [3, с. 48]. Неубедительно, если художник изображает только отрицательные или положительные явления. Большой критике подвергается обычно типаж изображаемых на плакате рабочих, колхозников, красноармейцев (например, из-за слишком упитанной, гладкой шеи изображенного рабочего, схожести его с киногероем, бессильной ненависти и злобы на лице рабочего; ударница похожа на жену кулака и торговку; пограничник не внушает доверия – «способен в случае опасности убежать с поста»). Зрителя – рабочего и колхозника, кроме содержания интересует и форма: «приевшиеся, трафаретные приемы плакатной техники, призывные жесты не нравятся зрителю; отвлеченная символика, голая аллегория также не встречают сочувствия» [3, с. 48], и цвета (не нравятся грязные блеклые тона), и подача различных производственных моментов: «рабочие требуют

правильного показа технологического процесса и с обязательным раскрытием специфики социалистических форм труда, подчеркивающих темпы и качество, колхозники предъявляют особые требования к точной передаче техники производства» [3; с. 49]. Для В. Верта очевидно большое значение выявление непосредственного впечатления зрителя, и эту работу он призывает вести научно, организуя опыты по проверке качества воздействия на различные группы зрителей различных методов изобразительного решения темы. В условиях скученности и бытовой неустроенности большое значение имели санитарно-гигиенические навыки, поэтому санитарная пропаганда была приравнена к ликвидации неграмотности по своей важности и считалась важнейшей составляющей культурной революции.

Назначением санитарно-просветительного плаката было распространение медицинских знаний среди самых различных слоев населения, т.к. в условиях революций и Гражданской войны, страшным бичом являлись эпидемии сыпного и брюшного тифа, холеры.

Доктор М.Д. Карнаухов [10, с. 189] написавший много просветительских работ о гигиене, в одной из них описывает исследование, проведенное работниками Института санитарной культуры по изучению воздействия плаката на повышение санитарно-культурных навыков, причем «воздействие плаката было взято по возможности изолированно» [5, с. 289]. Бригада работала в нескольких многолюдных местах: столовая Центрального дома крестьянина, уборная клуба «Работница», мужская и женская уборные и буфет рабочего театра Бауманского района. Темой исследования было мытье рук, бросание окурков и спичек на пол.

Плакаты представляли собой рисунки, построенные аппликационным способом и основанные на цветных комбинациях, текст – краткий императивный лозунг без всяких указаний на пользу или вред самого действия. Методом работы была простая регистрация всех проходивших и тех из них, кто производил интересующее действие (мытьё рук, бросание окурков и спичек). Регистрация производилась несколько дней при обычной обстановке учреждения, затем вывешивались плакаты и опять производилась регистрация (периоды времени были равные). Все исследование велось под постоянным наблюдением сектора наглядных методов Института санитарной культуры, и цифры являются вполне достоверными. Подводя итоги проведенной работы, М.Д. Карнаухов говорит, что императивный плакат, обращающий на себя внимание,

«вывешенный в соответствующем месте, дает довольно значительный сдвиг в положительную сторону, если он обращен на определенное конкретное действие. Процент повышения положительного момента в некоторых случаях очень значителен» [5, с. 291]. Автор рекомендует в дальнейшем развить лозунг в плакате с объяснением необходимости положительного действия и вредности отрицательного, а также изменить и усложнить оформление плаката. Данные работы проводились не психотехниками, поэтому использование исследователями ограниченного круга методов – анкетирование, обсуждение, регистрация – вполне объяснимо. Психотехники же широко пользовались набором методического инструментария, известного им в то время.

Так, в 1925 г. Д.И. Рейтунберг проводил опрос слушателей курсов по НОТ при выставке ВСНХ⁶, в дальнейшем демонстрируя перед аудиторией простейший эксперимент по изучению эффективности рекламы с учетом его результатов. Опрашиваемым нужно было за 3 минуты дать два названия рекламы, вспоминаемых без особых усилий. У женщин на первое место попала группа торгово-промышленных плакатов – 52% названий, на втором – общественно-политические – 27%, третье место занимают зрелища – 13%, на последнем месте – группа литературно-культурная, насчитывающая всего 8%. Внутри группы опрошенных мужчин общественно-политическое воздействие больше всего сказывается на рабочих (27%), меньше всего на служащих (11%). Торговая и промышленная реклама действует сильнее всего на учащихся (63%), на менее, казалось бы, покупательно-способную группу. За ними идут рабочие (54%) и служащие (55%). В зрелищах, наоборот, первое место занимают служащие (30%), а за ними на одинаковом почти расстоянии (11% и 12%) учащиеся. «Литература и культура» доходят в первую очередь до служащих-женщин (17%), затем идут учащиеся – мужчины (9%), служащие и рабочие – мужчины (по 8%) и учащиеся – женщины (5%) [6].

Среди некоторых особенностей советского потребителя рекламы

⁶ «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» (ВСХВ) и действовала до 1941 года. Её предшественницей была «Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка», организованная в 1923 году в Москве на Воробьевых горах. Выставка вновь открылась лишь в 1954 году после реконструкции. В 1959 году комплекс был перепрофилирован и получил новое название — «Выставка достижений народного хозяйства СССР» (ВДНХ СССР). В 1992 году комплекс получил своё нынешнее название «Всероссийский выставочный центр» [Прим. ред.].

Рейтынбарг отмечает женщин-потребителей: по данным иностранной литературы женщина в рекламе замечает мелочи и соответственно этому «надо ей, мол, преподнести специальную – “мелочную” рекламу» [6, с. 69]. Советская женщина «как будто “житейских” мелочей (торговля, зрелища) вовсе не замечает, ее внимание заполнено исключительно общественностью и политикой» (6; с. 69).

В начале 1930-х гг., работая с энтузиазмом над созданием плакатов по технике безопасности, психотехники отметили чрезвычайно важную проблему при их восприятии: рабочие по-разному воспринимали изображения устрашающие, воспроизводящие реальные ситуации несчастных случаев, и неустрашающие, предупреждающие, информирующие об опасности. Блестящие примеры методического доказательства своей гипотезы, подкрепленного экспериментом, представлены в статьях Д. Рейтынбарга, И. Макарова, Г. Ротштейна и Ф. Барановского. Интересно, что эти работы выполнены одним методом – методом зрительной фиксации, но авторы все равно приходят к различным выводам. Ф. Барановский же использует в данном случае метод анкетирования рабочих после экспозиции изображений. Тщательно спланированные и проведенные экспериментальные исследования делают их актуальными и сегодня.

Психотехники Д. Рейтынбарг и И. Макаров под методом зрительной фиксации понимают ограниченное, углубленное объективное наблюдение, когда наблюдающий учитывает, на каком из данных объектов или его элементов наблюдаемый фиксирует свой взгляд. «Положения, на которых построен метод, таковы: 1) из двух (или нескольких) объектов мы фиксируем свой взгляд на том, который привлекает наше внимание или возбуждает наш интерес; 2) из двух (или нескольких) объектов, на которые мы смотрим, мы дольше задерживаем взгляд на том, который для нас привлекательнее или интереснее» [8, с. 17]. После проделанной работы авторы приходят к следующим выводам: продолжительность рассматривания отрицательных плакатов больше рассматривания положительных; относительная разница в продолжительности рассматривания отрицательных плакатов различными группами испытуемых незначительна; запоминаемость отрицательных плакатов значительно выше, чем положительных: у служащих в 1,5, у рабочих в 3,5, в общем в 2,5 раза; расположенные на периферии поля зрения испытуемых однородные по содержанию и начертанию цифры лучше запоминались в связи с отрицательными плакатами. «Отсюда:

отрицательный плакат в отношении степени воздействия на внимание (аттрактивность) и запоминания при прочих равных условиях предпочтительнее положительного» [8, с. 22]. Сотрудник отдела психологии труда Государственного научного института охраны труда Г.А. Ротштейн [10, с. 281] повторяет эксперимент Д.И. Рейтынбарга и И. Макарова с целью уточнения его результатов, используя тот же метод зрительной фиксации.

После эксперимента автор объявил, что не придает методу зрительной фиксации решающего значения в определении эффективности устрашающего и неустрашающего плаката, т.к. «этот вопрос требует дальнейшей углубленной проработки, изучения того, как эти плакаты, преломляясь через моторно-волевую сферу, действуют непосредственно, однако считаем, что наше исследование дает право сделать некоторые общие выводы. Основным из этих выводов является то, что эффективность плаката не есть «сила в себе», а зависит целиком от среды, в которой плакат действует» [9, с. 369], от стажа рабочих, от степени подготовки их по технике безопасности, от постановки дела плакатной пропаганды, от профессии. Окончательно на этот вопрос должен дать ответ эксперимент, построенный на принципе реактивной методики, который позволил бы учесть эффективность плаката в терминах практической или хотя бы искусственно воссозданной работы.

Автор считает, что опытные рабочие реагируют на устрашающий плакат слабее, чем на неустрашающий, хотя понятно, что эмоциональный тон плаката в значительной степени увеличивает его эффективность, и рекомендует обращаться к эмоциональным стимулам более высокого порядка, чем изображение несчастного случая – к политико-экономическому и производственно-политическому содержанию.

Ф.Н. Барановский, психотехник из института «Нефтебезопасность» (Баку) [10, с. 254], пожалуй, как никто другой из исследователей, попытался поставить изучение воздействию эффекта плаката по технике безопасности на точную экспериментальную основу. В схему постановки опытов по психологическому анализу плаката вошли: исследование области восприятия цвета и формы у рабочих (исследование степени привлечения внимания основными геометрическими фигурами, исследование тонкости различения цветов, исследование степени привлечения внимания различными цветами, исследование влияния контрастного сочетания цветов на легкость восприятия); исследование восприятий надписи у рабочих (влияние

пространственного расположения надписи, величины букв, однородности шрифта, количества слов надписи и смыслового оформления надписи на легкость восприятия); исследование влияния эмоционального тона плаката на эффективность его восприятия (влияние эмоционального тона на восприятие плаката с легким и тяжелым несчастным случаем); исследование влияния смыслового (сюжетного) построения плаката на эффективность его восприятия (изображение на плакате причины-следствия несчастного случая и производственной обстановки на плакате); исследование эффективности цельного восприятия плаката [9]. Ф. Барановский со своей ассистенткой в течение года (июнь 1930 г. – июнь 1931 г.) провел широкомасштабные, тщательно спланированные и методически выверенные эксперименты по каждой позиции, которые частично подтверждали выводы коллег, но, в основном, дали новые данные, значительно расширив психотехническую практику.

Еще в 1925 г. Д.И. Рейтынберг, начинавший работать по изучению плакатного и рекламного воздействия, ссылаясь на западноевропейскую и американскую теорию и практику, высказывает пожелание по скорейшему изучению этого вопроса, которую можно поручить авторитетному в области прикладной психологии лицу или учреждению, поставив на хозяйственные начала при заинтересованном учреждении или предприятии, и «материальная выгода такого изучения не замедлит сказаться на успехах самого предприятия» [6, с. 69]. Работа советских психотехников по изучению воздействия плаката на зрителя, начатая в 1920-1930-гг., обогатила психологию новым содержанием: были предложены и включены в практику новые методы и методики исследования восприятия изобразительного материала, был начат анализ восприятия одного и того же материала различными социальными группами. К сожалению, эти исследования были прерваны Постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. и продолжены через несколько десятилетий.

Литература:

1. Барановский, Ф. Психологический анализ элементов плаката по технике безопасности / Ф. Барановский // Психология. – 1932. – № 1-2. – С. 89-144.
2. Болтин, Е.А. О восприятии политического плаката красноармейцами-крестьянами / Е.А. Болтин, В.А. Камский // Вопросы

педагогики. – 1929. – № 5-6. – С. 160-83.

3. Верт, В. Плакат в оценке массового зрителя / В. Верт // Бригада художников. – 1932. – № 6. – С. 46-49.

4. Гайворонский, А.А. Основы психотехники полит-просветработы (для библиотек, клубов, педтехникумов, школ взрослых и др. учреждений политпросвета). – Минск, 1928.

5. Карнаухов, М.Д. К вопросу об изучении эффективности плаката / М.Д. Карнаухов // Советская психотехника. – 1932. – № 4. – С. 289-191.

6. Рейтынбарг, Д.И. Наша реклама (Опыт летучего опроса) / Д.И. Рейтынбарг // Время. – 1925. – № 11. – С. 66-69.

7. Рейтынбарг, Д.И. Плакат по безопасности труда в СССР и за границей / Д.И. Рейтынбарг. – М., 1931. – 240 с.

8. Рейтынбарг, Д. Изучение эффективности положительного и отрицательного (устрашающего) плаката по безопасности / Д.И. Рейтынбарг, И. Макаров // Психотехника и психофизиология труда. – 1931. – № 1. – С. 16-22.

9. Ротштейн, Г.А. Плакат в системе пропаганды безопасности труда в горной промышленности / Г.А. Ротштейн // Советская психотехника. – 1932. – № 4. – С. 301-302.

10. Стоюхина, Н.Ю. История советской психотехники: психология воздействия: учеб. пособие / Н.Ю. Стоюхина. – М.: Логос, 2012. – 324 с.

© Н. Ю. Стоюхина, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

— ● —

**Национальный психологический конкурс
«Золотая Психея» - своеобразный международный
профессиональный смотр проводится ежегодно
URL: <http://www.psy.su/psyche/>**

УДК 159.9(092)

МОЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГЕНОГРАММА⁷

Джон Брискин. Мэрилендский университет (Колледж Парк, США)

“Имеется много вещей в жизни, которые человеческое существо... может приобрести личными стараниями. Но существует истинная человечность, которая всегда будет оставаться подарком, и которая состоит в том, чтобы быть принятой одним человеческим существом так, как это дано ему другим человеком. Тот, кто даёт, сам по себе является получателем. Таким способом, звеном к звену, создаётся цепь от земли к земле и от поколения к поколению. Статус, богатство, национальность в этом вопросе ничего не значат. Бедный и забытый может передать подарок королям, а короли передадут его своим фаворитам в Суде или странствующему танцору в их городе.

... Странно и чудесно задумываться о том, как в такого рода общине мы связаны с чужеземцами, которых мы никогда не видели и с умершими мужчинами и женщинами, чьи имена мы никогда не слышали и никогда не услышим, связаны даже более близко, чем, если бы мы все держались за руки“.

Исак Динесен (Isak Dinesen).

Часть 1:

Моя собственная теоретическая позиция делает меня феноменологическим, экзистенциальным, гештальт психологом. Я, возможно, только один этого сорта, с которым вы когда-либо сталкивались. Сказав это, я хочу проследить моё собственное специфическое развитие, выделяя некоторые из влияний, которые направили меня на этот заслуживающий особого внимания теоретический, философский и профессиональный путь. Одна из моих целей здесь состоит в том, чтобы поощрить вас, например, сделать также вашу собственную профессиональную генограмму.

⁷ Breeskin, John. Training Wheels for Beginning Psychotherapist / J. Breeskin // *A Personal Memoir*. – Takoma Park, MD: 2014. – Pp. 499-505. © Пер. на рус. яз. А.А.Кроник.

Вильгельм Вундт (Wilhelm Wundt) создал первую лабораторию психологии в Лейпциге (Германия), в 1879 году. Это особенное событие должно было быть выгравировано внутри запястья каждого студента-выпускника по психологии⁸. Е.Б.Титченер (E.B.Titchener) был студентом д-ра Вундта и создал первую лабораторию психологии в Корнельском университете на рубеже двадцатого столетия. Карл Далленбах (Karl Dallenbach) был студентом д-ра Титченера, он стал заслуженным профессором Техасского Университета в начале 1960-х. Я имел привилегию быть студентом д-ра Далленбаха, и мы имели много восхитительных споров по поводу наших и предвзятостей и предрассудков. Все мои ученики, включая вас, читающего эту книгу, связаны задним числом с господином профессором Вундтом. Осознание этой перспективы наполняет меня благоговением. Я чувствую себя соединённым с этими гигантами, одновременно исторически и философски, сквозь пять поколений.

Помимо жизни тех психологов, о которых я сделал наброски, я был благословлён замечательными наставниками на всём протяжении моей профессиональной карьеры. Я не был бы там, где я есть или тем, кем я являюсь, без благожелательной работы моих наставников. Они ничего не просили взамен, хотя мой долг им велик.

Я чту их память, передавая то, что они дали мне. Вторя словам сэра Исаака Ньютона, один из моих студентов однажды сказал мне: «Спасибо, Спарки, за высоту, которую ты приобрёл, стоя на плечах твоих наставников. Спасибо также за высоту, которую мы приобретем, стоя на твоих.»

Я потратил много времени, думая о двухсторонних отношениях между наставником и подопечным. Очевидно, что для руководства и поддержки подопечный нуждается в наставнике, но без подопечного наставник не может наставлять. Это было бы печальное положение дел. В любом случае, мы все должны осознавать и почитать наших наставников.

Часть 2:

В марте/апреле 2007 года «Psychotherapy Networker» опубликовал результаты крупнейшего когда-либо исследования по вопросу о ком, кого терапевты считают наиболее повлиявшими на их практику. Здесь приве-

⁸ Автор явно использует поэтический образ (по мнению переводчика, из стихотворения *Erin Levenstein* "Once You Dream In Sound all Is Lost" (2009). См.: URL: <http://www.writerscave.org/writing/zolarczak/369538/>). Реально это сделать невозможно и не безопасно. Хотя, специфические татуировки у представителей некоторых профессий и специальностей могли иметь место [Л. Чупров].

дена первая десятка в этой области. Даже при том, что я не согласен с ними, эти личности имели сильное влияние на моё развитие.

1. Карл Роджерс (Carl Rogers). Прежде чем я завершил своё высшее образование в Техасском Университете, я побывал в Линкольне (штат Небраска), чтобы позиционировать себя у ног Карла Роджерса, который был в то время и остаётся сейчас почитаемым многими психологами. В ретроспективе это могла быть ошибка. Я нашёл (и нахожу) его идею о том, что терапевту нужно демонстрировать «безусловное положительное отношение» к клиенту, прекрасной в теории, но невозможной для несовершенного человеческого существа проявляться с каким-либо постоянством. Наиболее полезным вкладом, который Карл Роджерс внёс в мою развивающуюся психотерапевтическую технику, была его концепция недирективной терапии. Это выглядит просто, но это было всё. Для меня, знание того, когда быть активным, а когда быть тихим, пришло очень медленно. Быть тихим не значило быть пассивным. Далеко от этого. За моим молчанием я постоянно проверял мою стратегию и точки воздействия. В результате, когда я открывал мой рот после должных размышлений, я был достаточно сфокусированным.

Это моё твёрдое убеждение, что все студенты-выпускники помнят статью Карла Роджерса, которую я порекомендую. Я изумлён, что ей пятьдесят лет, поскольку её влияние продолжает резонировать повсюду в сфере психотерапии. Она, даже кажется, возрастает по своей важности с каждым последующим поколением. Я нахожу её столь же свежей как тогда, когда я читал её много лет назад.

2. Аарон Бэк (Aaron Beck). Бэк, разработчик поведенческо-когнитивной терапии, и я имеем очень мало общей теоретической почвы. Я нахожу трудным состоять в родстве с его широко известными вкладами, так как я нахожу их в какой-то степени плоскостопными и лишенными символической глубины. Его терапевтические действия не поют для меня.

3. Сальвадор Минухин (Salvador Minuchin). Работа Минухина, как первопроходца в семейной терапии делает его интересным теоретиком и практиком, но он не зажигает моё воображение как, например, Маррэй Боуэн. Я нахожу его учеников скорее похожими на культ в их поиске догматических ответов.

4. Ирвин Ялом (Irvin Yalom). Этот человек и я связаны невероятным образом. Мы оба групповые терапевты, имеем восточно-европейские корни и имеем феноменологические, гештальтистские и эмпирические проблемные критерии в качестве направляющих ориентиров в наших профессио-

нальных жизнях. Он является моей всю жизнь продолжающейся ролевой моделью, и я прочитал все его работы, которые мог получить на руки. Я не могу быть обвинён в его копировании, хотя мы определенно разработали вместе параллельные линии. Я вижу его не как моего соперника, а как моего партнёра. Я рассматриваю его книгу, имеющую дело с групповой терапией, как библию в этой области. Я предполагаю, что Ялом становится умнее, становясь старше.

5. Вирджиния Сатир (Virginia Satir). Замечательный практик терапии неожиданных встреч, я имел привилегию работать очень близко с Вирджинией Сатир и её влияние на мою жизнь огромно. Я имел удовольствие подхватить её в немецком аэропорту Франкфурта, никогда не встречая её до этого, но мгновенно распознав её в толпе. Очень большая женщина с формами коробки мюсли, она просто спокойно ждала, пока я её найду, что я быстро сделал. Мы погрузились в простейшую беседу, в то время как я был хозяином и со-терапевтом длительного воркшопа с университетскими студентами. В одном из её искусно сконструированном воздействии она работала с мужчиной хрупкого телосложения по поводу его низкого самоуважения. Когда его пробрало и, стоя прямо, он был способен признать свою собственную ценность, я зашёл за него, пригнулся и попросил его расставить ноги. И тогда я подхватил его на мои плечи и держал его в трёх метрах над аудиторией. Вирджиния действовала так, как будто мы уже аккуратно репетировали эту новую технику, и она мастерски включила её в процесс. Когда воркшоп завершился, Вирджиния вытащила 60 метровую альпинистскую веревку из своей сумки, обвязала один конец вокруг своей талии и вручила мне веревку. Я быстро обвязал её петлёй вокруг моего запястья и передал следующему участнику воркшопа. Верёвка проделала свой путь по комнате и закончилась, будучи соединена обратно с Вирджинией, которая сказала нам без слов всё, что нужно было сказать.

6. Альберт Эллис (Albert Ellis). Несмотря на то, что я ни на минуту не отрицал бы многие очень важные вклады Альберта Эллиса в нашу сферу как разработчика рационально-эмоциональной терапии, его конфронтрующие в-твоё-лицо техники меня отключают. Я продвинулся, сам по себе, далеко за пределы подобных техник грубоватых столкновений. Я чувствую, что такой высоко-рискованный подход максимизирует возможность психологических потерь и как таковой неприемлем для меня. Плохие вещи, сделанные ЭСТ (Эрхардовский Семинар-тренинг) и Вернером

Эрхардом (Werner Erhard) могут быть резонно связаны с подходом Эллиса.

7. Маррэй Боуэн (Murray Bowen). Я люблю Маррея Боуэна, первоходца семейной терапии, основателя системной терапии, а также глубокого мыслителя и концептуализатора. Однако, как оратор, он может быть таким же скучным, как вода после мытья посуды. Он окружил себя ясно говорящими, щедрыми, представительными учениками, которые поют его мысли с заразительным ликованием. Я пошёл бы куда угодно, чтобы послушать лекцию Майкла Керра (Michael Kerr) о Боуэне и воспользоваться этим опытом. Маррей Боуэн был истинным формирователем современной терапии, и я очень горжусь своей двухлетней пост-докторской квалификацией в семейной терапии в рамках его теоретической модели.

8. Карл Юнг (Carl Jung), гигант в области психоанализа, легко стоящий рядом с Зигмундом Фрейдом (Sigmund Freud), всегда был важной фигурой в моём теоретическом развитии. Он заслуживает очень близкого изучения со стороны любого психолога. Его работа никогда не выйдет из фавора, и она продолжает быть включена неизведанными путями и в искусство, и в литературу. Мы все живём с архетипами внутри нас. Важная работа Пола Мокнеса (Paul Moxnes), занимающее видное место в этом фолианте, напрямую связана с работой Юнга.

9. Милтон Эриксон (Milton Erickson). Я не могу сказать достаточно много хороших вещей об этом человеке. В качестве семейного терапевта, он не кто иной, как мудрец и сияющая путеводная звезда для меня. Я так завидую моему дорогому другу Марку Майсу (Mark Mays). Он появился на Эриксоновском пороге, сказав, что он чужак в городе и понимает, что Эриксон имеет глубокое восхищение Большим Каньоном и пластом, который формировал нашу землю. Если Эриксон был бы достаточно любезен указать на этот пласт, Марк был бы его честным последователем. Эриксон сделал это, и Марк работал с ним на протяжении года. Я перечитывал книги Эриксона много раз, а «Необычная Терапия: Психиатрические техники д-ра Милтона Х. Эриксона» Джей Хэли («Uncommon Therapy: The Psychiatric Techniques of Milton H. Erickson, M.D.» by Jay Haley) развалилась в моих руках. Он является для меня главной ролевой моделью. Большая часть моего использования изменённых состояний сознания напрямую относится к гипнотерапевтической работе Эриксона.

10. Джон Готтман (John Gottman). Я только недавно узнал о Готтмане, поскольку его область (семейное консультирование) относительно

узка. Тем не менее, я совершенно восхищаюсь тем, что уже читал и навязчиво ускоряю большее знакомство с его работой.

Часть 3:

Нижеследующее является очень личным списком психологов, с которыми я работал, и которых я причисляю к первому рангу. Хотя мои лицом-к-лицу контакты с ними в большинстве случаев были относительно краткими, их влияние на меня было основательным.

1. В конце 1960-х я был под большим влиянием Р.Д. Лэйнга (R.D.Laing), угловатого плотного шотландца, который разговаривал так, словно он имел горный вереск в своём горле. Хотя он сам был психиатром, он был также суровым критиком большинства психиатрического мышления. Он основал экспериментальную клинику в Лондоне, которую он затем открыл для расстроенного разума многих людей, которые стали изранены, становясь пациентами больниц и/или профессиональными трудниками иногда в произвольном определении на должность. Она была известна как Кингсли Холл (Kingsley Hall) и Мэри Барнс (Mary Barnes), одна из самых знаменитых/постыдных клиентов, написала о своём здесь путешествии сквозь безумие. Я имел привилегию среди группы «искателей» расцветать под его освещающим присутствием и я очень подружился с Дэвидом Купером (David Cooper), Аароном Эстерсоном (Aaron Esterson) и Мормом Шатцманом (Mort Schatzman), который сам был частью работы. Имеется отличное биографическое видео Лэйнга. Я также очень рекомендую одновременно и пьесу и фильм «Экюс» (Equus), который частично основан на работе Лэйнга. Я полагаю, что было бы правильно называть меня лэйнгианцем. Моё умение видеть безумие, так же как Лэйнг, понятной реакцией на токсическую среду проясняет смысл для меня.

2. Я чувствую мощное влияние Грегори Бэйтсона (Gregory Bateson), который грубо известен как мистер Маргарет Мид. То, что должна была переживать Кэтрин Бейтсон, будучи плодом этой невероятно дисфункциональной пары, можно только воображать. «Дочерними Глазами» («With a Daughter's Eye») дает нам маленький ключ к разгадке. Грегори Бэйтсон и я останавливали дорожное движение всякий раз, когда мы занимались вместе. Бэйтсон был двухметрового роста и совершенно некоординированным. Когда мы ходили, сначала двигались его ноги, потом его туловище и, возможно, его руки. Он обнаруживал себя в социальных окружениях стеснительным и неуверенным в себе. Он был постоянно живущим гуру в Исален (Esalen Institute) во время моего пребывания там и мог часто обедать с

нами. После обеда он и я могли сидеть на террасе, смотреть солнечный закат в Тихом океане и толковать о самых эзотерических вопросах, которые только можно вообразить. Когда он был вовлечён, он был четким, грациозным, с огоньком в глазах. Мы совершенно очаровывали друг друга и прыгали вверх и вниз полны энергии. Мои воспоминания о нём для меня очень дороги. Он называл стиль, которым мы говорили друг с другом, «металогом».

3. Фред Кёллер (Fred Keller) был уважаемым ментором. Я прослушал несколько его курсов, даже имея серьёзные сомнения в приложимости поведенческой модели. Он был непосредственным связующим звеном с Б.Ф. Скиннером, с которым он разделял честь развития поведенческой психологии в Америке (и которого он называл Бурас / Burrus к нашей чести и радости). Келлер посетил несколько заседаний нашего Семинара Старшекурсников. В то время я был репетитором его сына в перепетиях роли завершающего защитника в бейсболе. При всём моём уважении Фред Кёллер сам выглядел как «большая белая крыса», и я говорю это влюблённо. Он был на моей стороне, когда я нуждался в нём, и хорошо заслуживает быть в этом списке. В той мере, в которой я «эмпирист на полставки», я в долгу перед ним. (Его автобиография имеет элегантно предисловие моего давнего партнера по крысиной лаборатории Чарли Катания (Charlie Catania)).

4. Вэйн Холцман (Wayne Holzman) был моим ментором, он разработал технику чернильных пятен (Holzman Inkblot Technique). Одна из моих студенток решила сделать свою диссертацию на эту тему. Мы собрали все данные, обработали проективные тесты, и полетели из Висбадена (Германия) в Аустин (Техас), где мы встретили д-ра Вэйна Холцмана, который уже прочитал работу студента. Он встретился с нами на тщательно спланированном приёме и приступил к рассказу о том, что означают все данные. Я выслал их заранее моему студенческому другу в лаборатории статистики, и мы произвели много страниц результатов для просмотра д-ром Холцманом. Мы закончили работу с ним, возвратились в аэропорт и вернулись в Германию.

5. Джей Хэйли (Jay Haley), один из основателей семейной терапии, был жестким человеком, которого, пожалуй, невозможно узнать. Он генерировал творческие идеи как динамо-машина, но продвигался сквозь мир со слишком быстрой для меня скоростью, чтобы связаться с ним. Часть меня считает его скорее демоническим, чем человеческим, и я имею в виду это в положительном смысле. Я и другие просто сидели в стороне и

смотрели создание им одной терапевтической сцены за другой терапевтической сценой прямо на наших глазах. Было бы справедливо сказать, что я использую его идеи о стратегическом вмешательстве каждый день в офисе.

6. Когда я был в Англии, я всерьёз обдумывал возможность угнать НАТОвский вертолёт и взмахнуть на север, где Максвелл Джонс (Maxwell Jones) формировал первую психотерапевтическую общину в Динглеберри, Шотландия. Хотя я знал, что ко времени моего приземления моя жизнь станет неисчислимо сложной, я до сего дня сожалею о том, что не сделал этого. Все общинные программы «сотрудники/пациенты», которые я основал в закрытых психиатрических отделениях, непосредственно связаны с его основополагающими идеями.

7. Я пошёл в маленькую английскую деревню в Норфолк Фенс (Norfolk Fens) и попросил увидеть А.С.Нилл (A.S.Neill), разработчика движения альтернативных школ и основателя Саммерхилл. Моя просьба была получена молодой женщиной, которая сказала, чтобы я посидел на лугу. Мистер Нилл скоро спустится. Она, казалось, не думала о необходимости добавить, что он спустится с ветвей большого дуба, где он сидел на суку, говоря с учеником. Я добровольно делал некоторую работу в Саммерхилл и был охотно принят, работая под его легким влиянием, пока не ушёл. (Он умер немного позже.) Если бы мне пришлось охарактеризовать моё взаимодействие с ним, я назвал бы его лучом чистого солнечного света.

Его мягкая и на вид спокойная внешность припрятывала душу свирепого воина за реформу образования.

Эти люди коснулись меня, и мои бедные слова могут принести только небольшую честь их именам. Мой совет здесь: продолжайте искать наставников на всём протяжении вашей карьеры. И не бойтесь отклонять большие репутации, которые не являются подходящими. Будьте самим собой, принимая или оставляя кандидатов в наставники.

Литература:

1. Barnes, M., & Berke, J. (1973). *Mary Barnes: Two account of a journey through madness*. Harmondsworth: Penquin.
2. Bateson, M.C. (1984). *With a daughter's eye. A memoir of Margaret Mead and Gregory Bateson*. New York: W. Morrow.
3. Coooper, D.G. (1971). *The death of the family*. New York: Vintage Books.

4. Cooper, D.G. (2001). *Psychiatry and anti-psychiatry*. London: Tavistock Pub.
5. Dinesen, I. (1991). *Last tales*. New York: Vintage Books.
6. Esterson, A. (1972). *The leaves of spring: A study in the dialectics of madness*. Harmondsworth: Penquin
7. Haley, J. (1973). *Uncommon therapy: The psychiatric techniques of Milton H.Erickson, M.D.* New York: Norton.
8. Laing, R.D. (1969). *The divided self*. New York; Pantheon Books.
9. Laing, R.D. (1967). *The politics of experience*. New York; Pantheon Books.
10. Laing, R.D., Esterson, A. (1970). *Sanity, madness, and family*. Harmondsworth: Penquin.
11. Neill, A.S. (1960). *Summerhill: A radical approach to child rearing*. New York: Hart Pub.
12. Rogers, C.R. (1957) The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change. *Journal of Consulting Psychology*, 44(3), 240-248.
13. Schatzman, M. (1976). *Soul murder: Persecution in the family*. Harmondsworth: Penquin.
14. Keller, F. (2009). *At my own pace: The authobiography of Fred S. Keller*. Cornwall-on-Hudson, NY: Sloan Pub. LLC.

© John Breeskin, 2014

© А.А. Кроник (Пер. с англ. на рус. язык), 2014

— • —

УДК 159.9+159.923

СУЩНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА МОТИВАЦИИ ПО В.Г. ЛЕОНТЬЕВУ

Ю.С. Данилов, О.А. Белобрыкина. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия),
e-mail: taradanovo1993@mail.ru, e-mail: olga.belobrykina@gmail.com

Осмысление истории становления любой отрасли научных знаний немислимо без обращения к именам и анализу судеб ее представителей. И психология в этом аспекте не составляет исключения. В истории

становления Сибирской школы психологии особое место принадлежит Владимиру Григорьевичу Леонтьеву (26.01. 1930 – 19.01.2011) – доктору психологических наук, профессору, академику Международной Академии наук педагогического образования, Почетному профессору Новосибирского государственного педагогического университета, Заслуженному работнику высшей школы РФ.

С именем В.Г. Леонтьева связано инициирование на Сибирской земле и обогащение традиции школы Дмитрия Узнадзе – им было подготовлено более 50 кандидатов и 20 докторов психологических наук, исследующих различные аспекты мотивации и активности личности [1]. Долголетний опыт сотрудничества Владимира Григорьевича с физиологами, математиками, физиками, военными, педагогами способствовал утверждению ученого в мысли о том, что для психологии будущее междисциплинарных исследований бесконечно плодотворно, причем первоочередной задачей выявления специфики психического он полагал исследование именно мотивационного компонента личности [5].

В научно-профессиональной деятельности В.Г. Леонтьева нельзя оставить без внимания его заслуги на общественном и организационном поприще. Почти полвека его жизнь была связана с Новосибирским государственным педагогическим университетом. Благодаря инициативе Владимира Григорьевича в вузе были открыты аспирантура и действующий на базе университета (с 1992 по 2001 гг.) диссертационный Совет Д.113.38.01 по специальности 19.00.01 – «Общая психология, история психологии».

К числу его организационно-профессиональных заслуг относится лицензирование новой специальности «педагог-психолог» и открытие (1996 г.) факультета психологии. Интерес студентов, аспирантов, коллег по профессиональному цеху, к общетеоретическим вопросам и практико-ориентированным, прикладным направлениям психологии мотивации, актуализированный В.Г. Леонтьевым, сохраняется до настоящего времени [2; 3].

На протяжении многих лет Владимир Григорьевич вел большую общественную работу – возглавлял на посту председателя Новосибирское отделение Российского психологического общества, выступал организатором научных и методических мероприятий для педагогического сообщества Сибирского региона, являлся инициатором проведения научно-практических конференций по психологии.

Научное наследие Владимира Григорьевича Леонтьева включает 80

научных и научно-методических работ, основными из которых являются: «Закономерности проявления содержательных характеристик мотивации» (коллективная монография) (1986); «Психологические механизмы мотивации» (монография) (1992); «Мотивация и психологические механизмы ее формирования» (монография) (2002); учебные пособия «Психологические механизмы мотивации учебной деятельности (1987)» и «Стиль руководства и социально-психологический климат педагогического коллектива (1989)», и др.

Признавая глубину проблемы и понимая временную ограниченность, с которой сталкивается любой исследователь, В.Г. Леонтьев справедливо отмечал, что предстоит еще много сделать в теоретическом и экспериментальном аспекте для того, чтобы знания о потребностях, интересах и мотивах приобрели востребованность в социальной и индивидуальной практике [6]. В качестве предельно актуальной он рассматривал проблему механизмов мотивации. Именно эта категория составляла стержень научных интересов ученого на протяжении всего периода изучения им проблем в области психологии мотивации. По мысли исследователя, так как механизмы мотивации не только объясняют явления мотивации, но и раскрывают ее суть, позволяют понять ведущие закономерности проявления мотива и в учебной, и в других видах деятельности человека, то возникает закономерная необходимость анализа понятия «психологический механизм», выявления его структуры, психологического содержания и определяющих признаков [4].

Под психологическим механизмом мотивации В.Г. Леонтьев понимал «отражение в психике каких-либо физических, физиологических, социальных и других объективных факторов, закономерностей человеческого взаимодействия с окружающим миром» [4, с. 99]. Однако само отражение в психике является открытым и содержательным, оно способно воплощаться в программу побуждения какой-либо конкретной деятельности и поведения человека. Очевидно, если рассматривать психологический механизм как систему, то его выражение будет идентично психическим явлениям, в которых система обнаруживает свое предназначение для преобразования и формирования активности, выраженной одним или несколькими мотивами, в требуемую активность, выраженную другими мотивами. Как видим, в этом определении В.Г. Леонтьевым четко обозначены формирующая и регуляторная сущность явления психологического механизма. Причем автор концентрирует

особое внимание на недопустимости отождествления самого механизма с активностью или с ее источником. Этот аспект дает исследователю основание рассматривать психологический механизм как раскодированный фактор побудительного состояния, проявляющийся в содержательных, образных, понятийных терминах и представлениях. Иными словами, психологический механизм представляет собой отражение на субъективном уровне тех объективных явлений и процессов, которые, в свою очередь, будут обеспечивать взаимодействие человека с окружающей средой. Однако, по мысли В.Г. Леонтьева, психологический механизм является не просто констатацией этих процессов, он, по сути, есть ничто иное, как «определенный регулятивный этап, способный управлять энергетическими уровнями во взаимодействии человека с окружающей средой в последовательном взаимном преобразовании личности и объективных явлений» [4, с. 100].

Изучая психологические механизмы мотивации, исследователь выявил, что им присуща обобщенность, в них находит отражение взаимосвязь многих звеньев психической системы, детерминирующих деятельность и поведение человека. Очевидно, эти механизмы можно представить как закономерную связь условий, факторов, средств и структур каких-либо отношений и связей, где возникают мотивы и/или различные формы мотивации. Опираясь на принцип системности, сформулированный Б.Ф. Ломовым (1996), В.Г. Леонтьев в понятийном плане определяет мотивационный механизм как систему психических, психофизиологических и социальных предпосылок самой мотивации, выступающих в качестве направленных побудителей человеческого поведения и деятельности.

Механизмы мотивации, по В.Г. Леонтьеву, характеризуются разноразмерностью и неоднородностью. Так, с помощью одних механизмов возникают мотивационные состояния, которые находят свое выражение в каких-либо формах мотивации: мотиве, потребности и т.д. На основе активации других механизмов происходит становление и формирование мотивации как конкретного и реального побуждения к действию. Благодаря третьим осуществляется реализация мотивации в виде преобразования стимулов внутренней и внешней среды, в которой живет человек. Кроме того, механизмы мотивации, полагает ученый, имеют различную степень обобщенности и конкретизации. Например, одни механизмы могут обеспечивать активность поведения только в одной и конкретной ситуации. В случае, когда происходят какие-либо изменения в

ситуации, то эти механизмы прекращают свое действие. Другие, наоборот, имеют более обобщенный характер и способны обеспечивать активность поведения человека в различных ситуациях и условиях. Имеется и третий тип механизмов, обладающих статусом всеобщего. Такие механизмы В.Г. Леонтьев (2002) называет исходными, генерализованными, действие которых имеется практически во всех случаях деятельности и поведения человека. Важно отметить, что функционирование любого из механизмов основывается на конкретном принципе, выражающем саму сущность механизма и его основные характеристики.

Владимир Григорьевич был убежден, что любая деятельность имеет полимотивированный характер. Мотивационный состав деятельности и механизмы мотивации, актуализирующие ее, всегда иерархизированы, то есть определенным образом соподчинены. В совокупности они будут составлять систему механизмов, которая и сможет обеспечить необходимую мотивацию деятельности.

Подводя краткий итог, отметим, что В.Г. Леонтьев внес неоценимый вклад в теорию и практику психологии мотивации личности. Он, на основе многолетних исследований, выявил несколько типов психологических механизмов мотивации, проявляющихся в различных условиях и отличающихся разной степенью обобщенности и специфичностью действия.

Литература:

1. Белобрыкина, О.А. Личность ученого в исторической перспективе: В.Г. Леонтьев / О.А. Белобрыкина, О.А. Шамшикова // Проблемы психологии мотивации: сб. науч. тр. по материалам науч.-практ. конф. 27 января 2005 г.: юбилейный выпуск: к 75-летию со дня рожд. В.Г. Леонтьева / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, О.А. Шамшиковой; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – С. 4-10.

2. Белобрыкина, О.А. Профессиональная мотивация: понятие, содержание, противоречия / О.А. Белобрыкина // Проблемы адаптации и самореализации личности в современных социокультурных условиях: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / под науч. ред. М.И. Кошеновой, О.А. Белобрыкиной. – Новосибирск: ООО «Немо-Пресс», 2010. – С. 218-225.

3. Данилов, Ю.С. Вклад В.Г. Леонтьева в психологическую теорию мотивации личности / Ю.С. Данилов // Молодежь XXI века: образование,

наука, инновации: материалы II Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Новосибирск, 20-22 ноября 2013 г.) / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 298 с. – С. 46-48.

4. Леонтьев, В.Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования: монография / В.Г. Леонтьев. – Новосибирск: Изд-во «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. – 264 с.

5. Леонтьев, В.Г. Мотивация и активность личности / В.Г. Леонтьев // Ежегодник РПО: материалы IV Всерос. съезда РПО. – В 3 т. – Т.3. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 236-237.

6. Леонтьев, В.Г. Принципы исследования мотивации деятельности / В.Г. Леонтьев // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч.1. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С.132-139.

7. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.

© Ю. С. Данилов, О.А. Белобрыкина, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

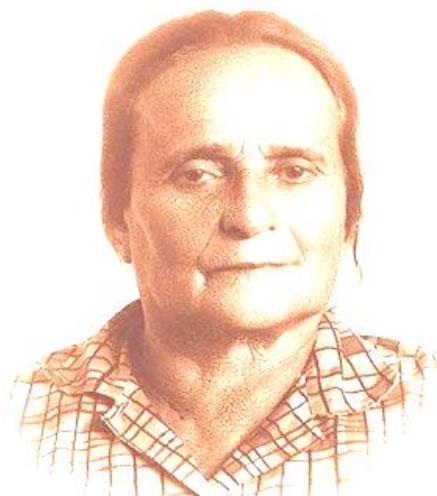
[Подписано в печать 23.01.2014]

ПЕВЗNER, МАРИЯ СЕМЁНОВНА – ШТРИХИ К БИОГРАФИИ⁹

Л.Ф. Чупров. Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск), e-mail: lchpr@rambler.ru

В августе 1989 г. ушла из жизни профессор, кандидат медицинских наук, доктор педагогических наук (по психологии) Мария Семеновна Певзнер (1901-1989). Мне посчастливилось несколько лет работать под руководством Марии Семеновны, стать ее аспирантом и учеником, и своеобразной ее «лебединой песней».

С ее и Наталии Григорьевны Морозовой¹⁰ кончиной больше не осталось в живых учеников самой знаменитой психологической научной школы в истории нашего отечества. Зато остались внучатые последователи идей и мировоззренческих позиций Льва Семеновича Выготского (1896-1934) – «Моцарта психологии», по мнению американского философа С.Тулмина¹¹, поскольку, как и Моцарт, Выготский рано ушел из жизни, успев сделать непостижимо многое.

Мария Семеновна вошла в когорту учеников в то время, когда она уже в целом почти сложилась, и молодая поросль научной школы, в частности, Р.Е. Левина¹² и Н.Г. Морозова ревниво охраняла своего учи-

⁹ В материале обобщены ранние публикации автора по данной теме.

¹⁰ Морозова Наталия Григорьевна (1906-1989) – советский психолог и дефектолог, ученица Выготского, доктор психологических наук, профессор.

¹¹ Тулмин, С. Моцарт в психологии / С. Тулмин // Вопросы философии. – 1981. – № 10. – С. 127-137.

¹² Левина Роза Евгеньевна (1908-1989) – советский педагог, психолог, ученица Л.С.

теля. Первое знакомство М.С. Певзнер с Л.С. Выготским произошло в период подготовки «поведенческого съезда».

Вряд ли этот рассказ сравнится с уже опубликованными воспоминаниями В.А. Сумароковой [1] и, быть может, книгой Р. Джесси «Певзнер, Мария Семёновна» (2013)¹³, они не видели ее моими глазами, а, поэтому, мои воспоминания – это дополнительные штрихи к портрету Марии Семеновны Певзнер.

Встреча с учителем

Итак, продолжу. Мария Семеновна показала Льву Семеновичу рукопись своего доклада, и Выготский согласился помочь в его доработке. С тех пор Мария Семеновна уже не изменяла своему учителю и всю свою научно-практическую работу в области детской психиатрии, специальной психологии и дефектологии, в целом, посвятила творческому развитию его идей. Собственно Мария Семеновна считала себя ученицей и еще двух знаменитых представителей «Научной школы Л.С. Выготского»: Александра Романовича Лурия и Груни Ефимовны Сухаревой.

Плеяде замечательных ученых, «замеченных в связях» с обвиненным в педологии Л.С. Выготским, не очень повезло. Вплоть до периода «хрущевской оттепели» они мало публиковались. Мария Семеновна была «замеченной» дважды. Она, как ни как была женой сына «фрейдомарксиста» (Михаила Андреевича Рейснера; 1868-1928) – Игоря Михайловича Рейснера (1899 - 1958), известного ученого-афганиста, доктора исторических наук, брата Ларисы Михайловны Рейснер (1895-1926) – революционерки, участницы гражданской войны в России, журналистки, советской писательницы.

Собственно научная «реабилитация» Льва Семеновича началась с выхода в свет после долгого забвения «Избранных психологических исследований» (Л.С. Выготский, 1956) и трех трудов. Это сборник «Некоторые проблемы изучения высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка» (под ред. А. Р. Лурия. Т. I. М., 1956), монографии «Дети-олигофрены» (М.С. Певзнер, 1959) и первой книги по основам де-

Выготского, доктор психологических наук, профессор, одна из основателей отечественной логопедии.

¹³ Дж. Рассел, Р. Кон. Певзнер Мария Семёновна. – Изд-во: VSD, 2013. – 102 с.

фектологии – «Учителю о детях с отклонениями в развитии» (Т.А. Власова, М.С. Певзнер, 1967).

Можно было бы рассказать о ее научной и общекультурной эрудиции, о том организаторском таланте, который позволил создать направления дефектологической науки в Иркутской области, в Красноярском крае, в Прибалтийских странах. Собственно, и первые шаги психологическая служба в Хакасии делала под ее руководством [1]. Даже при рассказе в таком ракурсе перед читателями бы предстал незаурядный и интересный человек, но я сужу свое повествование.

Ученый оценивается по его трудам, как дерево по плодам.

Этапы жизненного пути

Певзнер Мария Семеновна родилась 14 апреля 1901 г. в г. Сенно Могилёвской губернии (ныне Витебской обл.), в семье служащего. В 1918 г. окончила школу 2-й ступени в г. Аткарске Саратовской области. В 1924 г. завершила образование на медицинском факультете Московского Государственного Университета (1924) и специальных курсах по детской неврологии (1925). С 1926 г. по 1931 г. она работала в г. Саратове в качестве ординатора психиатрической клиники, затем заведовала детским психоневрологическим санаторием. С этого же времени началась ее педагогическая деятельность: чтение лекций в Саратовском педагогическом институте для родителей и педагогов по вопросу о нервно-психических нарушениях в детском возрасте и мерах их предупреждения, и на курсах повышения квалификации педагогов и врачей.

Уже в Саратове Мария Семеновна вела серьезную научно-исследовательскую работу под руководством проф. И.Н. Маркова. Результаты изучения психопатических форм поведения в детском возрасте были представлены на съезде врачей-психиатров, посвященном изучению поведения человека и проходившем в г. Ленинграде в 1929 г. Там Мария Семеновна знакомится с выдающимся ученым-психологом Л.С. Выготским (1896-1934), который высоко оценил ее научный доклад по патологии поведения у детей, перенесших энцефалит, и предложил ей сотрудничество.

В 1931 г. Мария Семеновна была приглашена в Москву в Экспериментальный дефектологический институт вначале в качестве врача-психиатра, а затем старшего научного сотрудника. С этого времени началась ее работа под руководством Л.С. Выготского по изучению детских психопатий. За время работы в Институте был опубликован ряд статей, написана монография «Клиника психопатий в детском возрасте: опыт ле-

чебно-педагогической работы». В 1937 г. М.С. Певзнер выступила с докладом на Всесоюзном съезде психиатров и невропатологов, который вызвал большой интерес у специалистов.

В 1938 году ею была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему: «Психопатические состояния в детском возрасте».

С этого же года М.С. Певзнер начала работать, по совместительству, ассистентом кафедры детской психиатрии Московского института усовершенствования врачей и читала лекции в Институте повышения квалификации педагогических кадров.

М.С. Певзнер исследовались проблемы патологии поведения детей, рассматривались возможности применения клинического метода для изучения аномального ребенка, была разработана классификация психопатий в детском возрасте («Дети-психопаты и лечебно-педагогическая работа с ними», 1941).

Во время Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией Московского Университета, где работал муж Марии Семеновны, профессор Игорь Михайлович Рейснер, она работала начальником отделения в психоневрологических госпиталях городов Ашхабад и Свердловск.

В 1943 году, возвратившись в Москву, М.С. Певзнер начала работать старшим научным сотрудником в Центральном институте психиатрии РСФСР. С этого года Мария Семеновна берется за разработку проблемы олигофрении. За время работы в институте ею был опубликован ряд статей и сделан доклад на Всесоюзном съезде психиатров и невропатологов в 1947 г. на тему: «Структура и динамика олигофрении при ранних менинго-энцефалитах». Она также продолжала читать лекции на курсах повышения квалификации и специализации детских психиатров и педагогов-дефектологов.

С 1951 г. М.С. Певзнер начинает работать в НИИ дефектологии АПН РСФСР (с 1943 г. – НИИ дефектологии АПН РСФСР, позднее с 1965 г. – НИИ дефектологии АПН СССР, ныне – НИИ Коррекционной педагогики РАО) в качестве старшего научного сотрудника, а с 1960 г. по 1973 г. заведовала сектором клинического и нейрофизиологического изучения аномальных детей.

С 1951 г. по 1960 г. – после отклонения от защиты ее докторской диссертации по функциям лобных долей (в период борьбы с локализмом) – центральное место в исследованиях Марии Семеновны стало занимать изучение олигофрений: их этиологии, патогенеза, определения

эффективных методов и приемов лечебной и коррекционной работы с умственно отсталыми детьми, и разработка принципов отбора детей-олигофренов для обучения в специальных школах. В 1959-1960 г.г. Марией Семеновной подготовлена монография «Дети-олигофрены», в которой были представлены результаты многолетней работы над данной проблемой. М.С. Певзнер разработала научно обоснованную классификацию олигофрении, обобщив результаты комплексного и всестороннего изучения умственно отсталых детей, показав динамику их развития и взаимозависимость между этиопатогенезом и своеобразием клинической картины.

Эта монография была представлена в НИИ психологии АПН РСФСР в качестве докторской диссертации. В декабре 1960 г. ей была присуждена ученая степень доктора педагогических наук (по специальной психологии). В 1963 г. Марии Семеновне присвоено ученое звание профессора.

С 1960 по 1972 г. М.С. Певзнер заведовала сектором клинического и нейрофизиологического изучения аномальных детей Института дефектологии АПН СССР, где под ее руководством разрабатывалось новое направление – генетическое изучение аномальных детей.

Под ее руководством развивается обширный комплекс исследований по изучению нейрофизиологических механизмов различных аномалий развития, начата разработка нового для дефектологии направления – генетического изучения аномальных детей, формулируются основные теоретические положения комплексной клинико-генетической и психолого-педагогической диагностики аномалий развития с учетом этиологии, патогенеза, клиники, большое внимание уделяется изучению сложной структуры дефекта.

Под руководством и при непосредственном участии Марии Семеновны определяется новое направление отечественной педагогической науки – клиническая дефектология.

Она продолжает вести большую педагогическую работу: чтение лекций на курсах повышения квалификации педагогов-дефектологов, врачей-психоневрологов, логопедов, для студентов дефектологических факультетов Российской Федерации и союзных республик.

У М.С. Певзнер опубликовано 98 научных работ, из них: 16 монографий, пособий и сборников научных трудов (две – авторские монографии, остальные книги – в соавторстве с другими специалистами).

Ее книга «Дети-олигофрены» была издана в США (дважды), Аргентине, Японии. Также и другие работы М.С. Певзнер неоднократно издавались за рубежом: в ГДР, Дании, Англии, Италии, Румынии, Франции и др.

странах. Предметом ее научного анализа выступали неуспевающие школьники младших классов, в частности, дети с задержкой психического развития.

М.С. Певзнер известна как один из ведущих ученых в области детской психиатрии и дефектологии не только в нашей стране, но и за рубежом. Она много раз выступала с научными докладами на конференциях, совещаниях, съездах, проходивших в Российской Федерации и союзных республиках; принимала участие в работе международных конгрессов и съездов в ГДР, Франции, Дании, Англии, США, Чехословакии и Венгрии.

С 1973 г. М.С. Певзнер была переведена на должность профессора-консультанта НИИ Дефектологии АПЕ СССР, где работала по 1989 г., и, по-прежнему, продолжала активную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность. В этот период она интенсивно работала над проблемой развития детей со сложной структурой дефекта, в частности – слепоглухих.

На протяжении всей научной деятельности Мария Семеновна уделяла много внимания проблеме психического развития детей с незрелостью или поврежденностью лобных долей коры больших полушарий головного мозга и динамики развития лобных отделов и их роли в формировании личности ребенка.

Совместно с сотрудниками института (Т.А. Власовой, В.И. Лубовским, Т.В. Розановой) М.С. Певзнер были сформулированы основные теоретические положения комплексной клинико-генетической и психолого-педагогической диагностики аномалий.

М.С. Певзнер постоянно работала с аспирантами и соискателями. Под ее руководством было подготовлено и успешно защищено огромное количество кандидатских диссертаций. Последняя диссертация на степень кандидата психологических наук под ее научным руководством была защищена в марте 1988¹⁴г.

Неоценимой была ее помощь специалистам, работавшим над докторскими диссертациями. Она многократно выступала в качестве оппонента кандидатских и докторских диссертаций.

¹⁴ Чупров, Л.Ф. Особенности произвольного внимания младших школьников с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л.Ф. Чупров. – М.: 1988. – 17 с.

Певзнер М.С. была организатором и руководителем научных экспедиций в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Кавказ, в республику Прибалтики и т.д.

Последние годы жизни Мария Семеновна работала над материалами о своем научном учителе – Л.С. Выготском.

Научные идеи и мысли М. С. Певзнер, ее фундаментальные труды не утратили своей значимости и актуальности до настоящего времени, ее работы пользуются огромной популярностью среди ученых-исследователей, практикующих специалистов, используются при обучении студентов. Высокую оценку получила Мария Семеновна и в воспоминаниях мэтров психологии, например: «Профессор Певзнер с полным правом могла быть названа "величиной общесоюзного значения"»¹⁵ (Петровский А.В. Записки психолога. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 464 с.). Мария Семеновна неоднократно награждалась почетными грамотами АПН СССР и МО СССР; медалями: «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945гг.» и «В память 800-летия Москвы».

В январе 1989 г. М.С. Певзнер ушла на пенсию в связи с тяжелой болезнью. Летом 1989 г. она перенесла сложную операцию и, вскоре, 3 августа, скончалась. Все, знавшие Марию Семеновну и удостоившиеся ее дружбы, постоянно вспоминают о ней, она живет в сердцах и памяти своих учеников и последователей, в их делах.

Развивая идеи великого учителя

На протяжении ряда лет М.С. Певзнер изучала различные виды аномального развития на основе теоретических положений Л.С. Выготского.

При исследовании хронической стадии эпидемического энцефалита, поражающего ствол мозга у взрослых и детей, у них была обнаружена различная клиническая картина появления нарушений. У взрослых – на первое место выступала непосредственная подкорковая симптоматика, у детей – главным образом, отмечается резкое недоразвитие высших отделов мозга (личности, деятельности и поведения). Если нарушенное согласие между высшими и низшими отделами мозга при незрелости последнего обнаруживается у детей иначе, чем у взрослых, то

¹⁵ Петровский, Артур В. Записки психолога. Часть 04 / А. Петровский. – http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=242&page_pl_news4=3.

это значит, что нормальные связи этих частей восстанавливаются в процессе возрастного развития ребенка.

Наиболее известны исследования М.С. Певзнер клинико-психологических особенностей детей с умственной отсталостью. Мария Семеновна рассказывала, что тема олигофрений долгое время считалась неперспективной. Даже Г.Е. Сухарева, также ставшая учителем в науке для М.С. Певзнер, говорила: «Мария Семеновна, ваш ум не для олигофрений. Вам надо заниматься клиникой шизофрении». Но Мария Семеновна выбрала именно олигофрении. Собственно для этого выбора были и объективные обстоятельства. К этому времени у Марии Семеновны уже была готова докторская диссертация по функциям лобных долей, но очередная «научная дискуссия» по развитию и торжеству павловских идей в психологии сделала такую диссертацию ненаучной.

В результате обширного и глубочайшего клинического и психолого-педагогического изучения стало возможным понять структуру дефекта при олигофрении, составляющей 75% всех видов аномалий детского возраста, разработать классификацию с учетом этиопатогенеза и качественного своеобразия аномального развития. По результатам исследования был написан ее знаменитый научный труд: «Певзнер М.С. Дети-олигофрены (изучение детей-олигофренов в процессе их воспитания и обучения). – М. Просвещение, 1959». Этот труд был представлен на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) и блестяще защищен.

Собственно, предложенная М. С. Певзнер классификация – это типология состояний, поскольку имеет прямой выход на систему медицинских и коррекционно-воспитательных мероприятий с этой категорией аномальных детей. В частности, М.С. Певзнер выделила три формы дефекта:

- 1) неосложненная олигофрения;
- 2) олигофрения, осложненная нарушением нейродинамики., проявляющаяся тремя вариантами дефекта:
 - с преобладанием возбуждения над торможением;
 - с преобладанием торможения над возбуждением;
 - с выраженной слабостью основных нервных процессов;
- 3) дети-олигофрены с выраженной недостаточностью лобных долей.

Несколько позднее (в 1973 г. и 1979 г.) М.С. Певзнер дорабатывает свою классификацию. Исходя из клинико-этиопатогенетических принципов, ею выделено пять основных форм:

- неосложненная;
- олигофрения, осложненная нарушением нейродинамики (возбуждаемые и тормозные);
- олигофрения в сочетании с нарушениями различных анализаторов;
- олигофрения с психопатоподобными формами поведения;
- олигофрения с выраженной лобной недостаточностью.

Следующим этапом в исследовании интеллектуальной недостаточности у детей – было выделение состояний задержек психического развития (ЗПР). До этого дети с трудностями в обучении по программе массовой школы рассматривались в рамках недифференцированной категории «неуспевающие». Клинико-психологическое и педагогическое изучение неуспевающих младших школьников позволило рассматривать ЗПР как особую форму аномального развития с присущим ей своеобразием вне рамок олигофрении. Согласно М.С. Певзнер (1966), ЗПР – состояние, в основе которого лежат психофизический и психический инфантилизм. Основной, хотя и редко встречающейся формой ЗПР, считается неосложненный инфантилизм, обусловленный замедленным созреванием и функциональной недостаточностью филогенетически молодых лобных структур мозга и их связей. Психофизическому и психическому инфантилизму неосложненной формы присущи специфические черты незрелости эмоционально-волевой сферы и личности ребенка, проявляющиеся наиболее отчетливо при переходе его от дошкольного к школьному детству.

М.С. Певзнер выделяет, кроме того, осложненные формы инфантилизма, обусловленные сочетанием замедленного созревания лобных отделов коры с минимальным повреждением различных структур головного мозга. К этим формам относится психический инфантилизм, осложненный церебрастеническим, а также гидроцефально-гипертензионным синдромом.

Изучение школьной неуспеваемости одно время становится приоритетным в АПН СССР. В частности, в феврале 1969 г. состоялся симпозиум «Клиническое изучение школьной неуспеваемости», прошедший под руководством Т.А. Власовой и М.С. Певзнер. Здесь была предпринята попытка объединения усилий педагогов и психологов в исследовании этой проблемы. Над этой же темой работали и сотрудники Института психологии АПН СССР под руководством З.И. Калмыковой¹⁶. Только синтеза не

¹⁶ Калмыкова Зинаида Ильинична (1914-1993) – доктор психологических наук,

произошло: оказалось, трудно объединить феноменологический уровень исследований педагогической психологии и комплексный, на котором уже работали представители специальной психологии.

Последние годы работы Марии Семеновны были посвящены исследованию проблем слепоглухоты и комплексных дефектов развития. Было установлено, что у детей с выраженной наследственной формой глухоты (при сохранности коры головного мозга) произносительная сторона речи развивается с большим трудом, на более поздних этапах и по другим закономерностям, чем в норме. Первичное поражение внутреннего уха или слухового нерва приводит к отсутствию речевой информации, что, в свою очередь, нарушает развитие височной области. Не устанавливаются связи между височной корой и речедвигательным анализатором. Это и обуславливает недоразвитие речи и словесно-логического мышления. У слепоглухих детей и взрослых также выявилось своеобразие структуры дефекта. При неосложненных формах слепоглухоты, когда сохранна кора головного мозга, на фоне достаточного развития образного и действенного мышления, личности и поведения выявляется грубое недоразвитие словесной речи и абстрактно-логического мышления. При осложненных формах (в сочетании слепоглухоты с олигофренией) динамика развития нарушалась по всем параметрам.

Незавершенными, к сожалению, остались ее исследования по детям с аутизмом.

Одной из последних работ Марии Семеновны были воспоминания о своем учителе Л.С. Выготском (в соавт.).

Уход из жизни Марии Семеновны стал своеобразной чертой, подведенной под отечественной дефектологией. Вскоре НИИ дефектологии АПН СССР станет Институтом коррекционной педагогики РАО, термин «дефектология» войдет, наряду с другими («аномальный ребенок», «отклонения в развитии», «задержка психического развития»), в историю науки, но станет мало и редко появляться на страницах научных изданий.

Новые веяния в образовании поставят под сомнение саму идею специальной системы обучения, и будет выдвинута концепция интеграции в образовании (совместного обучения нормальных и аномальных детей). Идея, конечно продуктивная, только с какой стороны к ней подходить: сни-

профессор, российский психолог, специалист в области педагогической психологии, дефектологии, психодиагностики.

зять уровень требований в массовой школе до таковых в специальной или не обучать детей с нарушениями развития вообще, как неспособных к обучению в массовой школе? Вероятно, второе будет более реально, поскольку все меньше и меньше открывается специальных групп в детских садах, из системы образования в регионах вытесняются специалисты с дефектологической подготовкой. Даже некоторые из вузовских преподавателей, когда-то защитившиеся по специальной педагогике или специальной психологии, считают свою аспирантуру как «какую-то дефектную» и стремятся поскорее «сменить кожу», уходя в нейропсихологию, пато- и клиническую психологию, как бы «слегка подзабывая», что именно дефектология и явилась их прародительницей и колыбелью. Она была и остается, несмотря ни на что, Прародительницей целого древа психологических дисциплин и некоторых разделов, так называемой, «малой психиатрии». Лично я не комплексую из-за того, что свое образование и путь в психологию начинал с дефектологического факультета Иркутского государственного педагогического института (ИГПИ) и аспирантуры в клиническом секторе НИИ дефектологии АПН СССР.

Мария Семеновна меня заметила...

Встреча с Марией Семеновной была не совсем случайной. Она была приглашена как председатель Государственной экзаменационной комиссии на дефектологический факультет Иркутского государственного педагогического института, а я в это время сдавал госэкзамены. Нас познакомили перед самым экзаменом, за что я благодарен своим преподавателям с кафедры специальной педагогики и психологии ИГПИ. Собственно, нетрудно представить мою реакцию в этот момент. Знакомый с ученым только по печатным работам, я представлял Марию Семеновну минимум человеком двухметрового роста, а тут преподаватели подводят ко мне маленькую старушку. О чем шел разговор между мною и профессором тогда – даже спустя столько лет я не в силах вспомнить. В себя я пришел только на экзамене. Все госэкзамены я сдал на «отлично» и Мария Семеновна в своем заключительном слове сказала, что она хотела бы видеть меня среди своих аспирантов.

После экзаменов я уехал в Хакасию и вскоре был приглашен преподавателем-почасовиком в Абаканский государственный пединститут (АГПИ). Поначалу преподавал курс «Основы дефектологии» на факультете начальных классов, но до психологии меня не допускали. Это было тогда мне непонятно, а сегодня, спустя более двух десятилетий, причина уже

понятна и так банальна. Но тогда мне было это не понять, я подходил ко всем вузам с той меркой, которую у меня выработали в ИГПИ. И вот мне наконец-то повезло.

В одной из аудиторий случился инсульт со старейшей из абаканских психологов – преподавательницей кафедры педагогики и психологии, доцентом, кандидатом философских наук М. Баиновой. Вторая преподавательница была в это время на курсах ИПК в Москве, и возвращаться досрочно не собиралась, а оставшаяся старший преподаватель ушла (по привычке) на «больничный». Заведующая кафедрой педагогики и психологии, всего каких-то два с половиной месяца отказавшая мне в приеме на должность ассистента по психологии, была вынуждена переманить меня на свою кафедру, тем более, что почасовка по «Основам дефектологии» у меня закончилась. Так я стал психологом и штатным преподавателем психологии в должности ассистента. По воле случая. Тогда я еще не знал, чем для меня обернется эта моя настойчивость стать психологом в АГПИ.

Буквально через два месяца я написал письмо М.С. Певзнер, и она предложила попробовать прикрепиться у нее соискателем. Мне дали командировку и я уехал на десять дней в «белокаменную». Это была первая моя научная командировка в Москву, причем, за казенный счет. С этого момента и можно считать, что развитие психологии в Хакасии пошло по клиническому пути¹⁷.

Надо сказать, что с соискательством возникли трудности: в школы меня не пускали. Попробовал получить разрешение через областной отдел образования (тогда Хакасия была всего лишь автономной областью в составе Красноярского края), но получил отказ. Мотивировка заместителя

¹⁷ См.: 1. Портал психологических изданий PsyJournals.ru. – <http://psyjournals.ru/metodpatopsy/issue/59696.shtml>. [Чупров Л.Ф. Клинический вектор развития психологической службы в Хакасии – Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения (к 100-летию С.Я.Рубинштейн)].

2. Чупров, Л.Ф. Клинический вектор развития психологической службы в Хакасии / Л.Ф. Чупров // ЭНЖ «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири». – URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/164-568. – (дата обращения: 09.04.2012). – URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/pdf/2012/1.2.P/570.pdf>

3. Чупров, Л.Ф. Клинический вектор развития психологической службы в Хакасии / Л.Ф. Чупров. // Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения: материалы всерос. юбилейной науч.-практ. конф. (23.09.2011, г. Москва): к 100-летию С.Я.Рубинштейн; ред. Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина. – М.: МГППУ, 2011. – С. 180-181. – URL: http://leo-chuprov.narod.ru/klinichesky_vector.html.

начальника облОНО была простая: «Психологию и педологию запретили еще в 30-е гг.».

В школу проникнуть удалось, но, как говорится, с другой стороны. Я имел диплом фельдшера, и теща (а то время заведующая детской поликлиникой) устроила меня в школу по этой специальности. Выполнять работу по теме диссертационного исследования пришлось подпольно, а легально – следить за санитарным состоянием школы и ее пищеблока, графиком прививок, эпидемиологической обстановкой и качеством медосмотров, заниматься санитарным просвещением, логопедией, в чем я преуспел, и было, уже надумал писать диссертацию по педагогике. Реальнее всего это была бы логопедия, поскольку у меня уже была большая рукопись по семиотике в логопедии и терминологическому словарю, но М.С. Певзнер посоветовала психологию: «Иначе Вам нужен будет другой научный руководитель». И я решился на такую крамолу, тем более, что других руководителей я не знал. Правда, в 1982 г., когда я был на ИПК, ко мне подошел один из известных ныне социальных психологов, но я от неожиданности отказался стать его аспирантом. Думаю, можно раскрыть его имя – это был Роберт Семенович Немов.

Собственно, защитись я по педагогике, конфликта бы в АГПИ, возможно, удалось бы избежать. Еще более благоприятной была бы позиция, ходи я вообще без ученой степени. Глядишь, так годам к пятидесяти и научное звание «ялового доцента» бы дали «за протертые в аудиториях штаны». В АГПИ тогда сложилась следующая расстановка «психологических сил»: первым психологом считалась старший преподаватель, филолог по образованию, не защитившаяся по истории педагогики, а в пристяжных – две дамы, кандидаты педагогических наук, доценты. Причем, та из них, что защищалась по «несдержанности у подростков», – считалась третьесортным преподавателем психологии и психологом тоже. Непотопляемая троица «ведущих психологов АГПИ» так бы и осталась «ведущей троицей», но я путал все карты. Как говорится, нарушил «сложившийся паритет сил». Мало того, что я осмелился лидировать по научным публикациям, но и мог реально иметь ученую степень по психологии, чего «троица» допустить никак не могла. После очередной публикации – было очередное персональное дело: сколько было публикаций, столько было и персональных дел.

Гуманитарии, есть же физический закон, что при увеличении сопротивления – мощность тоже увеличивается. Я удивляюсь сегодня: как партбюро и ректорат могли плясать под дудку «троицы». Им что, заняться

было больше нечем? Доходило до анекдотов. Однажды, уезжая на педчтения по дефектологии, я передал ассистенту кафедры педагогики и психологии два текста лекций по «Основам дефектологии». На всякий случай, если вдруг будет нелетная погода. После вылета из Москвы самолет почему-то делает посадку в Омске, сходит с посадочной полосы и забурируется в сугроб. Сутки пришлось дожидаться, когда на других самолетах нас доставят до Абакана. Приезжаю в АГПИ – меня «на ковер» и предъявляют обвинение в запланированном срыве учебных занятий. Хотя ассистент лекцию прочитал и сознался, что читал по моему тексту. Выслушал я предъявленные обвинения и добавил: «А почему мне в вину не ставят испорченный самолет?». Тут в ректорате опешили: «Какой самолет?». Хорошо, что я не успел сдать в бухгалтерию авиационный билет с отметкой о задержке рейса «по техническим причинам». Получил ли я тогда очередной выговор – точно не помню. Их было столько много и все – на пустом месте.

Позже, уже после этого, в 1989 г., всеми затираемая «специалистка по несдержанности у подростков» выйдет через серию интриг на первое место, станет заведующей кафедрой, возглавив коалицию старых дев. Но это будет новая история, точнее, новая «веха» в истории становления психологии в Хакасии. Столь же неприглядная, как и предыдущая, когда лидерство удерживали всеми мыслимыми и немыслимыми средствами жены партийных боссов, а у меня останется неизгладимый негатив, переносимый на всю «Пермскую научную школу». Что поделать? Репутацию о школе создают ее ученики.

В тот период ситуацию спасла Мария Семеновна. Она предложила оформляться в аспирантуру. Нужно-то было послать документы, заявку и сдать экзамены. Прошел один срок приема документов – ответа из аспирантуры нет. Прошел второй срок – ответа нет. В третий раз получаю от М.С. Певзнер весьма сердитое письмо, смысл которого: «Молодой человек! Я не знаю, в какую игру Вы играете, но уже третий год документы в отдел аспирантуры не поступают». С этим письмом я пошел к проректору по науке. Разговор был весьма неприятный. В результате, рассвирепевший проректор бросает на стол большой кондуит с заявками в аспирантуру. Объемный том сползает со стола, падает на пол и ... одна за другой из него выползают все три заявки на меня. Их просто не отправляли. «Ладно, сегодня отправим, еще время есть – пообещал проректор, – можете так и написать своему руководителю». Позднее, уже после аспирантуры, на одном из заседаний партбюро, где меня по неизвестно какому поводу прора-

батывали в очередной раз, один из членов партбюро (ректор АГПИ, С.П. Ултургашев) напомнил мне: «Вы думаете, так просто мы ваши заявки не отправляли? Нет. Мы много думали, стоит ли вас в аспирантуру пускать». Позднее стала известна причина «держат и не пишат»: за моей спиной распространяли слухи о предстоящей моей эмиграции во Францию. Так, в основном, благодаря настойчивости М.С. Певзнер, я и поступил в аспирантуру НИИ дефектологии АПН СССР.

Перед самым моим отъездом в аспирантуру моя жена получила через свои источники информацию, что Мария Семеновна болеет. Объединившись с тещей, супруга упросила меня, чтобы я позвонил М.С. Певзнер. «Товарищ Чупров, – услышал я в телефонной трубке, – если Вы думаете, что я не смогу Вас довести до защиты, то ошибаетесь. Я еще полна сил, если почувствую, что мне трудно – найду для Вас хорошего научного руководителя».

Я не был ее лучшим учеником. Просто волей судьбы я стал ее последним из учеников, своеобразной «лебединой песней» профессора М.С. Певзнер. Марии Семеновне было уже 83 года, когда я стал ее аспирантом. Все сомневались в том, сможет ли она довести меня до окончания аспирантуры, и, по предложению Марии Семеновны, мне был назначен еще один научный руководитель – доктор психологических наук Л.И. Переслени. Мария Семеновна выполнила и это обещание: она руководила моей диссертацией до самого окончания мною аспирантуры и защиты диссертации в марте 1988 г.

Это было и руководство, и, фактически, обучение, и приобщение к научной школе. Благодаря Марии Семеновне я смог пообщаться с тогда еще здравствующими представителями научной школы Л.С. Выготского: Т.А. Власовой¹⁸, Р.Е. Левиной, Н. Г. Морозовой. Помню я и Т.В. Розанову. Вера Георгиевна Петрова¹⁹, ученица и научная преемница Ж. И. Шиф²⁰,

¹⁸ Власова Татьяна Александровна (1905-1986) – ученица Л. С. Выготского, российский психолог, дефектолог, доктор психологических наук (1972), профессор (1976), заслуженный деятель науки (1980), действительный член АПН СССР (1982).

¹⁹ Петрова В.Г. (1921-2011) - доктор психологических наук, профессор, в то время заведующая лабораторией олигофренопсихологии НИИ дефектологии АПН СССР. После ухода из НИИ дефектологии – один из основателей кафедры специальной психологии МГППУ, известный специалист в области проблем умственной отсталости в нашей стране и странах ближайшего зарубежья.

²⁰ Шиф Жозефина Ильинична (1904-1978) – российский психолог, дефектолог. Специалист в области общей психологии, сурдопсихологии, олигофренопсихологии. Ученица Л. С. Выготского.

тоже как-то по-матерински заботилась не только о своих подопечных аспирантах, но и для меня не делала исключения. Был один период в моей московской жизни, когда она специально прикрепила ко мне своего аспиранта. Но это – отдельная история. Не прояви тогда она заботу и, не дай задание своему аспиранту – может, и не было бы сегодня этого эссе?

Встреча в вагонном купе

В 1986 году в научной жизни страны и учеников, и последователей школы Л.С. Выготского произошло одно замечательное событие: в Минске. Там состоялась научная конференция в его честь²¹.

Должны были поехать в Минск четверо: М.С. Певзнер, Н.Г. Морозова, Л.И. Переслени и я, как молодая поросль. В последний момент Л.И. Переслени не смогла поехать. Просто плохо себя чувствовала, и наше с ней совместное сообщение предстояло сделать мне. В купе мы были троим. Ученицы Льва Семеновича сидели рядышком и беседовали, а внучатый последователь школы Л.С. Выготского, то бишь, я – на верхней полке наблюдал и слушал в оба уха. Было как-то необычно видеть, как эти два профессора, знакомые уже, по меньшей мере, лет шестьдесят, работающие в одном институте, только в этом купе волей судьбы смогли поговорить между собой. Разговор шел о еще не переизданных книгах и статьях Л.С. Выготского. Поезд тронулся и к нам в купе пришел еще один пассажир. Бородатый молодой человек, чуть старше меня, слегка подшофе. Поздоровался, оставил вещи и ушел. Старушки встреपнулись, обменялись репликами, что вот с каким-то алкашом придется ехать всю дорогу, и продолжили свою беседу, обсуждая своих знакомых коллег и их родственников. Мы уже решили располагаться ко сну, когда вернулся наш попутчик и сразу стал обращаться к моим спутницам по имени отчеству.

- Откуда вы нас знаете, молодой человек? – наперегонки переспросили женщины попутчика.

- Так и вы меня знаете хорошо – помните того мальчика, о котором писал Даниил Борисович Эльконин?

- Боря?! Боренька! ²². Воскликнули старушки, стараясь приобнять нового попутчика. Обменявшись несколько минут информацией о жизни и

²¹ Информацию о конференции можно прочесть в статье: Коломинский, Я.Л. Идеи Л.С. Выготского в советской психолого-педагогической науке и практике / Я.Л. Коломинский, Б.П. Жизневский, Н.А. Цыркун // Вопросы психологии. – 1987. – № 4. – С.177-180. – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1987/874/874177.htm>.

семье Бориса Даниловича, стали готовиться ко сну, а наш попутчик пошел снова в гости к друзьям.

Утром на вокзале в Минске нас встретил Я.Л. Коломинский (с ним я познакомился раньше, в 1982 г. на Второй Всероссийской конференции по педагогической психологии в г. Тула) и он отвез нас в гостиницу. Правда, мне предложили более выгодный вариант – бесплатный ночлег в общежитии педагогического института, где я поселился с А.Г. Лидерсом. О нем, как заядлом библиофиле, я слышал от аспирантов, а тут представилось возиожность встретиться вживую, так сказать.

С Борисом Даниловичем была после Минска всего одна встреча. Он приезжал на конференцию, названную красноярскими коллегами «международная» в Абакан в 1988 г

С Александром Георгиевичем Лидерсом мы поддерживаем деловые отношения до сих пор, время от времени обмениваясь письмами или краткими диалогами в соцсетях, более часто – как редакторы журналов для психологов.

Мне со школой просто повезло

Сегодня как-то упрощенно и узко понимают, что такое «научная школа»: несколько кандидатских диссертаций под руководством доктора наук, плюс несколько докторских и «Основатель научной школы» готов. Можно получать значок и вешать на грудь. Перефразируя известную шуточную песню «лишь бумагу подать, там поставят печать и научная школа готова». Только тогда как быть с З. Фрейдом и Н. Бором? Они же не были докторами наук. Да и лидером в основании «Культурно-исторической психологии» Л.С. Выготский был признан, не имея еще ни защищенной кандидатской, ни позднее, защищенной докторской диссертаций. Тем не менее, его признали лидером и профессор А.Н. Леонтьев, и профессор А.Р. Лурия.

Научная школа представляется мне как некая группа людей, группа-лаборатория, далеко не обязательно объединенная в одном месте типа лаборатории НИИ, кафедры и т.п. 21 век на дворе. Эпоха сетевого взаимодействия. Научная школа – это воспитание на идеях, традициях, единой методологии научного поиска следующего и, следующего за ним, поколе-

²² Борис Данилович Эльконин, в то время – кандидат наук, а ныне – профессор, доктор психологических наук, Президент Ассоциации Развивающего обучения. Заведующий лабораторией Психологического Института РАО.

ния ученых. По мнению К.К. Платонова, высказанного на его лекции в ИПК при АПН СССР в 1982 г.: «О научной школе можно говорить только тогда, когда появились ученики учеников, т.е. внучатые последователи основателя школы». Мне просто повезло по жизни несколько лет до аспирантуры, в аспирантуре и какое-то время после нее воспитываться в атмосфере научной школы Л.С. Выготского. Благодаря моему учителю, Марии Семёновне Певзнер.

Несколько слов в завершение

Не всегда и не всеми психологами поддерживались ее взгляды на судьбу и историю «Научной школы Л.С. Выготского». В частности, о том, что со смертью основателя, школа распалась на несколько самостоятельных направлений, и что Л.С. Выготский был недостижим по уровню своих идей для своих учеников²³. В то время, идея суверенитетов еще не овладела сознанием большинства жителей СССР, и эти высказывания воспринимались как крамола.

Прах Марии Семеновны Певзнер покоится на мемориальном Ново-девичьем кладбище в Москве. И здесь она, хоть и на разных аллеях, но на одном погосте со своим учителем (†Москва, Ново-Девич. м-рь, 5-уч.) и рядом с мужем, Игорем Михайловичем Райснером.

Как хорошо, что судьба иногда бывает такой щедрой на встречи с прекрасными людьми.

P.S. Не могу отделаться от чувства недосказанности, хотя и это далеко не первая попытка написать о Марии Семеновне (см.: [2; 3; 4; 5; 6]).

Литература:

1. Сумарокова, В.А. ПЕВЗНЕР Мария Семеновна / В.А. Сумарокова // История психологии в лицах: персоналии / под общей ред. А.В. Петровского, ред.-сост. Л.А. Карпенко. – М.: ПЕР СЭ 2005. – URL: <http://dictionary.pirao.ru/PSYfeisy/percy/p/pevzner.htm>.

2. Чупров, Л.Ф. Мария Семеновна Певзнер – великая ученица великого учителя / Л.Ф. Чупров. – URL:

²³ Лучков В.В. Значение теории Л.С. Выготского для психологии и дефектологии / В.В. Лучков, М.С. Певзнер // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 1981. – № 4. – С. 60-70. – URL: <http://leo-chuprov.narod.ru/psychologicalarchive.html>.

<http://web.archive.org/web/20040710121931/http://psykhak.boom.ru/data.html>.
– 24.09.03.

3. Чупров, Л.Ф. Певзнер Мария Семеновна – «величина всесоюзного значения» / Л.Ф. Чупров // Психологический журнал на Народ.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://leochuprov.narod.ru/pevzner.html>. – 3 июля 2008.

4. Чупров, Л. Ф. Певзнер Мария Семеновна / Л.Ф. Чупров // Википедия – свободная энциклопедия. – <http://ru.wikipedia.org/> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: World Wide Web. URL: http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Певзнер_Мария_Семеновна. – То же: Певзнер М.С. // Энциклопедия «Учёные России». URL: <http://www.famous-scientists.ru/3441>. – 5 марта 2007.

5. Чупров, Л.Ф. Певзнер Мария Семёновна (биографическая справка) / Л.Ф. Чупров // Энциклопедия: «Учёные России». – Изд-во РАЕ, 2008. – С. 480-481. – [Электронная версия]. – URL: <http://www.famous-scientists.ru/3441/>.

6. Чупров, Л.Ф. Список основных работ М.С. Певзнер / Л.Ф. Чупров. – URL: http://web.archive.org/web/20040710121931/http://psykhak.boom.ru/centralpart/Addition/np_02.htm.

© Л.Ф. Чупров, 2014.

— • —

УДК 159.9:001

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И ПРИНЦИПЫ КОНСТРУКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ (ОТ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ЗНАНИЯ)

Е.И. Головаха. Институт социологии НАН Украины (Киев, Украина),
e-mail: goles100@gmail.com

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

В нашем сообщении предпринята попытка реконструировать познавательный процесс, который привёл к разработке причинно-целевой концепции психологического времени. Согласно данной концепции, психологическое время – это форма переживания человеком структуры причинно-следственных и инструментально-целевых отношений между событиями жизненного пути²⁴. Хотя проведенная нами реконструкция имеет преимущественно интроспективный характер, социокультурный контекст сыграл определённую роль и в создании концепции и в гносеологических выводах. Наряду с социокультурным, существовал также микросоциальный контекст, связанный со спецификой общения и взаимодействия разработчиков концепции. Учитывая, что современное научное творчество всё более тяготеет к коллективным формам, начнём с анализа предпосылок возникновения самого феномена сотворчества.

На собственном опыте авторы концепции убедились, что для этого необходим, прежде всего, интерес к одной предметной области (в нашем случае – проблема времени) при возможном несовпадении конкретных аспектов (один из соавторов основную проблему времени видел в

²⁴ Основное содержание концепции, как и её философский смысл, изложены в книге [1]. Методы, разработанные в рамках концепции, достаточно широко используются в психологии [4].

парадоксальности переживаний настоящего, другой – в противоречивости чувства возраста). Общим источником этих интересов стал, как нам сегодня кажется, контраст двух периодов социокультурного развития общества, на стыке которых формировались и сами исследователи психологического времени: обещающее много перемен динамичное время начала 1960-х годов и застывающее статичное время последующего десятилетия. От формирования независимых индивидуальных интересов к проблеме времени (**1 этап**) прошло около десяти лет до начала **2 этапа**, когда будущие соавторы стали сотрудниками одного философского учреждения и попытались компенсировать отсутствие общего мнения о предмете исследования общим стремлением к уходу от идеологизации психологических проблем. Нетерпимость к инакомыслию, распространённая в широком социальном окружении, особо благоприятствовала развитию творческого поиска в диаде, атмосфера которой отличалась интересом к взаимодополняющим представлениям и корректным отношением к взаимо-исключающим. В этой атмосфере появился и первый научный результат: была создана гипотетическая модель переживания времени, основанная на синтезе двух существующих в психологии подходов – «квантового» и событийного. Таков был **3 этап** формирования концепции психологического времени. И он принёс её создателям чувство глубокого разочарования, понятное, наверное, всем, кто «новое вино пытался влить в старые меха», решая нерешённые ранее проблемы старыми средствами. В этой кризисной ситуации специфика микросоциума оказалась как нельзя кстати. Соавторство позволяло не только утешать друг друга, но и стимулировало диалог, дополняющий индивидуальные поиски истины.

Следующий, **4 этап**, начался с того момента, когда, вместо квантов настоящего и отдельных событий, исследователи вдруг увидели во времени множество причинных и целевых межсобытийных связей, которые стали в последующем единицами измерения психологического времени. Первоначальным критерием истинности возникшей картины человеческого времени был эстетический. Она радовала глаз: связи событий прошлого и будущего образовывали то самое психологическое настоящее, которое казалось неуловимым или несуществующим. Эта картина находила подтверждение в эмпирических проверках (**5 этап**), однако не во всех случаях. С помощью тонких методических приёмов были предприняты попытки превратить найденную закономерность в универсальный закон (**6 этап**), но окончательно редуцировать богатство

переживаний времени к одному универсальному механизму не удавалось. Дух естествоиспытателей протестовал против индивидуального многообразия психической жизни, не укладывающегося в одну даже самую изящную конструкцию. Так что же, отказаться от неё, если она не универсальна? Или, может быть, познание психической реальности это не только её описание, объяснение, воссоздание, но и создание несуществовавшего ранее или существующего в форме отдельных прецедентов? В обсуждении этих вопросов (**7 этап**) авторы пришли к идее конструктивной психологии [2; 3], основными принципами которой стали:

1. *Опережающее развитие психологического знания по отношению к существующим психическим явлениям.* Это означает акцент на конструировании нового в психике человека, а не на описании и объяснении старого. Задача учёного состоит в разработке альтернативных моделей развития психики человека.

2. *Эвристичность несоответствия конструируемых и существующих психических образований.* Это означает принципиальную фальсифицируемость конструктивного психологического знания (наличие противоречащих ему фактов в момент его выдвижения). Фактом конструктивной психологии является созданный намеренно или обнаруженный прецедент, который является как бы зародышем нового в развитии психики.

3. *Гуманистическая направленность психологических новообразований.* Это означает, что создаваемые новые механизмы человеческой психики должны быть такими средствами познания и регуляции, которые доступны самоконтролю со стороны личности и не подвластны внешнему манипулированию.

Некоторые психологические инструменты саморазвития, созданные на основе идей конструктивной психологии, доступны на сайте Института каузометрии: URL: www.LifeLook.Net.

Литература:

1. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. 2-е изд., испр. и дополн. – М.: Смысл, 2008. – 1-е изд. – Киев: Наукова думка, 1984.

2. Головаха, Е.И. Конструктивные функции психологии / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Психологический журнал. – 1989. – Том 10. – № 6. – С. 24-33.

3. Головаха, Е.И. Себе и другим / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл. 1997. – С. 92-110.

4. Кроник, А.А., Ахмеров, Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. – 2-е изд., испр. и дополн. – М.: Смысл, 2008.

© Е.И. Головаха, А.А. Кроник, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

— • —

УДК 159.9+2

ПСИХОТЕОЛОГИЯ: ПОПЫТКА НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ²⁵

А. И. Зеличенко. Институт Высшей Психологии, Сетевой проект,
russiysvet@yandex.ru

Резюме. Психология и теология сегодня связаны мало между собой. Конечно, все религиозные психологи и все психологи, специализирующиеся в психологии религии, чувствуют ненормальность такого положения, однако пропасть между психологией и теологией не становится от этого меньше. Попытка обсуждения этой взаимосвязи предпринята в предложенном читателю очерке.

Ключевые слова: психотеология, христианство, Евангелия.

Распространенное мнение состоит в том, что Библия имеет только один истинный смысл. В реальности же смыслов много; доступ к каждому

²⁵ Ранее опубликовано под названием «Psychotheology: Christianity as a Science of Spiritual Development and Developing Christianity» [7, 87-103].

из них определяется, во-первых, своим уровнем духовного развития читателя, а во-вторых, культурой, в которой читатель был воспитан. Статья раскрывает один из внутренних слоев многослойной семантической структуры Библии – слой, в котором христианство предстает как стратегия сознательного духовного развития, преобразующего психику и сообщающего ей новые (Божественные) свойства. С этих позиций рассматриваются центральные понятия христианства «Бог», «Христос», «вера», «Царство Небесное», «спасение», «грех», «покаяние», «воскресение», «любовь» и показывается, как теология, соединяясь с психологией развития, образует новую дисциплину – психотеологию, богословие будущего христианства, которому предстоит продолжить линию истории, когда переход человечества на новый уровень духовного развития приводил к появлению новых христианств, опирающихся на одни и те же тексты Писания.

Введение: предчувствие будущего

Психология и теология сегодня связаны мало. Конечно, все религиозные психологи и все психологи, специализирующиеся в психологии религии, чувствуют ненормальность такого положения, однако пропасть между психологией и теологией не становится от этого меньше. Причина существования этой пропасти проста: теология и психология формировались в разные эпохи как продукты очень разных культур. Более того, психология формировалась внутри атеистической культуры. Но в истории каждая культура живет только какое-то время, рождая культуру-наследницу, которые во многих отношениях отличается от материнской культуры [1]. Так первые христианские культуры, внутри которых сформировалась классическая теология, родили атеистическую культуру, одним из плодов которой стала научная психология. И точно так же сегодня атеистическая культура беременна будущей культурой, облик которой мы пока можем представить себе только очень смутно.

Сегодня развитие психологии религии, трансперсональной психологии, психологии духовности (или «высшей психологии») [2] показывает, что профессиональное сообщество начинает преодолевать атеистическую онтологию и позитивистскую философию науки, прокладывая путь для будущей единой науки о душе, человеке, духовном мире и Божественном – науки, в которой новая психология и новая теология будут не отдельными дисциплинами с отдельными предметами, а двумя подходами к одному предмету.

Важнейшей чертой новой психологии будет ее философская база:

новая онтология, в которой реальный мир больше не будет ограничен тем, что мы способны воспринимать при помощи пяти органов чувств, и в которой «идеальный», тонкий мир будет не менее реальным, чем мир материальный, и новая антропология, видящая человека обитателем не только «грубого», вещественного, но и тонких миров. Более того, новая антропология поймет, что человек не только живет, но что он делает свою часть *мировой работы* – работы, которая развивает его и поднимает с низших на высшие уровни бытия. Поэтому новая психология будет, прежде всего, психологией развития.

Что же касается новой теологии, то новая онтология и новая антропология дадут ей средства для понимания более глубоких смыслов Писания. Эта теология станет теологией Пути человека к Богу – развития человека, преобразующего природу человека. Таким образом, это будет психологическая теология, психотеология. Статья набрасывает некоторые контуры этой будущей науки.

Гносеологические замечания

Любое обсуждение теологических вопросов в контексте современной мысли может быть продуктивным тогда и только тогда, когда участники этого обсуждения имеют общее понимание смысловой многослойности Писания, то есть понимание того, в общем, самочевидного факта, что Писание имеет много смыслов, доступ к которым зависит от духовного уровня читателя. Другими словами, то, что понимает более развитой духовно человек, недоступно для менее развитого, точно так же, как понимание математической монографии специалистом недоступно для непрофессионала: то, что для одного человека доступно (экзотерично), от другого скрыто (эзотерично) [3].

Одни и те же слова Писаний как бы шифруют его значения: текст – это «код» с рядом ключей, каждый – от своего смыслового слоя, то есть от специфичного именно для этого ключа значения текста. Конечно, по большей части это метафора: по крайней мере многие (если не все) смысловые слои «отпираются» без математических методов дешифровки. Настоящий ключ к скрытым значениям – это личный опыт, необходимый для понимания этих значений, и соответствующий интеллектуальный уровень и уровень знаний. По мере роста опыта и ума человек открывает в Писаниях такие смыслы, которые были полностью закрыты для него раньше. Вообще говоря, многие эту особенность религиозного знания понимают: знают, что священник понимает больше шестилетнего ученика воскресной школы.

Но простейший факт, что то же справедливо не только в отношении индивидуального знания, но и в отношении группового, то есть, что люди более высокой культуры понимают Писания лучше людей отсталых культур, в силу многих причин осознается, мягко говоря, не очень хорошо. Тем не менее, это точно такой же факт: иногда атеистическая культура понимает религиозные тексты, которые она несправедливо отвергает, лучше, чем те же тексты понимались архаическими религиозными культурами, которые воспринимали их совсем по-детски. Но здесь нужно подчеркнуть, что *лучше* не значит *хорошо*, и лучшему пониманию Писаний более высокой культурой нужно стать еще лучше, то есть перейти от простого отрицания того, что вычитывали в религиозных текстах люди старых культур и что не имеет смысла для современного человека, к раскрытию глубинных смыслов, которые современному человеку с его кризисами потери смысла необходимы как воздух (в самом буквальном смысле слова).

Онтологический абрис

Обсуждение психологического смысла евангелий требует существенного пересмотра онтологии современной науки. Без этого ключевое понятие «развитие человека» не может быть понято. Речь идет не столько об открытии новых фактов, сколько о новом видении известных фактов – видении, которое помогает открыть Божественное в нашей жизни и без мистического опыта, и без пылкого воображения. Я буду описывать эту онтологическую картину, следуя [3] (главы 11-13) и [2] (глава 2).

Идеи и существа

То, что религия называет богами, ангелами, бесами, метафизика именует идеями. Мы переживаем встречи с этими существами как наши мысли, желания и чувства: бесов – как темные и эгоистичные, мелкие мысли и желания; контакт с ангелов – как яркие и большие.

В нашей культуре мы привыкли разделять понятия «существо» и «идея», но такое разделение – это только привычный для нас способ видеть мир, который, как и все наши способы видеть мир, определен культурой. При другом же способе смотреть на мир нам достаточно вспомнить биографию идеи германского нацизма или русского коммунизма, вспомнить, как эти идеи разрушили миллионы жизней, чтобы увидеть в этих идеях огромных монстров, чьи тела были составлены из десятков миллионов тел отдельных людей.

Мы также привыкли думать, что идеи – это всего лишь мысли, рож-

денные человеческим интеллектом. В определенном смысле, это так и есть, но только если мы говорим о простых, «маленьких» идеях. Однако стоит нам обратить внимание на происхождение больших идей, которые «открывают» одновременно многие люди, чтобы понять, что реальность гораздо сложнее: ни гуманизм, ни тот же фашизм не были изобретены одним человеком.

Идеи и души

Жизнь мира в целом и жизнь каждой его частички – непрерывное движение. Мало того, это не только непрерывное, но и вполне ОПРЕДЕЛЕННОЕ движение: каждая вещь в мире движется ОПРЕДЕЛЕННЫМ ОБРАЗОМ. Этот ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ОБРАЗ – идея движения, или, другими словами, идея жизни движущейся вещи. Таким образом, мы можем сказать, что идея, или программа движения вещи как бы оживляет эту вещь. В этом смысле, идею можно считать, причиной или душой движения. Другими словами, «идея» и «душа» – просто разные имена одной сущности, первое – из философского, а второе – из религиозного лексикона.

Может показаться, что идея дает движению только информацию, в то время как источник энергии движения находится где-то еще. Но разделение энергии и информации – тоже только наш стереотип мышления, когда мы придаем своим способам восприятия мира статус реально существующих в мире безотносительно к нам (онтологизируем собственные гносеологические реалии): не существует ни движения без его информационной схемы, ни движения без энергии. Система сил, которая определяет характер движения «снабжает» его и энергией, и в то же самое время программой.

Дерево Мира

Взгляд на идею-душу как на систему управления вещью позволяет легко заметить, что чем сложнее живая вещь, тем сложнее ее душа и тем более она многослойна – многоуровнева. Для управления движением простой, безжизненной вещи достаточно одноуровневой системы управления. Для управления более сложной живой вещью нужен еще один уровень. Для управления еще более сложной вещью, обладающей психикой, нужен еще один уровень, и так далее.

Самая большая идея самой большой вещи в мире, то есть идея самого мира насчитывает очень много уровней. Эта Идея подобна дереву: от ствола – Первопричины – ответвляются толстые ветви, от них другие –

потоньше, и так далее вплоть до листьев на самых тонких веточках. Эти листья-феномены растут на причинах феноменов, которые, в свою очередь, растут из «причин причин» и т.д. Другими словами за миром феноменов есть мир причин, мир причин причин и т.д. В этих мирах человек и те, с кем он взаимодействует и взаимосвязан, образуют одно существо, объединенное и в этом смысле созданное идеей такого взаимодействия. Эта «большая», общая идея – их общая душа, которая содержит в себе их отдельные, «малые» души. Самая большая идея, которая содержит весь Мир, может быть названа Идеей Мира. Без Нее мир не был бы даже хаосом – его просто не было бы. Чтобы *быть*, мир должен быть *каким-то*: это *какой-то*, определяющее, какой мир есть, – Идея Мира.

Когда человек не видит Идеи Мира, которая объединяет и просто-таки создает Мир, он видит не сам Мир, а только «кусочки мира», видит кукол, но не видит ни реальных актеров, ни, тем более, Режиссера и Автора Пьесы. Конечно, он видит не только листья, но замечает и некоторые тончайшие веточки, но – не все Дерево Мира как целое.

Жизнь Мирового Дерева – пульсация. Дерево дает ростки – от очень крупных ветвей до совсем мелких листочков – а эти ростки «возвращают себя» Дереву, подобно тому как листья питают обычное дерево. Дерево сначала разрастается ветками и листьями, а затем вновь сжимается, выбирая из выросших веток и листьев квинтэссенцию их жизней. Эту пульсацию можно увидеть в двух ракурсах: в первом ракурсе – как реализацию Мировой Идеи, а во втором ракурсе – как жизнь Мирового Существа: Всемирной Организации всех существ, или Мирового Организма, в котором в качестве Его органов (или клеток) все существа взаимосвязаны и взаимодействуют.

Первый ракурс. Подобно тому как любое большое дело состоит из множества дел поменьше, а те – из еще более мелких, так и Самое Большое Дело – Мировая Идея – рассыпается необозримым множеством «дочерних», «внучатых» и так далее идей. Так устроена Иерархия идей. Дочерние идеи – это этапы реализации материнской. Их реализация нужна материнской *зачем-то*. Дочерняя идея получает это *зачем-то* как замысел, который ей предстоит сначала *развернуть* – во-плот-ить, сделать плотным, грубым, а затем *свернуть* – извлечь из грубого воплощения его тонкую квинтэссенцию – смысл, и вернуть этот смысл материнской идее, чтобы та реализовывалась дальше.

Второй ракурс. Каждую идею реализует свое существо. И поэтому Мировая Иерархия идей оказывается в то же время и Мировой Иерархией

существ. Во главе Иерархии стоит Верховное Существо – Творец Всего. В Иерархии старшее существо как бы продлевает себя младшими – создает младшее, чтобы то «работало на него». Творение начинается с души – «зародыша» будущего существа. Этот тонкий зародыш растет, «обрастает плотью и кровью», а затем развоплощается – прожившая свою жизнь душа обогащается смыслом прожитого и возвращается к своему создателю. Так Мировое существо живет жизнью своих клеток. Все наши жизни – части Жизни Мира. Все, что мы делаем, делает Мир.

Человек-творец

В значении, используемом в этой статье, понятие «душа» шире, чем «психика», потому что не только человек, но каждая вещь мира – от вселенной до электрона – обладает идеей этой вещи, то есть его душой. Однако душа человека и психика человека – почти синонимы. Незначительные различия, связанные с происхождением этих понятий в религии или психологии, для нас не существенны. Таким образом, мы можем проверить любой вывод из излагаемой «теории» через самонаблюдение на собственном, хорошо знакомом нам опыте. Более того, хотя схема «воплощение-осмысление» абсолютно универсальна: «так весь мир вертится» – от космических до микроскопических процессов, наиболее четко она видна в психической жизни человека. Люди именно так решают свои задачи: пробуют что-то, потом оценивают – а что же получилось, и если получилось «нехорошо», пробуют дальше. И при этом они творят новых существ. Например, президент своим указом создает министра. Конечно, и до президентского указа был и пост министра, и человек NN. Но NN не был министром. Существо «министр NN» сделал президент. Когда NN перестанет устраивать президента, то есть когда президент получил от него все что можно, NN отправляют в отставку. Это смерть. Конечно, не смерть человека NN, но смерть созданного президентом «министра NN».

Я боюсь собак и на прогулке подбираю палку. Так из своего страха я создаю сначала замысел – «мне нужно средство обороны», а затем из этого замысла – и новое существо, Палку-Пугалку. Палка-Пугалка живет не до тех пор, пока палка сломается, а пока я ее не выброшу за ненадобностью, убедившись, что никаких собак нет. Но я могу и не выбросить палку, а «похоронив» Палку-Пугалку, начать использовать ту же палку как посох, создав таким образом другое существо – Палку-Опиралку.

Творить новых существ можно не только из внешнего материала, но и из себя самого. Когда я решил писать эту статью, я создал внутри себя,

из себя новое существо – «автора этой статьи». Теперь этот автор следит, чтобы статья продвигалась, и время от времени создает себе помощников, например «авторов разных разделов», которые «умирают», сделав свое дело. Вообще, всякий раз, когда нам приходит в голову та или иная идея, мы рождаем существ, которые будут эту идею реализовывать: пойдут в кино, будут писать статью или начнут создавать новую партию.

В человеке есть и такие «внутренние люди», которые созданы не им самим, например «нежный отец» и «жестокый начальник». Это те, кого Гурджиев и Успенский называют «множественные Я» [4], а Ассаджоли – «суб-личности» [5]. Из-за них человек часто кажется противоречивым. Они почти так же самостоятельны и «отдельны», как самостоятельны и «отдельны» разные люди. Конечно, у них общее физическое тело. Но у двух пильщиков дров тоже общая пила.

Впрочем, я зря похвастался. Замысел «моей» статьи «витает в воздухе». Об этом свидетельствует многочисленность публикаций о приходе новой религии. И «автора этой статьи» создал не только и не столько я. Он, как и существа «авторы других похожих статей», создан этой витающей в воздухе идеей. Она, эта идея, тоже существо, и очень плодотворное существо. Она уже написала тысячи текстов. И все мы, авторы этих текстов, в своем служении этому существу становимся его «руками».

От Создания к Создателю

Возврат дочерней ветви к материнской, создания к создателю – это слияние душ. Душа-родитель получает состарившуюся душу ребенка. Младшая душа кончается как отдельная сущность, но она продолжается «внутри» старшей (родительской) души. Для душ, наделенных самосознанием – чувством своего «я», своей идентичности, это означает полное отождествление с создателем.

Как и все другие существа, человек тоже реализует замысел своего Создателя, чтобы преображенным вернуться к Нему и вернуть Ему смысл проделанной работы.

Работа человека слишком большая, чтобы успеть сделать ее за одну жизнь. Вот почему умершие часто кажутся такими неуспевшими, неокончившими. Человеку нужно больше времени. Поэтому на пути от Создателя к Создателю он проходит через ряд этапов, из которых жизнь – от рождения до смерти – только один. Смерть – это не конец человека, а конец одного воплощения, когда человек «теряет человеческий облик». Смерть превращает человека в другое существо: грубо говоря, человек

сбрасывает одни, пришедшие в негодность оболочки и претерпевает разного рода метаморфозы, связанные с таким «раздеванием».

В чем правы отрицающие бессмертие. В принципе ничто не мешает ограничивать существование человека одним воплощением. Если мы считаем создателем человека его собственную «душу души», его «высшее Я», тогда, в самом деле, после смерти человек возвращается к своему создателю. Это дело вкуса – как определять идею человека: как идею всей цепочки превращений или как идею только одного ее звена, одного этапа пути. Во втором случае, упрощая его идею, мы сокращаем век человека и, по сути, низводим его до такого же существа, как умирающий на выпускном балу Школьник (его «похороны» и вносят в выпускные празднества оттенок грусти). За свою жизнь мы переживаем и хороним множество таких существ. Как ни странно, это не так важно – считать ли человека смертным или бессмертным. Важно понимать, во-первых, что мы связаны с Миром, а во-вторых, как мы связаны с Миром.

Нижняя душа и Высшая Душа.

Шкала яркости психических состояний

«Составные части» психики различаются своей удаленностью от ствола Мирового Древа, то есть Верховного Существа, Центра Души Мира. Это расстояние соответствует широте сознания: чем шире сознание, то есть чем больше часть мира – количество вещей мира и количество связей между ними – которые человек отражает в данном состоянии, тем ближе это состояние к Центру Души Мира, или, используя другую образную систему, тем выше и ярче это психическое состояние.

Шкала высоты (яркости) психических состояний поднимается от полуживотных состояний простейших ощущений (голода или боли) через более и более сложные состояния к таким сложным состояниям, как разработка управленческих стратегий или решение математических задач и продолжает свой подъем еще выше к состояниям, которые можно назвать «над-эстетическими», или «религиозными». В «Свете Жизни» я разделил эту шкалу на шесть зон: «черные», «синие», «зеленые», «желтые», «оранжевые» и «красные» состояния.

Первые четыре зоны покрывают почти все состояния повседневной жизни современного человека. «Желтые» состояния включают впечатления от классической музыки, состояния, в которых ученый работает над статьей или менеджер высшего звена принимает решение о развитии своей компании и т.д. В «желтых» состояниях интуиция обострена, человек

видит себя объективно и видит большие группы, в которые он включен – свою страну, свое поколение, свое профессиональное сообщество и т.д. В этих состояниях он может переживать светлую грусть или грустную иронию

Так как более яркие состояния соответствуют более высокому социальному статусу, четыре группы психических состояний могут быть названы по именам ступеней в военной, академической или какой-то иной карьере, например, «первоклассник» («черные»), «старшеклассник» («синие»), «аспирант» («зеленые»), «профессор» («желтые»).

Общий принцип увеличения яркости от черных к желтым состояниям может быть проиллюстрирован следующим примером. Одна из важнейших задач, с которой сталкивается любой человек, – побудить более сильного («начальника», то есть того, кого невозможно просто заставить) сделать то, что этот более сильный делать не хочет. Как решают эту задачу в разных состояниях?

В «черном» состоянии – просто потребовать: «Дай!».

В «синем» состоянии – добиться занудливым повторением просьбы (как это делает чеховская «беззащитная женщина»).

В «зеленом» состоянии – объяснить, почему это нужно сделать.

В «желтом» состоянии – создать ситуацию, когда «начальник» просто вынужден это сделать.

«Желтые» состояния самые высокие только среди «обычных» состояний, которые переживаются хотя бы изредка большинством взрослых членов современного развитого общества. Верхние – «оранжевые» и «красные» – состояния встречаются реже. Вдохновение, просветление, откровения и другие формы Высшего религиозного опыта принадлежат к этой группе. Это над-эстетические, или религиозные состояния, которые знакомы только наиболее духовно развитым людям. В этих состояниях человек теряет чувство своего Я как того, что отделяет его от мира. Он испытывает Всезнание и полное самоосознание как одно интегральное сверхчувство. Но в нашем языке мало средств для описания высших состояний, особенно потому, что их «компоненты» так тесно связаны между собой, что любая аналитическая попытка их декомпозиции ведет к выхолащиванию главного содержания высших психических состояний.

Таким образом, мы можем видеть нечто вроде лестницы, по которой человек поднимается к Богу – точно такая, о которой говорил Иоанн Лествичник. Лестница состоит из «частей» души разной высоты (яркости).

Большой Человек и метакультуры

Человечество можно рассматривать как существо, жизнь которого похожа на жизнь отдельного человека. Человечество так же получает свою идею от своего создателя и после ее реализации возвращается к создателю. Эта идея – Идея Истории, которая объединяет всех людей, делая их «побратимами в Истории». Для того, чтобы реализовать Идею Истории Большой Человек, проживая свою жизнь (историю), создает себе помощников, или «детей» – метакультуры.

Отражение в Писаниях

Различные элементы описанной выше картины Мира можно легко найти в скрытых значениях любого Священного текста, индуистского, буддистского или исламского, но приведу несколько примеров таких «подтверждений» из наиболее знакомой нам Библии.

«Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с [именем] 'Бог Всемогущий', а с именем [Моим] 'Господь' (в оригинале יְהוָה (Яхве) – А.З.) не открылся им» (Исход 6:3) – это один из многих, но может быть также одно из наиболее ясных указаний на наличие в Библии множества смыслов и на тот факт, что Бог открывает себя людям постепенно: то, что было неизвестно отцам, открывается детям. Ниже несколько примеров такой смысловой множественности.

Ханаан, Земля обетованная. Действительно, это территория Палестины. Но это и та Преображенная, обоженная Земля – Божий сад, – какой ей надлежит стать в результате всей Истории. Эта Земля нам пока только обетована, но мы туда еще не пришли. О том же притча о блудном сыне (от Луки, 15:11-32). Человечество как целое, как и каждый человек в отдельности – такой сын, оставивший Отцовский дом, чтобы вернуться туда после того, как долгий путь сделает его умнее.

Суббота. Тоже, кажется, просто – день недели, когда запрещено работать, день обязательного отдыха. Но суббота – еще и бескровная жертва каждого седьмого дня своей жизни Богу. А еще это символ вечного покоя завершения человеческого пути и символ Вечного Покоя завершения, а точнее, перерыва в Работе Бога – то, о чем менее аллегорически рассказывает индийская космология с ее Мировыми Циклами.

Обрезание. Казалось бы, что может быть ясней – хирургическая операция по удалению крайней плоти. «Божьих людей» таким образом отмечают, подобно тому как клеймят скот. Но уже Моисей чаще и чаще говорит об обрезании сердца: об удалении черствости и обнажении сущ-

ностной сердцевины – Любви к Богу (Второзаконие 10:16, 30:10). Это продолжается и после Моисея: «Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего» (Иеремия 4:4) и «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» (Колоссянам 2:11). Это уже тот самый глубокий смысл обрезания, который в «Изумрудной скрижали» назван «отделением тонкого от грубого»: человек поднимается к Богу и несет Ему свои самые тонкие смыслы и чувства («благоухание приятное», Исход 29:18); эта идея проходит через всю Библию, начиная с «Освящайте себя и будьте святы» (Левит 20:7). Отделение глубоких смыслов Библии от поверхностных – это тоже обрезание.

Пожалуй, самое таинственное и самое многосмысленное понятие в Библии – это «Бог». Библия наполнена противоречиями, когда она говорит о Боге. Например, кто разговаривает с Иаковым – ангел или Бог: «Ангел Божий сказал мне во сне: Иаков! Я сказал: вот я. Он сказал: возведи очи твои и посмотри: все козлы, поднявшиеся на скот, пестрые, с крапинами и с пятнами, ибо Я вижу все, что Лаван делает с тобою; Я Бог [явившийся тебе] в Вефиле, где ты возлил елей на памятник и где ты дал Мне обет (Бытие 31:11-13)? Или – с Моисеем «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста... и воззвал к нему Бог из среды куста» (Исход 3:2-4)? Человек не может видеть лица Бога (например, «сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исход 33:20), но Иаков видел Бога «я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Бытие 32:30), а Авраам не только встречался, но и спорил (!) с Богом (Бытие 18). И это не единственный спор человека с Богом: Моисей (Исход 32:9-14) *заставил Бога (!)* изменить *Его (!)* решение: «И отменил Господь зло, о котором сказал, что наведет его на народ Свой» (Исход 32:14). Впрочем, обратим внимание и на то, что намерение Бога сделать *зло* само по себе звучит абсурдно. В первой главе «Бытия» Бог – всемогущий создатель Вселенной. Если так, то зачем Ему доказывать что-то египтянам («узнают Египтяне, что Я Господь, когда простру руку Мою на Египет» (Исход 7:5) и (что еще более кощунственно) соревноваться с египетскими чародеями? Почему Бог в Библии наделен многими человеческими чертами и не лучшими: гневливость, ревность и даже – трудно произнести – тщеславие? Подобными чертами могут обладать олимпийские боги, но не индийский Брахма или гегелевский Абсолютный Дух.

Таких вопросов очень много и удовлетворительный ответ на них

только один: в Библии слово «Бог» (или точнее, ряд имен, связанных с понятием «Бог») используется для называния многих сущностей и существ, образующих верхние уровни Мировой Иерархии – и Создателя Вселенной, и Создателя Земли, и Создателя человечества, и Бога евреев и т.д. Бог в Библии (во всяком случае, в ее внешнем, поверхностном смысловом слое) – это «коллективный образ», в котором соединены черты многих реальных существ. Христианское понятие «Троица» отчасти отражает эту семантическую множественность.

Смысл Евангелия

Скрытые смыслы Евангелия могут быть поняты только в контексте психологии развития, потому что центральная евангельская идея – это идея развития человека. Иисус говорит об этом прямо: *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный* (от Матфея 5:48). Ту же мысль он повторяет постоянно, говоря о Царстве Небесном, которое «внутри вас» (от Луки 17:21). Вот это и есть Главное в Евангелие – знание о пути к Богу.

Что означает *Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный*? У человека среди различных более низких и более высоких «частей» его души есть зародыш Высшей души, который может (а раз может, то и должен) развиваться и стать Высшим Человеком – Человеком, который сопричастен Богу. Высшая душа соединена, или, даже лучше сказать, слита с Высшим Миром, с Богом. В евангелиях Высшая душа, Высший Человек назван Христом. (Конечно, это второй, скрытый смысл слова «Христос».)

Человек – Божий работник на Земле, в Божьем винограднике (от Матфея 20:1). *Да придет Царствие Твое... и на земле, как* (это уже есть. – А.З.) *на небе* (от Матфея 6:10) – вот цель его работы. Но чтобы Царство Божие пришло на Землю, Оно должно прийти в души людей: *Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть* (от Луки 17:20-21). Без царства Божьего внутри никакого другого Царства Божьего быть не может. Царство Божие внутри – это и есть «направление главного удара».

Для работы по превращению Земли в Царство Божие человеку даны определенные инструменты: физическое тело и низшая психика – наиболее плотные слои души. Работая, человек набирается опыта и сил и, образно говоря, продвигается по служебной лестнице – из разнорабочего становится станочником, потом мастером, инженером и так далее. При

этом одни инструменты перестают быть ему нужны, а нужными становятся другие: от носилок он становится к станку, вместо молотка вооружается калькулятором. Так человек заменяет свои низшие орудия более высокими – становится умнее и умелее. Сначала он считает на пальцах, потом складывает столбиком, потом «в уме». Когда нужно что-то узнать, сначала спрашивает родителей, потом роется в книгах, потом начинает экспериментировать. Когда хочется чего-то, что ему не дают, сначала плачет, потом начинает «канючить», потом учится хитрить и, наконец, начинает понимать, что без предмета вожделения можно и обойтись. Человек постоянно из более низкого делает более высокое: из «низшей психики» – «высшую».

Понятия «низшее» и «высшее» относительны: то, что сегодня для нас высшее, завтра, после того как мы откроем в себе более высокое, перестает быть высшим. Но подъем ко все более высокому психическому не бесконечен. Как и у любой другой, у этой лестницы есть верхняя ступень – Абсолютно Высшее. Абсолютно Высшее – это уже не психика; это выше психики. Это и есть та Высшая душа, которая в евангелиях названа Христом. А подъем от низшей психики через все более и более высокую к Высшей душе – это и есть христианский Путь.

Поднявшийся к Высшей душе обретает Христа и таким образом Спасается. Спасение выводит о-креп-шую (сделанную при жизни *крепкой*, как в «Боже святой, Боже крепкий...» или *в возлюби Господа Бога твоего... всю крепостию твоею* (от Марка 12:30)) Высшую душу из «плена» низшего, «плотского» мира, мира низшей психики, «мира страданий» в другой мир – Царство Небесное.

Но для этого сначала нужно закончить работу на земле. Вот почему, чтобы Спаситься, нужно погубить низшую душу, «умереть». И *Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее* (от Луки 17:33); и *Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (от Матфея 16:25); и *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (от Иоанна 12:25) – все это об одном: о необходимости распять в себе человека, чтобы стать Богом. Гибель души – это гибель низшей души. Потеря низшей души – не утрата, а обретение – обретение Высшей. Поэтому и *Если... не будете как дети* (то есть не обремененными низшей душой – А.З.), *не войдете в Царство Небесное* (от Матфея 18:13) или даже еще более сильно *Блаженны нищие духом* (от Матфея 5:3). «Нищие духом» значит люди без всего, что составляет низшую душу – мнений, желаний, стремлений и т.д.

Растущий человек все время заменяет низшие части своей души более высокими. Поэтому к старости большинство становится мудрее и добрее. Но весь Путь к Христу очень долгий и трудный. Гибнет низшая душа частями: сначала – одна часть, затем другая. И все они гибнут только тогда, когда проживут свою жизнь до конца, то есть когда человек закончит, перерастет их. Но если такие части души, как вера в Бабу-Ягу, живут недолго, то жизнь других ее частей (таких, как мечтательность или вспыльчивость) бывает очень долгой. И только после похорон множества низших душ, которые в свое время были высшими для других, еще более низких, на вершине всего этого многоярусного могильника расцветает цветок Высшей души.

Евангелия называют нижние части души грехами, а главное оружие против грехов – покаянием. *Я пришел призвать... грешников к покаянию* (от Марка 2:17; от Луки 5:32); *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (от Матфея 3:2); *и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах* (от Луки 24:47). Грехи – это не только «плохое поведение» (это поверхностный и в значительной степени детский смысл слова «грех»), грехи – это все содержание нижней души, то есть то, что нами уже освоено, то, к чему мы привыкли – привычные мысли, способы реагирования, просто привычки, в общем, все наши ментальные стереотипы. В свою очередь, покаяние – это не просто мысль о том, что я плохо поступил; такая мысль, в лучшем случае, только первый шаг на долгом пути покаяния. Настоящее покаяние это полное осознание «плохого» поведения вместе со всеми его корнями. Достичь такого полного осознания можно только в конце очень долгого и очень тяжелого (особенно вначале) пути.

Этот путь настолько долг и труден, что поневоле возникает вопрос, а можно ли вообще пройти такой длинный Путь? Евангелия отвечают неоднозначно: с одной стороны, *Кто же может спастись? ...человекам это невозможно* (от Матфея 19:25-26), но с другой – *Богу же все возможно* (19:26), и хотя *Никто не может придти ко Мне*, но только если *то не дано будет ему от Отца Моего* (от Иоанна 6:65). Здесь намек на главное Средство, которое выпрямляет этот длинный и извилистый Путь, где маленькие успехи чередуются с большими поражениями. Это Средство – Любовь к Богу: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь* (от Матфея 22:37, 38) (Марк (12:30) и Лука (10:27) добавляют очень важное и всею крепостию твоею, то есть всею твоей окрепшей

Высшей душой. Любовное Соединение с Богом на языке психологии можно назвать осознанием Высшей души. Осознать Высшую душу – значит прилепиться своим низшим «я» к Высшему «Я». Любовь к Богу – это стремление к Нему, памятование Его и желание как можно более полного соединения с Ним. Выращивание *сознательно* любящей Бога части души, которая постоянно стремится к Этому Соединению, важный этап Пути.

Кульминацию христианского Пути символизируют два главных евангельских чуда: Преображение, то есть обретение Иисусом способности по своей воле находить своего Христа, или, другими словами, преображаться из Иисуса в Христа; и Воскресение – переход окрепшей Высшей души, которая закончила свою работу, к существованию вне тела.

Вера – это опытное, лично пережитое знание Христа, Высшей души. Это совершенно особое психическое (или, точнее, надпсихическое) состояние. Верить – значит открыть в себе Христа, Высшую душу – и тем самым стать Христом. Другими словами, Вера и Христос – одно и то же. И совершенно естественно, что Вера наделяет человека невысказанными (Божественными) способностями – движет горы, даже будучи величиной с горчичное зерно (от Матфея 17:20).

Путь к большой Вере проходит через множество маленьких вер, которые, сменяя одна другую, становятся все ярче. Но даже дальние подступы к Вере, когда Она еще только-только начинает брезжить, как солнце в густом тумане, – это очень яркие для нас состояния – «потолковые» для современных людей.

Разные христианства

Такая интерпретация христианства не нова. Конечно, приведенные формулировки в значительной степени мои, но эти смыслы можно встретить в работах многих христиан – как восточной, так и западной ветвей христианства, например, у Исаака Сирина, у Симеона Нового Богослова, у Бонавентуры, у Экхарта, у Григория Паламы, у Терезы Авильской. Но, хотя все это и *написано*, пока мы только-только приближаемся к тому, чтобы евангелия могли быть хоть сколько-нибудь массово так *прочитаны*.

Огромная идея христианства посеяна в наших душах очень высоко, в сверхсознании. Это то, что роднит всех христиан и что делает христианство близким и древним полудикарям, и современным интеллектуалам. Но, спускаясь вниз, в сознание разных людей, эта Идея взаимодействует с разными культурами и «одевается» в доступные этим культурам формы,

создавая в результате разные христианства: с разными мироощущениями и с разными религиозными культурами... А уж дальше каждый человек преломляет христианство своей культуры через себя. Так, не умея передать словами Главное, мы выхватываем из огромного Христианства свое маленькое христианство – понимаем слова, освященные традицией, так, как мы способны их понять. Но, хотя люди и не могут выразить Истину христианства словами, она все равно ведет их по жизни в одном и том же Направлении. Только – к разным «промежуточным станциям»: безжалостных – к состраданию, трусливых – к бесстрашию, ленивых – к служению, темных – к образованию, образованных – к мудрости...

Различия между разными христианствами часто настолько сильны, что бросаются в глаза даже человеку, мало искушенному в тонкостях церковной жизни. Одних христиан привлекает пышность церковного убранства, а других отвращает; одни плачут, услышав орган, другие – хоровое пение, а третьих любая музыка раздражает. Одних пространство церкви должно уносить вверх, других – вдаль, а третьим необходима теснота без всякой протяженности. Одним нужно, чтобы здание собора своим величием напоминало им о Боге, даже когда они смотрят на него издалека. А другим это совсем ни к чему. И поэтому одни строят огромные соборы, другие – крошечные церквушки, а третьи – сказочные теремки. И тот, кто молится на иконы в тесной церквушке, не может молиться «голым стенам» огромного собора. Есть христиане, для которых в службе важно не столько единение с Богом, сколько единение с себе подобными. Им мешают неверующие в храме, потому что они разрушают атмосферу собора, общности. А другим совершенно не важно, кто находится рядом, так как они целиком сосредоточены на проповеднике: им нужен направляющий перст – что делать, как жить, и главное для них, чтобы проповедь была хороша. Кому-то необходимо распластаться перед Богом в молитве и биться лбом о пол. Кому-то – целовать иконы и неистово креститься. А кому-то даже стоять неудобно. И тут дело не в боголюбии или искренности веры – Вера может быть у сидящего на мягкой скамейке и Ее может не быть у совершающего сотню поклонов за службу. За всеми этими различиями стоят разные мироощущения.

Вот оно-то – мироощущение – и заставляет душу резонировать с теми или иными словами Писания. Одних потрясают чудеса, других – заповеди, третьих – Путь к Богу, четвертых – ужасы геенны и возможность купить избавление от нее. У одних наворачиваются слезы от *Любите врагов ваших* (От Матфея, 5:44), а у других сжимаются кулаки от *Не мир я*

принес, но меч (От Матфея, 10:34). У одних душа поет при *Святится имя Твое* (От Матфея, 6:9) и *Твое есть Царство и сила и слава вовеки* (От Матфея, 6:13), у других – при *Да будет воля Твоя* (От Матфея, 6:10). Для одних главное – *Избавь нас от лукавого* (От Матфея, 6:13), для других – *Прости нам долги наши* (От Матфея, 6:12), для третьих – *Да приидет Царствие Твое* (От Матфея, 6:10).

Мы различаем обычно только некоторые христианства, например католичество и православие. А ведь не только греческое христианство непохоже на французское, но и испанское христианство совсем не такое, как мексиканское, да и от итальянского испанское христианство отличается существенно.

Мы привыкли думать, что христианство всегда было одинаковым и ничем не отличалось от нашего христианства. Мы привыкли думать, что пришел Христос и принес религию христианства, которая сохраняется и сейчас, через две тысячи лет. Но это только наша привычка. На самом деле сегодняшнее христианство и христианство двухтысячелетней давности – это совсем разные христианства. Мы сами стали совсем другими, и, по мере того как менялись мы, менялись и наши христианства. Христианство сирийца 2-го века было не таким, как христианство вестгота 7-го века, христианство палестинца 8-го века – не таким, как христианство француза 10-го века, а христианство испанцев 12-го века – не таким, как христианство русских 16-го. Более того, христианство итальянцев 20-го века совсем не такое, как христианство итальянцев 13-го века, – и не в том смысле, что верующих стало меньше, а в том смысле, что верующие стали другими.

Более того, это значит, что изменения в христианстве еще не завершены. Новое, будущее христианство грядет. И оно ждет своих апостолов.

Психотеология и будущее христианство

Теология, опирающаяся на психологию, а именно на высшую психологию (психологию духовности), которая и есть единственная настоящая психология развития, открывает двери для появления нового христианства. Конечно, слово «новое» не означает ни того, что этого христианства не было раньше, ни того, что раньше не было христиан, которые жили такой христианской жизнью. «Новое» означает массовое распространение психологического понимания христианского учения и рождение новой христианской культуры, которая не будет противопоставлять себя таким отраслям современной культуры, как искусство и наука, но будет сотрудни-

чать с ними (а иногда и вести их) в общем деле совершенствования человека. Более того, это новое христианство сможет закрыть пропасть не только между наукой и религией, но и между западным и восточным христианством. «Алгоритм» решения последней задачи может быть только одним: (а) извлечение глубинных смыслов христианства, которые в обеих христианских традициях закрыты множеством более поверхностных культурных пластов; (б) очистка этих смыслов от архаических форм их представления; и (в) создание новых форм выражения этих смыслов («мехов новых»). Первые шаги в этом направлении делаются уже сегодня (например, [6]) и они определенно будут продолжены.

Литература:

1. Зеличенко, А.И. Свет Жизни / А.И. Зелинченко. – М: Открытый Мир, 2006. – Текст есть на сайте: russkiysvet.narod.ru.
2. Зеличенко, А.И. Психология духовности / А.И. Зелинченко. – М: Изд-во трансперсонального института, 1996/ – Текст есть на сайте russkiysvet.narod.ru.
3. Зеличенко, А.И. Разговоры ученого с Учителем / А.И. Зелинченко. – М: Изд-во трансперсонального института, 2000. – <http://lib.ru/URIKOVA/ZELICHENKO/razgowory.txt>.
4. Успенский, П.Д. В поисках чудесного, – СПб: Изда-тельство Чернышева, 1992. – <http://psylib.org.ua/books/uspen03/index.htm>.
5. Ассаджоли, Р. Психо-синтез: теория и практика, – М: REFL-book», 1994. – Текст: psylib.org.ua/books/psyntez/psy01/index.htm.
6. Вламос, Ирофей, Православная психотерапия. – <http://psylib.org.ua/books/vlaho01/index.htm>.
7. Zelitchenko, A. Psychology-XXI Or XXII?.. Distinction, Models, Tasks, Methods / A. Zelitchenko. – North Charleston, SC: CreateSpace, 2009. – 236 p.

© А.И. Зеличенко , 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

ОБРЕТШАЯ СВОЕ ИМЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ЮБИЛЕЯ

В.А. Мазиллов. Ярославский государственный педагогический университет
(Ярославль, Россия), e-mail: v.mazilov@yspu.org

Сегодня мы живем «в зоне» грандиозного юбилея: так получилось, что психология отмечает один из важнейших праздничных дней, а дата оказалась немного «размытой». Я думаю, что это очень хорошо: с конкретной датой легко ошибиться – можно ее пропустить, могут помешать обстоятельства. Если дата «размыта», то празднование приходится именно на подходящий, приличествующий случаю момент. Итак, 500 лет прошло с тех пор, как появился замечательный термин для названия нашей науки «о возвышенном и удивительном» (как говорил великий Аристотель) – психология. Его сконструировал на латинском языке Марко Марулич, поэт, философ и гуманист.

Марко Марулич родился 18 августа 1450 года в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Создатель хорватской литературы, «отец хорватского ренессанса», Марулич – автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В 10-х годах XVI столетия Марко Марулич пишет трактат «*Psichiologia de ratione animae humanae*», в названии которого впервые используется слово «психология» (на латыни). Как отмечает А.А. Кроник, «труд этот не сохранился, но его название имеется в рукописной библиографии 18 работ Марулича, которую составил его младший друг-современник Франжио Бозичевич-Наталич. В библиографии Марулича труд «*Psichiologia de ratione animae humanae*» упоминается между названиями двух других рукописей: «*On the Kings of Dalmatia*» (1510 год) и «*Davidias*» (1506-1517 ? годы). Эти даты указаны на сайте: http://www.knjizevni-krug.hr/marulianum/mm_index.asp. Если всё это так, то «наш труд» был создан, вероятнее всего, между 1510 и 1517 годами, но, не исключено, что между 1506 и 1517. Юбилейные именины либо «скоро» грядут, либо «сейчас» отмечаются, либо «недавно» были: 500 лет нынешнему имени нашей науки (у нее, конечно, и другие имена были и, возможно, другие будут, но сегодня это «наука о душе» [1].

По большому счету, это замечательный повод оценить большой пройденный путь, высказать суждения о том, верно ли выбран путь. Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века мы можем констатировать, что психология, несомненно, приобрела статус самостоятельной научной дисциплины, хотя реально ведущего центрального положения среди других наук пока еще не получила. Приходится констатировать, что прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Одна из причин этого, на наш взгляд, состоит в том, что психология недостаточное внимание уделяет развитию своей философской методологии. Речь идет о философии психологии как части психологического знания. Термину «философия психологии» и в мировой психологии и, особенно, в психологии отечественной «повезло» значительно меньше, чем другим, относящимся к иным сферам знания: философии химии, философии биологии и т.п. Очевидно, существовали определенные причины, препятствующие оформлению философии психологии в самостоятельную отрасль возникающей психологической науки. Причины такого положения вещей достаточно очевидны: выделение психологии из философии происходило значительно позднее, чем в случае других научных дисциплин, а отделение «родственной» философии дисциплины, каковой, без сомнения, была психология, оказалось значительно более драматичным, чем предполагалось (подробно о философии психологии как ветви психологического знания см. в [4]).

Констатируем лишь, что даже во времена перестройки и более поздние, когда произошло смягчение идеологических требований, оказалось, что работ по философии психологии так и не появилось. Также подчеркнем, что возможность открыто заниматься философией психологии (как частью психологии) психологов не заинтересовала. Призывы к разработке философии психологии услышаны не были.

В новом веке ситуация изменилась. Философией психологии стали интересоваться философы, так как аспирантам начали читать курс «философия и история науки». В случае психологов, соответственно «философия и история психологии». Но собственно до философии психологии дело не дошло, поскольку был найден компромисс: весь курс для психологов разделили на три блока – философия науки, философия

социально-гуманитарных наук, история психологии. Таким образом, психологи снова «устранились» от разработки философии психологии. В итоге, по-прежнему философия психологии представлена как философия психологии «сверху» (от философии).

Нам уже приходилось писать о необходимости разработки философии психологии. Прошедшие с тех пор годы заставили нас убедиться, что разработка философии психологии как составляющей психологии по-прежнему необходима. В заключение настоящей статьи сформулируем некоторые положения, касающиеся философии психологии в современных условиях развития отечественной психологии. Обратим внимание на важность, с нашей точки зрения, определения соотношения между философией психологии и методологией психологии. Предпримем такую попытку.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. Не подлежит сомнению, что эти перемены будут, поэтому мы полагаем, что необходимо ставить задачу прогнозирования этих перемен. По нашему убеждению, решать эти вопросы должна философия психологии (или философская составляющая когнитивной методологии).

В когнитивной методологии можно выделить, по крайней мере, три уровня: философия психологии, собственно когнитивная предметная методология, методология психологического исследования. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других.

Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А.В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся.

Верхний уровень – философия психологии. Нам уже приходилось

писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии [4]. Дадим самую общую характеристику философии психологии как уровню когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета.

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии.

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже, по-своему, раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию «из будущего» (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И, последнее, может быть, самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным выглядит то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих

науку сегодня. Вряд ли стоит разъяснить, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществление цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

Литература:

1. Кроник, А.А. 500 лет названию психологии / А.А. Кроник. – http://services1.ht-line.ru/infolane/index.php?act=board&topic=1366_500222X6615_extresp=1.
2. Мазиллов, В.А. О предмете психологии / В.А. Мазиллов // Методология и история психологии: науч. журнал. – Т.1. – Вып. 1. – 2006. – С. 55-72.
3. Мазиллов, В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии / В.А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 149-155.
4. Мазиллов, В.А. О философии психологии как ветви психологического знания / В.А. Мазиллов // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы 6-ой Междунар. науч.-практ. конф., 19-21 ноября 2013 г. / под ред проф. Ю.П. Поваренкова. – Ярославль: изд-во «Канцлер», 2013. – С. 75-79.

© В.А. Мазиллов, 2013.

© *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 2013.

[Подписано в печать 23.01.2014]

ПСИХОЛОГИЯ БУДУЩЕГО СЕГОДНЯ.

Психологическая служба в образовательном учреждении^{26 27}

Н.Е. Сальникова (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: saln-nina@yandex.ru

Резюме. Эта статья подготовлена на основе обобщения публикаций автора в виртуальном психологическом клубе «Психологической газеты». Материал представляет размышления автора по актуальным проблемам психологической службы и развитию практической психологии образования в России. Представлен как взгляд из прошлого в будущее психологии в России.

Ключевые слова: история психологии, практическая психология, эссе, психологическая служба, будущее психологии.

В названии статьи представлена одна из ключевых тем обсуждения психологами во время подготовки к Саммиту 2014 года на страницах Виртуального Клуба. Это обсуждение побудило обобщить опыт работы в образовательных учреждениях разного типа через призму собственного опыта практикующим психологом, вернувшись к начальному периоду практики и взглянув с коллегами в будущее.

В 1988 году, меня, одного из первых практических психологов, попросили дать интервью для радио о психологической службе в образовательных учреждениях. Я работала в то время психологом в детском доме. Очень хорошо помню это интервью: я несколько дней готовилась к нему.

²⁶ **От редактора.** На портале «Психологическая газета» («ПГ» URL: <http://psy.su/>) уже несколько лет работает «Психологический клуб» («ПК» URL: <http://psy.su/club/forum/>). Нина Евгеньевна Сальникова - одна из активных участниц «клуба» и одна из тех энтузиастов, что стояли у истоков рождения психологической службы в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. По предложению ПГ ею обобщен материал по собственным сообщениям в ПК²⁶. На наш взгляд, получился довольно красивый и интересный материал. Этот материал можно было бы разместить под рубрикой «Воспоминания о будущем психологии». Воспоминания, поскольку это действительно реминисценция материалов дискуссий и обсуждений автора. Будущее – это размышления о будущем практической психологии в России [Леонид Чупров].

²⁷ С предложением о публикации выступила Юлия Анатольевна Смирнова – Выпускающий редактор «Психологической газеты».

(Посоветоваться было не с кем: практическая служба в образовательных учреждениях Петербурга (тогда – Ленинграда) будет создана только через несколько лет). Теперь я вижу: вопросы, заданные журналистом, в какой-то мере определили мой профессиональный путь. (Может быть, некоторые из этих вопросов стоит предлагать психологам на экзамене?)

Кратко обозначу самые важные темы в жанре интервью, отвечая из реалий **сегодняшнего дня** на те же самые вопросы, что и 25 лет назад, заглядывая в будущее психологии на 25 лет вперед.

Краткое содержание статьи.

1. Вопрос. Зачем нужна психологическая служба в ОУ?

Ответ. В наше время перемен детям и взрослым необходима поддержка специалистов. Особенно важно обратить внимание на следующие вопросы.

- 1) Психофизиологическое состояние детей, подростков, молодежи.
- 2) Социализация современных детей.
- 3) Ненасилие в школе.
- 4) Создание современной Молодежной консультации (половое воспитание).

5) Создание Школы доверия.

6) Бережное преобразование ОУ в творческий центр.

7) Поддержка взрослых.

2. Вопрос. Что с нами происходит? В чем причина равнодушия взрослых к горю детей? Как изменить ситуацию?

Ответ. Необходима системная неотложная помощь: важно обратить внимание на следующее:

8) Многих трагических событий в нашей жизни можно избежать.

9) Ответственное родительство. Усыновите собственного ребенка!

10) Культура.

11) Ориентация на эффективность в психологии.

12) Мы не используем свои возможности. В чем Ваше призвание? (Как я не стала министром).

3. Вопрос. Каким Вы видите будущее практической психологии?

Ответ. Есть огромный практический опыт. Его необходимо осмыслить, коллективно, создавая системный многовариантный проект психологии будущего. Самые важные вопросы:

13) Краткость. Психология за 30 секунд. 50+1.

14) Гуманное законодательство.

15) Модели современной психологической службы, а не стандарты.

16) Образ психологии будущего.

Вопрос. Зачем нужна психологическая служба в образовательном учреждении (детском саду, школе, детском доме)?

Ответ. (Кратко). Психологическая служба в школе не просто нужна, она необходима.

Почему? – Сейчас (конец 20 – начало 21 века), во время перемен, даже политики не всегда успевают осмыслить происходящее. В такие времена особенно важно осознание своего пути.

Что мешает современному человеку? – Очень низкая самооценка. Это одно из главных препятствий правильной и полной самоидентификации человека. Необходимо создание новой психологической службы поддерживающей человека во все периоды его жизни («От колыбели – к свадьбе»...). Перечислим самые важные темы.

1. Психофизиологическое состояние детей, подростков, молодежи

Мы знаем: здоровье детей за период обучения в школе ухудшается. Существуют, однако, программы восстановления здоровья (например, В.С. и Т.В. Коваленко «К здоровой семье через детский сад», 1995-2013).

1988 год – это воздух свободы, перестройка, инициатива, новые возможности. Совсем другие ситуации возникали в 1990-1993; 1998 годах. Недоедание, выживание детей и взрослых.

Приведу только один пример. Мы сочиняли сказки с детьми (1991-1993 гг.). Сюжеты неизменно возвращались к теме еды (метро из сыра, дождь из ягод, полянки с бутербродами). Понимающий директор школы, ознакомившись с результатами диагностики и рекомендациями психолога, приняла комплекс мер помощи детям.

Повсеместно отмечается, что уровень образования снижается (есть данные, что эта тенденция отмечается не только в России). Связано ли это с питанием детей в перестроечные годы? Возможно, необходимы комплексные оздоровительные программы для поколения детей перестройки?

2. Социализация современных детей

В 2002 году учитель второго класса просила меня помочь «невнимательному классу». Я провела рисуночный тест и выяснила, что все до единого учащиеся этого класса смотрели много страшных фильмов. От этих образов они не могли освободиться ни на уроках, ни на переменах. Мы провели родительское собрание по данной теме – ситуация стала меняться к лучшему.

В 1993 году меня пригласили провести занятия в экспериментальной группе детского сада. Воспитатели не могли найти общий язык с детьми. Выяснилось, что почти всем детям этой группы родители не читали сказки, предлагая детям взамен компьютерные игры («Сказки – глупые и несуразные», – говорили родители).

Специально для этих детей мы создали программу «Загадочные сказки». Детям (и некоторым родителям) эти занятия были очень интересны и полезны.

Сказки. В экстремальных ситуациях с детьми и взрослыми установить контакт помогали привычные сказочные образы русской культуры. Так появились сказочные циклы: «Времена года» (цикл из 12 занятий по сказкам А.Н. Афанасьева) для детей детского дома, начальной школы; «Загадочные сказки» (цикл из 9 сказок) адресован детям, не знакомыми с нормами общения, не читавшими сказок, много играющими в компьютерные игры. В 2014 году в нашей начальной школе поставлен спектакль на основе серии русских народных сказок. Автор цикла Л.С. Шишкина-Ярмоленко. По сути, этот цикл предшествует всем циклам сказок, созданных нами. Намечается и следующий цикл, включающий такие сказки как «Морозко», «Сказка о рыбаке и рыбке» и некоторые другие. (Опыт показывает, что эти сказки некоторым взрослым и детям не знакомы).

Думаю, после описанных выше циклов сказок, знакомство со сказками Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой будет более эффективным.

Игры. Необходимо пересмотреть предлагаемые детям игры. Мы знаем, как влияют образы на подсознание ребенка. Игра «Пятнашки» («ты с пятном, ты – плохой») и «Догонялки», согласитесь, разные игры. Об игре «третий лишний» и говорить нечего.

Музыка и слово. Эффективные системные арт-терапевтические занятия со студентами, учениками начальной и средней школы включают прослушивание музыки, рисование, ролевые игры, сочинение сказок, обсуждение текстов – стихов, рассказов, эссе детей, подростков, молодежи (2005-2014 гг.).

Сотрудничество с В.М. Элькиным в психологическом центре (1999 год) показало возможности музыкотерапии. Детей и родителей после 15 минут занятий с этим удивительным человеком было не узнать: глаза их сияли.

Стихи – концентрированные смыслы. Скорость мысли поэта огромна и соразмерна скорости мысли ребенка. Дети и взрослые мало читают.

Однако в литературе прекрасным языком описано множество ситуаций, значимых для молодых людей, будущих родителей.

Нет особенного желания читать? – Опыт библиотекарей-психологов показывает, что если предлагать детям одну книгу (не сборник), с картинками, с крупным шрифтом, ребенок начинает читать! Исчезает страх неуспеха.

Библиотерапия, кинотерапия со специально подобранными книгами, фильмами, в том числе, документальными, необходима практическому психологу.

3. Ненасилие в школе

Более половины моего времени в педагогическом колледже (2005-2010 гг.) уходило на реабилитацию вновь поступивших в колледж 9-11-классников, получивших психологические травмы в современных школах. (Фильм Валерии Гай Германики «Школа», 2010, поверьте, правдив).

Помощь пострадавшим требовалась от полугода до 2 лет, иногда 5 лет. В тех случаях, когда педагоги мне помогали, результаты были позитивными и даже потрясающими.

Вопрос соблюдения Прав ребенка в школе должен соблюдаться неукоснительно.

4. Создание современной молодежной консультации (Половое воспитание)

В 2000 году я училась в Стокгольме. Мы знакомились с опытом создания молодежных консультаций, встречались с объединениями разной сексуальной ориентации. (Некоторые директора школ Стокгольма пускали представителей этих организаций беседовать со старшеклассниками, некоторые – нет).

Коллектив молодежных организаций в Стокгольме: акушерки, андрологи, гинекологи, психологи. В Стокгольме программа однозначно результативна (половой дебют отодвигается к более старшему возрасту).

Как показало исследование, в Петербурге такой позитивный эффект не наблюдался. Я работала в первой Молодежной консультации Санкт-Петербурга в 2000-2001 году. Опыт показал: «Мы 10 человек спасаем, 100 развращаем, дезориентируем». С этим тезисом (и докладом) я выступила в Совете Федерации в 2004 году на «10-летие планирования семьи».

Специалисты из Швеции, всей душой желающие помочь нам, не понимают, почему нельзя их опыт перенести к нам, в Россию. Спорить бесполезно.

Для самоидентификации молодежи нужна программа, созвучная нашей культуре. Очень важна для молодежи форма учреждения. Приведу один пример. Я работала в школе в старших классах и одновременно в Молодежной консультации. Знакомство педагогов и старшеклассников с Молодежной консультацией в районе проходило организованно: все школы по расписанию приходили знакомиться с нами. В районе меня узнавали молодые люди («Это она! Она!»), записывались на прием на улице, в автобусе. А в школе такая же молодежь приходила на консультации редко.

В 50% случаев мне удавалось помочь молодым людям изменить решение в выборе партнера в направлении традиционной ориентации, создании семьи. А некоторые 9-классники во время моих бесед о любви и дружбе забывали забрать «подарки для взрослых», полученные от медиков.

Предложения.

1) Молодежные консультации в больших городах нужны. Потребность в них у молодежи огромная. Но они (М.К.) должны быть встроены в нашу культуру. (Об особенности характера русских см., например, работы Д.С. Лихачева). Руководителями молодежных консультаций должны быть психологи, не медики.

2) Необходимо создание объединения специалистов, создающих просветительские программы для будущей семьи, молодой семьи. Мы создали программу «Диалоги о Любви» (см.: Сальникова Н.Е. Работа с детьми. Школа доверия. СПб.: «Питер», 2003).

3) Должно быть нормой бережное просвещение подростков и молодежи по вопросам половой идентичности уже дезориентированных сверстниками, СМИ.

4) Создать систему образования и воспитания в России, в основе которой такие ценности, как «возрастание в любви», мудрость, правильное поведение (и праведное), честность и искренность... Важной частью этой программы будет соответствующая литература, фильмы. В классической литературе описаны ситуации, важные для социализации, духовного становления молодых людей.

5) Нужно приучать к чтению с детства, воспитывать вкус. Большую помощь могли бы оказать библиотекар-арт-терапевты.

6) Сотрудничество, взаимопонимание с родителями – необходимо. Создание Института Семьи для одаренных родителей (ответственных и счастливых родителей) – одно из направлений современной формы сотрудничества с взрослыми.

7) Стоит вернуться к достижениям советской психологической науки, в частности, диагностике уровня самоидентификации детей. Так, например, 6-летнему ребенку задавали вопрос: «Кто ты?» Нормой считался ответ: «Я - мальчик (девочка); мне 6 лет; меня зовут...».

5. Школа доверия

В последнее время появляются родители, опасющиеся психологической диагностики детей и подростков в ОУ. Это создает ряд трудностей при проведении диагностики с классом, занятий с учениками. Каков выход? – Создание Школы Доверия (до – веры, независимо от принадлежности к той или иной конфессии).

Доверие устанавливается благодаря авторитету и профессионализму психолога, поддержке педагогов и администрации. Создание атмосферы доверия в образовательном учреждении – важнейшее условие успешной диагностики (дети и взрослые все расскажут сами), быстрого решения проблем (подростки все знают), профилактики и просвещения (дети получают информацию о вариантах оказания первой помощи в кризисных ситуациях для себя и тех, кто рядом).

В книге автора данной статьи «Работа с детьми. Школа доверия» представлены 7 направлений и программ занятий с детьми и взрослыми (родителями, педагогами), важных для создания атмосферы творчества, безопасности и доверия детей и взрослых.

6. Бережное преобразование ОУ в творческие центры

Образовательные учреждения различаются между собой, как и люди. Психологу необходимо учитывать историю учреждения, особенности коллектива, место расположения ОУ, ожидания родителей и учащихся и другие факторы.

Об идеальной школе, с которой мне посчастливилось встретиться, см. сайт www.zhivoezero.ru («Тёплые письма»).

Современная школа в большинстве случаев – усталая школа. Обновление необходимо. Это возможно в первую очередь в новостройках, в школах после капитального ремонта. Желательно пригласить специалистов – тех, кто «настроит» школу, сократит период разброда и шатаний ...

Наш проект «Модель психологической службы «Экология человека» на Конкурсе инновационных продуктов стал победителем Конкурса в Санкт-Петербурге в 2009 году и был рекомендован для внедрения в школах Санкт-Петербурга.

– Материалы опубликованы: в материалах конференции «Инновации петербургской школы» в 2009 г. (Комитет по образованию Санкт-Петербурга). – (Каждая школа получила сборник в 2010 году); в журн. «Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования (2010, № 3, стр. 78-91) – «Модель психологической службы «Экология человека» в современном образовательном учреждении» (effektiko.ru).

Дополнительно к опубликованным материалам я бы предложила экспресс-диагностику школ: какие проблемы решаются, какие программы нужны для данной конкретной школы, чтобы помочь осуществить их. (Разные дети приходят в образовательное учреждение, а через некоторое время появляется нечто общее у всех учащихся. Что же изменяет учеников и родителей, имеющих разный менталитет, проблемы? – Атмосфера школы (класса). Её можно измерить, целенаправленно изменять вместе с коллегами, родителями, старшеклассниками). Это направление, на мой взгляд, самое перспективное.

Жаль, что объединение учреждений осуществляется пока без участия психологов. Поддержка психологов помогла бы учесть наработки обоих учреждений, сохранила бы лучшие традиции ОУ и здоровье педагогов.

Новой, обновляющейся школе необходима помощь, защита, понимание ее трудностей. Возможно, нужен Общественный Комитет Инноваций, курирующий обновляющиеся школы. Думаю, аттестация в таких школах также может проходить более гуманно.

Любой руководитель, который что-то бережно изменяет к лучшему, испытывает огромные трудности. Я знаю это и из собственного опыта. 2-3 месяца мне, по сути, пришлось быть директором детского дома (пока РО-НО не назначил нового директора). Управление было коллегиальным, очень эффективным.

Особая просьба. Предлагаю не рассматривать анонимные письма.

7. Поддержка психологов необходима каждому пятому взрослому

Наблюдения в течении более чем двух десятков лет показывают, что количество взрослых, нуждающихся в поддержке, составляет 20-25%.

В 1993 году я провела опрос более 100 родителей. Выяснялось, были ли в их жизни критические ситуации, которые изменили их жизнь. Результаты опроса были следующими: около половины родителей в том

или ином возрасте оказывались в очень сложных, подчас трагических обстоятельствах. И около половины, оказавшихся в трудных ситуациях, справились с ней, стали мудрее: кризис стал позитивным катализатором перемен в жизни. Остальных взрослых кризис привел к депрессии, из которой они не сумели выйти в течение нескольких лет.

Вопрос 2. Что с нами происходит? В чем причина равнодушия взрослых к горю детей? Как изменить ситуацию?

Ответ. Необходима системная неотложная помощь семье, детям и взрослым. Мы не используем свой человеческий потенциал, потому достижения культура и науки, поиск своего призвания не в центре наших поисков.

Вот письмо психолога. «27 января 2014 года, в день 70-летия со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, вся страна со скорбью вспоминала 900 дней ленинградского ужаса – голода, холода и нечеловеческих страданий многих тысяч людей. И именно в этот день в бывшем Ленинграде нашли умершую от голода 5-месячную девочку, молодая мама которой оставила её без присмотра на 12 дней, чтобы повеселиться с друзьями...

В голове не укладывается это сбивающее с ног совпадение! И без того огромная непоправимая беда гибели брошенного матерью младенца на фоне истории военной блокады становится укором всему современному мирному обществу. Укором страшным, как стон умирающего от голода младенца! Укором непреклонным, как прошедшее время, событий которого нельзя изменить... Может быть, я позволяю себе излишне эмоциональный тон. Но именно этот накал эмоций заставляет меня задуматься: **что с нами происходит? Что со всеми нами происходит?! Почему современная красивая молодая мама может равнодушно оставить младенца умирать?... Что можем сделать мы – психологи? И можем ли хоть что-то?...»** (психолог А.Г.).

25 лет назад такой же вопрос задала пожилая женщина: «Что с нами происходит? Детских домов становится все больше...» Редакция газеты предложила мне написать письмо этой женщине. Я написала письмо, но не отправила. Отвечаю сейчас на оба письма.

8. Многих трагических событий в нашей жизни можно избежать

Многoletний опыт убедил меня, что некоторых трагических ситуаций могло бы не быть: им предшествуют предупреждения для окружающих людей и для самого главного виновника события. Нужно быть лишь внима-

тельным, уметь слушать и слышать, видеть, молниеносно или хотя бы очень быстро действовать.

За эти 25 лет практической деятельности, побывав на огромном количестве конференций, семинаров, я знаю цифры, тенденции, угрозы для детей и их родителей, для школы. Эти цифры ужасающи. Понимаешь: необходимо действовать, иначе утонешь в депрессии.

Да, проблема Детства – главная, требующая нашего действенного внимания. Но мы ее как бы не замечаем: «Пройдет само. Справились же в советское время с бездомностью. Появился же Макаренко, появится и сейчас кто-то...». Другое самое утешительное суждение выглядит так: «Всегда так было... Нас воспитывало государство (школа). И ничего, мы выросли... И теперь пусть школа и государство...».

Отвечу на оба суждения так. Анализ очень сложных ситуаций показывает, что если какая-то проблема воспроизводилась в 3-х-4-х поколениях (например, нежелание и неумение прощать, зависть, негативный сценарий жизни), то психолог, общество помочь без активного включения в решение проблемы самих родителей не смогут (смогут, но... ценой собственного здоровья, жизни).

Поэтому главное направление для современных родителей: «Усыновите собственного ребенка! Только вы можете ему помочь. Психолог же может быть советником». Это обращение и к педагогам, и к психологам. Внимание к своим собственным детям у них не всегда на самом первом месте.

9. Ответственное родительство.

Усыновите собственного ребенка!

Усыновите собственного ребенка! Мы хотели именно так назвать книгу или главу книги, но решили, что это название будет слишком резким. Тема «усыновления» собственного ребенка осталась внутри нашего проекта «Институт Семьи».

Проект представлен в книге «Уроки Светописи. Ясная книга. Время Семьи в пространстве природы», «Тускарора», 2013, а также на сайте www.zhivoeozero.ru, на конференциях, статьях 2013-2014 гг. Пока, к сожалению, наш проект не получил сердечного внимания читателей и специалистов, организаторов конференций и конкурсов, психологов и педагогов, ответственных людей, уже знакомых с нашим проектом. Однако наш сайт посещает все больше людей, а, значит, есть надежда, что мы объединим-

ся на СОЧУВСТВИИ к детям с целью предупреждения таких трагических историй.

«Семья – исток и источник, дающий силы и энергию жизни. Это учебник для выстраивания отношений с миром...» (О.А. Фабричева).

«Я приветствую Новое гражданское сообщество (Институт Семьи), целью которого является укрепление семьи и семейных ценностей...» (О.Д.).

Многие проблемы, которые приходится решать психологам, администрации школы ДОЛЖНЫ решать родители. Дети ДОЛЖНЫ приходиться с выученными уроками, родители ДОЛЖНЫ научить детей общению, плавать, читать, благо курсов, программ, возможностей для этого много.

Уважаемые, дорогие коллеги! Знаете ли Вы, сколько родителей приходит в школу что-либо требовать у учителей, администрации (кричат, никого не слышат, звонят в выходные дни, угрожают учителям?) Конечно, этих родителей жаль: кто же в хорошем настроении, радостный и счастливый, захочет разрушить гармонию в себе и вокруг себя? - Эти родители несчастны.

Наверное, нужен (небольшой) тренинг- семинар в рамках курсов повышения квалификации для всех сотрудников сферы образования: общение с «трудными» людьми, нуждающимися в помощи и поддержке.

«Лето – это маленькая жизнь». Родители могут помочь детям в этот счастливый для всех детей период. Мы создали программу дистанционного обучения «Напутствие на лето». Первая часть программы представлена на сайте ЛОИРО.

10. Культура

Культура – это и открытость новому: человеку, знанию, искусству, своему опыту. Школа, в которой нет «сильного» преподавателя музыки, «грубовата», в ней психологам и педагогам очень трудно, а решить многие сложные ситуации просто невозможно. Культура – это и отношение к детям, пожилым, мудрым людям. Появляются прекрасные передачи на эту тему... Культура – это уважение к чужой собственности, в том числе интеллектуальной... Есть бытовая культура (взаимодействие с людьми в бытовых ситуациях, в организации, на природе)... Культура проявляется и в уважении другой религии, философии.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ. Многие вопросы, с которыми психологи имеют дело, были уже поставлены и РЕШЕНЫ. Например, А.С. Пушкиным (красота, слово, власть...).

Ключевые понятия, концепты: Душа, Совесть, Любовь – центральные в культуре. Говорят ли о них родители, учителя, психологи? Есть ли они в энциклопедиях, адресованных детям? взрослым? Посмотрите, Вы удивитесь...

Права Ребенка, Права Человека выстраданы нашими предшественниками. Некоторые педагоги и психологи, родители как будто бы не знают, не слышали об этом. – Они отстали во времени на десятки лет.

СЛОЖНЫЕ СИТУАЦИИ. Сложные, очень сложные проблемы... Решение и для них есть. Всегда есть одно решение или даже несколько. Лучшее из них обычно самое простое. Почему простое? – Мы всё усложняем...

ВСЁ ПЕРЕЧИСЛЕННОЕ ВЫШЕ – ВМЕСТЕ создает «плотную» атмосферу в школе, районе, городе, стране: оказывается **НЕВОЗМОЖНЫМ** поступить так, как сделала молодая мама...

Чем помочь молодой маме? Поможет ли наказание? Здесь много вопросов. Нужно много сердечности к молодым людям. Милосердия! И просветительских программ, обжигающих-очищающих сердце.

Необходимо одухотворение Культурой на всех этапах становления человека, с тем, чтобы ребенок осознал себя и свое ближайшее окружение, объединяясь с родными, друзьями, коллегами на позитивных ценностях.

11. Ориентация на эффективность в психологии

Роль психологии должна быть очевидной для педагогов, родителей, руководителей разного уровня. В атмосфере доверия результаты более заметны, однако и в такой школе желательно показать эффективность работы психологической службы. Эти критерии должны быть обозначены, обсуждены психологическим сообществом.

Стоит создать банк диагностических, творческих заданий для ОУ разного типа.

Сейчас, как и несколько лет назад эксперты констатируют, что коррекционно-развивающий эффект многих программ, созданных психологами, не очевиден. (Да, эти задания помогают установить контакт, снять напряжение, что, конечно, необходимо.)

Важно понимать границы возможностей психологии. Я имею в виду очень сложные ситуации, в которых необходима помощь священников. Вряд ли мы могли найти положительное решение, изменить трагические ситуации к лучшему без их содействия. Одно время я сотрудничала со

священником одного из Храмов Санкт-Петербурга. В некоторых случаях священник направлял семью ко мне, я – к священнику. (Не могу не рассказать о такой ситуации. Один из самых умных старшеклассников перед тем, как войти в школу стал вдруг... молиться. В какой-то момент он осознал, что школа – очень неблагополучное место для детей). Многим детям детских домов также необходима помощь, как психолога, так и священника.

Перспективно психологическое просвещение (телевидение, СМИ) по вопросам психологии, возможностям решения сложных ситуаций. Много ли таких ситуаций нужно обсудить? Минимум – 600.

12. Мы не используем свои возможности.

В чем ваше призвание?

(Как я не стала министром образования)

Я обращаюсь к каждому читателю, к каждому ДРУГому (другой - однокоренной к слову «друг»). Вы можете что-то сделать в одном из перечисленных выше направлений. Это не «малые дела», а дела ответственных людей – ответственных за себя и близких. Призвание (от слова призван) есть у каждого. Знаете ли Вы свое призвание?

Одна из *моих* тем – поиск объединяющих идей и образов, помощь в безвыходных ситуациях. Среди *моих* трудностей назову одну. Как показал тренинг (Форверг, 80- г. 20 века), я предлагала правильное решение, но не умела убедить, сказать так, чтобы меня услышали. (

«Вы можете быть министром», – определил мое будущее один из специалистов. Он был настойчив, обсуждая со мной варианты профессиональной деятельности в 1991-м году. Я не публичный человек, заключение специалиста привело меня в ужас. Поразмыслив, я решила создавать проекты и программы, смотреть на вещи пошире, участвовать во всех проектах, которые предлагает жизнь, выполнив, таким образом, свое предназначение. – Надо сказать, что я, обычный психолог – не кандидат наук (аспирантуру закончила, но не защитила диссертацию, ушла работать в детский дом) – в 2004 году выступала в Совете Федерации, выступала в Министерстве образования, участвовала в Общественно-церковном форуме; позже консультировала специалиста в Госдуме. (Приглашения в Москву я получала от частного лица, от общественной организации «Жизнь» и др. – сама я не проявляла никакой инициативы).

В самом начале своей практической работы в детском доме я написала небольшую программу «Азбука Жизни», объемом 12 страниц («Шелком шелестел дождь. // На Земле еще не было трав, цветов, пчел //...»).

Позже эта программа стала основой нескольких проектов. Образно-ритмический текст направляет наши поиски, определяя огромную скорость и полноту жизни, успешность в профессиональной деятельности, не дает покоя.

Если человек на своем месте, он не боится сотрудничать с коллегами-специалистами в данном направлении, сотворчество дает огромные возможности в качестве и скорости решения проблемы.

Трагическая гибель ребенка – призыв к нашей совести: «Проснись, Душа! Действуй! Ты можешь многое... очень многое... почти все... ВСЁ!».

3. Вопрос. Каким Вы видите будущее практической психологии?

Ответ. Есть огромный практический опыт, в том числе представленный на Саммите. Его необходимо осмыслить, коллективно создавая системный многовариантный проект. Следует обратить внимание на следующее.

13. Краткость. Психология за 30 секунд. 50+1

Книга «Психология за 30 секунд» (авторы: Вон Белл, Мошеб Костанди, Кристиан Джарретт, Дейв Мангер, Том Стаффорд) пользуется спросом. В ней представлены 50 современных, практически ориентированных теорий психологии. Мы предлагаем еще одну, самую главную, объединяющую представленные 50 теорий. В основе этого творческого задания – метод вопросов, обращение к своей совести и возвращение к главному – к Любви (задание 20 шагов), силе спокойствия, «жизни не ниже радости», «душе, которая все знает».

(Об этом подробнее – в отдельной статье).

14. Гуманное законодательство

В течение многих лет провожу диагностику эмоционального выгорания учителей, помогаю, как могу. Через 5 лет признаки эмоционального выгорания проявляются у значительной части молодых специалистов...

Знаете ли Вы, сколько нужно подать документов, чтобы пройти аттестацию? Все эти документы готовятся в свободное от работы время. (Пишу и вижу такую картинку: учитель начальной школы в столовой с детьми второго класса ест... стоя. Некоторых детей нельзя оставить ни на минуту). А учителя должны читать, бывать на концертах, ходить на лекции, учиться

А взаимоотношения аттестационных комиссий Ленобласти и Санкт-Петербурга? Ленобласть и Санкт-Петербург как два государства. Об инди-

видуальном подходе к опытным учителям речи нет. Пройти аттестацию невозможно, если работал в Петербурге, а теперь – в Ленобласти. По положению, аттестацию нужно проходить по месту работы, проработав 3 (!) года (и получить первую категорию). Не учитывается ни опыт, ни стаж, ни проекты, ни участие – и победа, гранты – в городе, регионе, международных конкурсах. И что же? Зарплата, вы не поверите Намного ниже средней.

Да, есть учителя, с которыми школа должна расстаться. Они нарушают Права Ребенка. Обычно, такие ситуации – потенциальная и реальная угроза для жизни ребенка. Все вместе (педагоги, родители, администрация, ученики) вынуждены работать с запредельным напряжением, если в школе есть такой учитель. А вот уволить такого учителя практически нельзя. Уволенные учителя подают в суд, их восстанавливают, школа выплачивает огромную компенсацию. На этих учителей и созданные ими ситуации уходят безвозвратно силы, здоровье, время огромного количества людей.

Психолог должен быть защищен от перегрузок. Желательно курирование начинающего психолога более опытным коллегой, нужен Совет Психологов для профилактики и оказания помощи в экстремальной ситуации.

Отчетность необходимо уменьшить!

Сейчас в школах работают учителя, имеющие огромный опыт, но очень уставшие, или молодые Учителя в школу идут неохотно. Проблема материальной поддержки, по-прежнему, актуальна. Многие молодые учителя дополнительно где-то работают. А как иначе? На зарплату учителя (ставку) не прожить.

Во всех образовательных учреждениях есть учителя, получившие педагогическое образование как второе. К сожалению, современные программы повышения квалификации (второго образования) не дают этим учителям достаточных знаний психологии ребенка, предупреждения и решения конфликтных ситуаций. Психологу в школе приходится очень много времени уделять этим учителям (много конфликтов с родителями и детьми).

Необходима поддержка учителей: каждый – драгоценность. У меня и коллег есть позитивный опыт составления индивидуальных реабилитационных маршрутов для учителей. (В 1994-1996 году я работала в Институте образования взрослых. Одним из направлений деятельности в тот

период было создание программ повышения квалификации для педагогов, приехавших в Петербург из Сибири).

15. Модели современной психологической службы

Стоит создать проект «Модели психологической службы в ОУ региона». Сколько нужно ОУ для эксперимента? Не менее 16. Экспериментальная апробация даст возможность рекомендовать разные модели психологическим службам с учетом их особенностей. Экспериментальные объединения «Детский сад – школа» обмениваются опытом, методиками и пр. Необходимо сотрудничество с экспертами, защита ОУ, особый статус таких школ. Важно: кто возглавит такую работу. Один из специалистов, уже работающих в этом направлении – психолог Л.А. Волга (ЛОИРО).

Кураторство А. Каганер могло бы достойно представить эту работу в «Психологическом клубе».

Важно, чтобы в создании разных моделей принимали участие психологи с базовым психологическим образованием с привлечением консультантов: преподавателей разных предметов, ученых, администраторов разного уровня.

Стандарты в работе психологов в школе стоит свести к минимуму.

«Не навреди!» – остается первым правилом для психолога.

16. Образ психологии будущего

Надеюсь, что многие вопросы, затронутые в данной статье, найдут решение в ближайшие годы, психолог станет главным помощником детей и взрослых в раскрытии их творческого потенциала. Объединять нас будет в первую очередь творчество, а не трагические события.

Мы убедимся: семья, действительно, учебник жизни. Институт Семьи будет процветать. Образование, полученное в этом Институте, будет самым ценным.

Все большую роль будут играть интегративные уроки, неизменным участником которых будет психолог. (См., например, беседы Михаила Казиника – скрипача, просветителя, искусствоведа, «Уроки Светописи. Дом Бытия», 2010).

Гармония с собой (а значит и с другими) станет естественной и простой практикой. Успокоить дыхание – значит быстро изменить свое состояние. («Как мы дышим, так и пишем»).

Музыка, речь, фильмы очень быстро изменяют наш настрой. СМИ могут в этом направлении многое. Например, я бы предложила начинать

телерепортажи, ориентированные на обсуждение конфликтов, с позывных мира, с музыки, исполняемой, например, на дудуке.

Психологи поймут: необходима помощь не только ребенку, семье, но и природе. Проект «Жить БлагоДаря Природе» станет естественным для современников.

В школу вернутся приусадебные участки, в которых дети будут с радостью сажать цветы и деревья, познакомятся с принципом «Пермакультуры» Зеппа Хольцера.

Золотое правило этики, одинаково (похоже) сформулированное разными религиями («Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой»), будет очевидным для всех.

Открытая защита диссертации (по желанию диссертантов-психологов) может проходить при участии СМИ, так что слушателями могут быть все заинтересованные взрослые. (А какой просветительский эффект!)

Душа, Совесть, Любовь в психологическом сопровождении и в жизни займут достойное место, а эмоциональное выгорание останется в прошлом (как и прекрасные образы безруких и безголовых женских скульптур).

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА или МИФ О ПСИХЕЕ И АМУРЕ

Психея (Ψυχή) — в греческой мифологии олицетворение человеческой души, которую любит Эрот (рим.: Амур, Купидон), представлялась в образе бабочки или молодой девушки с крыльями. У нее были сложные отношения с Амуром: то ее преследовал Эрот, то она мстила ему за преследования, то между ними была нежнейшая любовь. Апулей в своих «Метаморфозах» сделал Психею и Эрота героями народной сказки, вариации которой встречаются в литературах разных народов. Греческое слово «П.» означает «душа» и «бабочка» (Аристотель, История животных, IV 7).

По странному ли стечению обстоятельств, или по заложенному еще в древности «жизненному сценарию», но история отечественной психологии (да и не только отечественной) в чем-то повторяет перипетии этого мифа.

Земная девушка, хоть и царского, но не олимпийского происхождения, пленявшая своей привлекательностью и вызывающая зависть даже у сестер, обманутая ими, проходит череду испытаний и тяжелого труда, пока не получает прощения от Афродиты - матери Амура

и, наконец, обретает бессмертие на Олимпе.

Антонио Канова «Амур и Психея». В каталоге Лувра скульптурная группа названа «Психея, разбуженная поцелуем Амура» (*Psyché ranimée par le baiser de l'Amour*).

© Н.Е. Сальникова, 2014.

© Л.Ф. Чупров (редактура), 2014.

© «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine», 2014.

— ● —

У ИСТОКОВ ПСИХОЛОГИИ²⁸

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

Психологи ныне всматриваются в будущее, стремясь увидеть и, наметить контуры «психологии третьего тысячелетия». Те, кто надеется ее создавать, обращение к прошлому своей науки нередко считают «условностью хорошего тона», без которой можно, пожалуй, обойтись – «короткая история», услышанная на студенческой скамье, явно пасует перед грандиозностью замыслов, а «огромная предыстория» известна, увы, больше философам, историкам культуры, литературоведам, чем «психологам по диплому». Даже при желании узнать эту предысторию трудно: книг – много, учебника – нет, а из 20-30 страниц по истории древней и средневековой психологии в имеющихся учебных пособиях запоминается лишь то, что она «донаучна» – не место ей, следовательно, в современной и тем более в будущей науке.

Но вдруг – специально для студентов, аспирантов и исследователей-психологов – появляется «История психологии древнего мира и средних веков» [1]. Выход ее неожиданен (уже тем, что она – первая), хотя автор – преподаватель Киевского университета В.В. Роменец – знаком читателю. Его предыдущее учебное пособие [2] раскрывало в основном психологию XIX–XX вв., новая работа – многовековой период формирования психологической мысли вплоть до XIV в. С первых страниц чувствуется высокое уважение автора к достижениям этой мысли, мудрое звучание которой сегодня даже редко слышат. «История психологии, – формулирует автор свое кредо, – дисциплина, которую можно полноценно раскрыть, связав ее с историей культуры в целом на основе проблемы человека» [1, с. 6].

Единство психологии и культуры – первый основополагающий

²⁸ © Кроник, А.А. У истоков психологии / А.А. Кроник // Психологический журнал. – 1986. – Том 7. – № 4. – С. 150-152 / пер. на англ.: Kronik, A.A. Tracing the Roots of Psychology / A.A. Kronik // The Soviet Journal of Psychology: A cover-to-cover translation of Psikhologicheskii Zhurnal. – 1987. – Vol. 7. – № 4. – P. 693-695.

принцип историко- психологической концепции В.А. Роменца. Эта идея позволяет автору находить добротный материал в самых разных пластах культуры – в философии и истории, в мифологии и религии, в художественной литературе и живописи, в науке и искусстве в целом. Блестящий образец такой работы — психологический анализ автором старинной легенды о Тарквинии и Лукреции, в котором использованы десятки философских, литературных, живописных и музыкальных произведений от античности до XX в. [1, с. 18-40].

Второй фундаментальный принцип авторской концепции – единство истории психологии и логики человеческого поступка. Поступок, с точки зрения Роменца, ключевая психологическая категория, которая позволяет понять историю и пути развития психологии. Три обязательных компонента поступка – ситуационный, мотивационный, действенный – задают соответствующие позиции его психологического анализа. В начальный период истории культуры акцент ставился на анализе роли ситуации в определении поступка, затем (в эпоху Возрождения и Новое время) – на его мотивационных детерминантах, а в XIX–XX вв. – на рассмотрении самих действий. «Смещение этих акцентов составляет в самых существенных чертах содержание истории психологии: оно является переходом к новой позиции видения, с которой поле данной дисциплины открывает свое возрастающее богатство» [1, с. 18].

Исследователям психологии творчества интересно было бы знать, как родилась у их коллеги [3] столь ясная и вместе с тем оригинальная историко-психологическая концепция. Что было первым: анализ легенды, в котором обнаружились ступени движения психологических интерпретаций, или сами эти ступени (ситуация, мотивация, действие), возвращенные из современной психологии в ее историю? При любом ответе встреча идей оказалась плодотворной – в психологии обрели свое почти утраченное место Цицерон и Овидий, Августин и Лоренцо

Валла, Шекспир и Рубенс, Пушкин и Франко, а вместе с ними вся человеческая культура с ее выдающимися именами и безымянными памятниками.

Кроме Легенды и Поступка в этой встрече участвует еще одно действующее лицо – Диалектика. Благодаря мастерскому владению ее законами в книге удастся показать живое биение психологической мысли в противоречиях ситуационного, мотивационного и действенного подходов к пониманию природы поступка. Автор как бы раскручивает спираль исторического развития психологии, каждый виток которой соответствует

определенной форме поступка.

Начало этой спирали – мифологическая и народная психология, которые ставят акцент на анализе роли ситуации в поступке, объявляют ее абсолютно значимой для человека. Ситуация всеобщих значимостей последовательно отражается в фаталистических, магических, табуистических представлениях и, наконец, превращается в ситуацию конфликтных противопоставлений человека миру. Именно ситуация конфликтов рождает представление о душе и приводит к возникновению философской психологии. Древнекитайские учения о традиции и поступке-ритуале, древнеиндийские воззрения на страдание и нирвану, античные идеи о соотношении микро- и макрокосмоса обозначают основные вехи психологического анализа ситуации конфликта в древнем мире.

В средние века внешние противопоставления бытия – небытию, жизни – смерти, бога – человеку осмысливаются как внутренние противоречия самой человеческой души. С этого момента ситуация человеческою поступка из конфликтной превращается в коллизийную, которая не только оставляет человека беспомощным в решении жизненных противоречий, но обрекает его на глубокие переживания в непримиримой борьбе добра и зла, греха и святости в собственной душе. Средневековые взгляды на коллизийность поступка даже для многих специалистов – «белое пятно» в истории психологии. Поэтому воздадим должное автору книги, сумевшему сделать историко-психологическое открытие патристической психологии и детально описать схоластическую.

Движение психологической мысли от анализа ситуации значимостей (раздел 1) к ситуации конфликтов (раздел 2) и коллизий (раздел 3) составляет основное содержание «Истории психологии древнего мира и средних веков». Останавливаться на нем подробнее равносильно пересказу книги. Лучше ее перечитать, не дожидаясь обещанного автором следующего тома – «Психология Возрождения и Просвещения». В своей историко-психологической концепции, изложенной в обширном (на 70-ти страницах) введении к работе, В.А. Роменец достаточно зримо выделяет наиболее существенные черты психологии XI–XVIII вв. Здесь в центре внимания уже не ситуация поступка, а его мотивация, борьба мотивов и принятие решения. Мотивационные детерминанты поступка раскрываются в образах Фауста, Дон-Кихота, в психологии титанизма, в гамлетовском «быть или не быть», в эмотивистской, монадологической, интеллектуалистической и волюнтаристической психологиях.

Очередной виток спирали – становление в XIX–XX вв. научной

психологии, которая через принципы адаптации и творчества восходит к личности. Акцент на исследовании творческой личности знаменует, согласно Роменцу, последний этап психологического познания механизмов и структуры поступка в его собственных границах. Перед психологией открываются теперь новые рубежи с центральной идеей «жизненного пути личности» – «перманентного развития поступков, когда завершение одного ставит человека в определенные противоречия с миром, которые и преодолеваются в поступке следующем» [1, с. 87].

Хотя идея жизненного пути «стара как мир», ведущей тенденцией, считает автор, она становится лишь в XX в., а доминантой психологического мышления ей еще предстоит стать. В современной и будущей «психологии жизненного пути» сняты (в диалектическом смысле) достижения всей ее истории: «сам жизненный путь определяется уровнями развертывания ситуативных отношений — включения человека в водоворот жизни, уровнями развертывания мотивационных отношений, где одной из наиглавнейших проблем выступает именно в ы б о р жизненного пути из бесконечного числа ситуативных привязанностей, и, наконец, уровнями *действенной реализации* этого выбора» [1, с. 87].

Таковы в общих чертах этапы исторического развития психологии согласно разрабатываемой в книге концепции. Пора дать ей имя: «принцип поступка» – кратким термином ограничивается сам автор, «психология поступка в истории культуры» – более полное, на наш взгляд, ее наименование.

Взгляд автора на истоки психологии далеко не бесспорен. Ее историки чаще подчеркивают влияние естественных наук на эволюцию собственно психологических идей. На наш взгляд, нужно спорить о формах соотношения культурно-исторических и естественнонаучных детерминант, наладить плодотворный «диалог» между приверженцами обоих точек зрения. Это позволило бы активизировать историко-психологические исследования, глубже понять закономерности и механизмы развития психологических идей. В частности, предметом дискуссии могла бы стать *история психолого-биографических исследований творческой личности*, которые определяют «зону ближайшего развития» мировой психологической науки.

«История психологии древнего мира и средних веков» издана на украинском языке. Нет сомнения, что русское переиздание этой ценной книги, сделав ее доступной более широкому кругу читателей, будет способствовать более глубокому пониманию истоков и перспектив

развития психологии.

Литература:

1. Роменець, В.А. Історія психології стародавнього світу і середніх віків / В.А. Роменець. – Київ: Вища школа, 1983. – 415 с.
2. Роменець, В.А. Історія психології / В.А. Роменець. – Київ: Вища школа, 1978. – 440 с.
3. Перу В.А. Роменца принадлежат несколько книг по психологии творчества. – См., напр.: Роменець, В.А. Психологія творчості / В.А. Роменець. – Київ: Вища школа, 1971. – 247 с.

© А.А. Кроник, 1986, 2013.

© Психологический журнал, 1986.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

— ● —

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПСИХОЛОГОВ И ПСИХОТЕРАПЕВТОВ ЧЕРНОГОРСКА (АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ ЗА ПЕРИОД 1984-2003 ГОДОВ)

Л.Ф. Чупров. Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия), e-mail: leo-chuprov@yandex.ru

Резюме. Статья обобщает опыт просвещения и распространения специальных знаний среди населения, осуществляемого специалистами (психологами и психотерапевтами) Черногорска. Осуществлен анализ публикаций, их тематики, взаимоотношения со СМИ.

Ключевые слова: СМИ, публикации, психологи, психотерапевты, психологическое просвещение.

Предисловие автора к републикации

Эта статья – один из четырех материалов, опубликованных автором на не

функционирующем ныне (по причине кончины модератора) сетевом ресурсе²⁹. Не смотря на это, фрагменты публикации уже появились в сети как части дипломных работ студентов. Поскольку сама история психологического просвещения в нашей стране в большей части является «белым пятном», то автор счел целесообразным воспроизвести публикацию в первоначальном виде. Внесено лишь некоторое изменение в название, по просьбе одного иностранного коллеги, обратившего внимание на то, что выражение «черногорских психологов и психотерапевтов» заграничным читателем воспринимается, как «специалистов из Черногории».

Международный научный педагогический Интернет-журнал с библиотекой-депозитарием

Образование: исследовано в мире

Под патронатом Российской академии образования
и Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского

[Начало](#) [Концепция](#) [Статус](#) [Редакционная](#) [Читателям](#) [Авторам](#) [Гостевая книга](#) [Редакция](#)

Журнал: [Статьи](#) [Пресс-бюро](#) [Рецензии](#) [Информация](#)

[Общий электронный каталог ГНПБ им. К. Д. Ушинского \(библиография\)](#)
[Библиографическая БД оцифрованных авторефератов ГНПБ им. К. Д. Ушинского](#)
[\(Доступ к самим текстам по локальной сети Библиотеки. Заказ фрагментов по edd@gnpbu.ru\)](#)

[ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание.](#)
[ГОСТ 7.82-2001 Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов](#)

[Новости от Российского общеобразовательного портала SCHOOL.EDU.RU](#)
[Педагогический энциклопедический словарь на FIO.RU](#)
[Русский язык. Словари на GRAMOTA.RU](#)

Библиотека: [Авторефераты](#) [Диссертации](#) [Монографии](#) [Сборники](#) [Пособия](#)

Статья:
**Психологическое просвещение черногорских психологов и психотерапевтов
(анализ публикаций в прессе за период 1984-2003 гг.)**
Автор: [Чупров Леонид Федорович](#) Дата выхода: 16.08.2003
Страница 1 из 5

Итак, текст публикации³⁰.

Психологическое просвещение – одна из традиционных и наиболее распространенных форм психопрофилактической работы, общая как для

²⁹ Образование: исследовано в мире [Электронный ресурс] / под патронажем Российской академии образования, ГНПБ им. К.Д. Ушинского: OIM.RU, 2000-2003.

³⁰ Чупров, Л.Ф. Психологическое просвещение черногорских психологов и психотерапевтов (анализ публикаций за период 1984-2003 гг.) / Л.Ф. Чупров // Образование: исследовано в мире [Электронный ресурс] / под патронажем Российской академии образования, ГНПБ им. К.Д. Ушинского. – М.: OIM.RU, 2000-2003. – Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=357> – 16.08.2003. – <http://leo-chuprov.narod.ru/pchppt.html>.

педагога-психолога, так и для психотерапевта, независимо от того, где, в каком учреждении или в какой из отраслей практики они работают. В медицине сложились следующие виды просветительской работы: вербальные (индивидуальная и групповая беседа, публичная лекция, выступления в средствах массовой информации), наглядные (бюллетень, буклет и др.). Поскольку практическая психология в большинстве случаев копирует и заимствует многое из системы организации здравоохранения, то правомерно применение таких видов просветительства и в практике психологии.

Одной из разновидностей психологического просвещения являются публицистические выступления практического психолога и врача-психотерапевта в средствах массовой информации (СМИ). Материалы, помещаемые специалистами в «печатных» СМИ, представляют для любого исследователя особую ценность по сравнению с таковыми, но устными выступлениями или даже трансляцией беседы по телевидению. Печатные материалы легко фиксируются, накапливаются, их можно легко анализировать и изучать.

У практических психологов г. Черногорска (Республика Хакасия) накоплен значительный опыт в плане сотрудничества с печатными (газетными) изданиями. Первое обобщение некоторых аспектов этого вида работы, где анализировался опыт психологического просвещения, было сделано ранее (Л.Ф. Чупров, 1997; 2001). Данное сообщение собственно подводит своеобразный итог, ограниченный деятельностью городской психолого-медико-педагогической консультации (ПМПК): от периода, предшествовавшего ее созданию (19 сентября 1995 г.), до последнего дня ее работы (6 апреля 2000 г.) и психологической службы (ПС) города в целом в области психологического просвещения за этот период. В общей сложности за 20 лет на страницах печатных СМИ было помещено более 150 статей (см. Публицистика), интервью и 50 кратких сообщений, отражающих работу Черногорской ПС по психологическому просвещению и информированию населения о работе службы. Психологическое информирование населения, если судить по хронологии появления таких материалов на страницах местных и республиканских газет, было не всегда регулярным. Это зависело от ряда объективных и субъективных причин. Некоторое оживление интереса СМИ к психологической проблематике был в канун юбилея газеты «Черногорский рабочий» (ЧР) и по инерции какое-то время после. О других факторах, влиявших на регулярность появления психологических работ на страницах газетных

изданий, будет описано ниже.

В Черногорске две газеты. Первая – это газета ЧР, основанная еще в 1931 г., долгое время была единственным из печатных СМИ в городе, имеющая стабильный тираж даже в последние годы в пределах 7-8 тысяч экземпляров. С 2000 г. ЧР меняет своего учредителя, став ведомственным изданием. Место муниципальной газеты заняла вторая – более молодая по сроку, основанная в том же 2000 г., – «Черногорск» с начальным тиражом в пределах 1200 экземпляров. Постепенно вторая газета завоевала свое место среди подписчиков, увеличив тираж до двух с половиной тысяч по вторникам и 4200 экземпляров по четвергам. Еще два периодических издания: «Хакасия», ранее носившая название «Советская Хакасия», – республиканская общественно-политическая и «Взгляд» – независимая республиканская еженедельная газета – можно назвать, образно говоря, были трибунами публицистических выступлений психологов черногорского методического объединения (МО). Вполне естественно, что ЧР был долгое время самой «психологической газетой». Да и первые публицистические выступления психологов и логопедов Хакасии были напечатаны здесь. На страницах этой газеты помещено подавляющее количество оригинальных материалов, комментариев и интервью практических психологов и врачей (психотерапевтов и наркологов) г. Черногорска. В период 1994 - 1997 гг. для выступления психологов и освещения их деятельности представлял эфирное время городской телеканал «Виктория» (Л.Ф. Чупров, 1997). В данном же сообщении обобщается опыт взаимодействия психологов и психотерапевтов с печатными СМИ.

Предыстория газетной публицистики черногорских психологов довольно прозаична. В городских и республиканских СМИ в период с 1984 по 1993 гг. были напечатаны всего три публицистические работы по психологии [Публицистика; 69; 70; 71]. Собственно психологического просвещения через СМИ в тот период почти не велось. Приоритет в изложении психолого-педагогической проблематики принадлежал педагогам-преподавателям АГПИ (Абаканского государственного педагогического института), доцентам Б.М. Ховратовичу и А.Н. Швецову. Отдавая должное этим преподавателям кафедры педагогики и психологии АГПИ, следует отметить и тот факт, что именно они были лидерами в плане научных и методических публикаций (Труды преподавателей, аспирантов ..., 1986).

Второе место принадлежало представителям партийного аппарата.

И первые, и вторые выступали в СМИ по вопросам нравственного и коммунистического воспитания подрастающего поколения. Психологические вопросы освещались лишь как вспомогательные, объясняющие рассматриваемые педагогические явления, хотя ссылки и цитирования ведущих ученых-психологов были не всегда корректны. Занятие практической психологией и преподавание учебного курса по психологии в АГПИ были в тот период времени делом весьма не престижным. Научная работа в области психологии вообще вызывала определенное подозрение, и поэтому даже остепененные преподаватели психологии (кандидаты педагогических наук) старались свои крайне редкие публикации в виде тезисов выполнять по педагогической тематике или методике преподавания психологии в ВУЗе. Не способствовала такому просвещению и политика Хакасского отделения общества «Знание» РСФСР. В методическую работу засчитывались только лекции на предприятиях, перед рабочей общественностью. Тем не менее, уже на пороге систематической работы психологов в школе, преподаватели кафедры педагогики и психологии АГПИ осуществляли такую психологическую просветительскую работу (Л.Ф. Чупров, 1982). В ней, в частности, был использован и накопленный ранее опыт санитарного просвещения (Л.Ф. Чупров, 1981).

Начало официального разрешения в Хакасии практической психологической деятельности вызвало «первый поход в народ» преподавателей только что созданной в июне 1988 г. кафедры психологии АГПИ. Это «хождение» было неудачным: преподаватели не знали чем конкретно в школах заниматься, а школьная администрация использовала наличие «психологической помощи» только как модную вывеску своего учреждения. Собственно этими обстоятельствами было продиктовано опубликование первой статьи с разъяснениями непосредственных целей и задач ПС [Публицистика: 70]. Массовое развертывание ПС в городе Черногорске и республике произошло в сентябре 1991 г. В систему образования пришла первая группа психологов – выпускники 9-ти месячных «курсов практических психологов и социальных педагогов» Новосибирского государственного педагогического института. Некоторое время даже существовал компьютерный центр психологической диагностики и профориентации при АГПИ [Публицистика: 71]. Следующие выпуски практических психологов, теперь уже слушателей спецфакультета при АГПИ, состоялись в 1992 и 1994 гг.

Фактически активное сотрудничество со СМИ и, в частности, с ЧР у

практических психологов Черногорска начинается именно с этого времени, т.е. с 1994 г. ПС Черногорска в этот период была небольшой, но укомплектованной специалистами - практическими психологами на 100%. Апогея своего развития служба достигнет в 1995/96 учебном году. Только укомплектованность ее специалистами снизится уже до 60% (Л.Ф. Чупров, 1997, с. 128). После сокращения кадров в системе городского образования в мае 1996 г., в первую очередь, пополнили ряды безработных практические психологи.

Необходимо отметить, что еще в 1994 г. появились сложности в оценке работы практических психологов со стороны администрации образовательных учреждений и городского управления образования, и тогда МО школьных логопедов и психологов было принято решение о сотрудничестве со СМИ в плане психологического просвещения, пропаганды психологических и логопедических знаний. Предполагалось, что эта работа станет действенным инструментом «психологизации социума» (Л.Ф. Чупров, 1997, С. 124). Осознание того, что это была всего лишь романтическая иллюзия, пришло позднее. После смены руководства городским образованием такая тенденция: сокращения специалистов-психологов и замена их лицами без психологической подготовки только упрочилась [Публицистика: 133]. Образовательным учреждениям психолог оказался нужным, но не как специалист, а, следовательно, и требования к его профессиональным навыкам не были необходимы.

Собственно, частотность выступлений практических психологов по годам – своеобразный индикатор, как их индивидуального статусного неблагополучия, так и МО в целом: когда сгущались тучи – активизировалась работа со СМИ. Основные публикации в СМИ были представлены 13 психологами: О. Бухаркиной С. Вершининой. Г. Елешинной, Г. Гораль, О. Суворовой, Н. Ропотько и др. В 1997 г. на страницах ЧР появляются материалы врачей-психиатров (наркологов и психотерапевтов). Материалы черногорских врачей (психотерапевтов и наркологов) в СМИ стали появляться чаще лишь с возникновением в городском бюджете проблем с финансированием здравоохранения и, в частности, содержания городской психиатрической больницы, реальной угрозы ее закрытия [Публицистика: 6]. Всего среди врачей психдиспансера активными пропагандистами явились четверо (Г. Казанцева, И. Малюткин, Е. Малюткина, А. Павельчик), поместившие в общей сложности десяток статей и интервью в газете ЧР. Забегая вперед, следует отметить, что публицистические старания медиков дали свои плоды. Корреспонденты

СМИ, врачи-популяризаторы, городской департамент здравоохранения и Минздрав РХ свои усилия направили в одно русло.

Исходя из имеющихся в распоряжении материалов, можно выделить следующие виды публицистических выступлений педагогов-психологов и врачей (психотерапевтов и наркологов) в СМИ за анализируемый период:

1. Постоянные рубрики.
2. Мнения.
3. Проблемные выступления.
4. Отдельные разобщенные публикации.
5. «Запросная» тематика.
6. Хроника ПС.
7. Реклама, краткая информация и объявления.

Варианты взаимодействия специалистов со СМИ – интервью, комментарий по письму читателей или к материалу корреспондента, самостоятельные статьи. В основе интервью лежат интерес и инициатива корреспондента СМИ. В комментариях по письму границы темы очерчиваются лишь той информацией, которую можно выкристаллизовать из содержания письма читателя и при этом сделать его доступным для других читателей. Статейный материал представляет максимальные возможности для самостоятельного публицистического творчества психолога.

Теперь рассмотрим более подробно каждый из выделенных видов публицистических выступлений педагогов-психологов, врачей-психотерапевтов и врачей-наркологов в СМИ.

Постоянные рубрики. Некоторое время в ЧР имелись две постоянные рубрики, выделившиеся только в 2000 г.: «На приеме у психолога» (автор – Н. Ропотько) и «Сфера чувств» (автор - Н. Юрьев). В первой помещались материалы по школьной зрелости и вопросам адаптации детей в школе [Публицистика: 34; 36; 38; 39; 40; 42; 43; 44], и психологических проблемах подросткового возраста [Публицистика: 45; 46]. Вторая освещала вопросы взаимоотношений в семье, отношений родителей и детей, влияние на развитие детей нарушенных семейных отношений, возрастные особенности детей. Всего в этой рубрике помещено четыре материала [Публицистика: 124; 125; 128; 129] и вне этой рубрики по вопросам воспитания детей в семье еще ряд выступлений автора [Публицистика: 120; 133; 139; 140; 143; 144]. К этой же тематике имеют отношение публикации Л. Чупрова [Публицистика: 93]. И все же

школьная проблематика - это относительно постоянная тематика любой из городских или республиканских газет. Такое внимание обусловлено, прежде всего, постоянным интересом самих работников редакции, имеющих детей дошкольного и школьного возраста. Отсюда и значительное количество публикаций черногорских психологов О. Бухаркиной [Публицистика: 7], Л. Чупрова [Публицистика: 30; 74; 85; 94], Г. Елешинной [Публицистика: 15] в рамках этой тематики по чисто практическим вопросам, например, о готовности ребенка к школе, какую программу обучения выбрать и т. п.

Актуальными для провинциальных СМИ считаются темы правонарушений в среде подростков, их агрессивном поведении [Публицистика: 2; 47; 77; 133].

Мнения. Этот вид публицистики является распространенным в любом современном СМИ. Журналисты часто проводят небольшие экспресс-опросы населения по тому или иному вопросу, чтобы представить по нему как можно более разностороннее и максимально объективное мнение. Насколько это бывает возможным в СМИ. Тематика таких вопросов не обязательно касается проблем психологии, но практические психологи, как и любые другие граждане города, высказывают свою точку зрения по заданному им вопросу. Хотя, здесь необходимо учитывать тот факт, что какой-либо объективности и репрезентативности экспресс-опросы журналистов региональных СМИ не имеют. Отбор мнений ведет корреспондент СМИ, оставляя, выправляя и направляя в печать лишь те из них, которые подтверждают его собственную субъективную точку зрения, далеко не всегда безупречную в плане объективности и специальных познаний. В рубриках, приуроченных к определенным датам или в традиционной колонке ЧР «Вопрос по вторникам» мнения психологов были нередки. Это выступления по оценке работы депутатского корпуса, взгляд на насущные проблемы города и республики, места и роли газеты в жизни каждого [Публицистика: 83]; «Татьянину дню», празднику «Первое мая» и т. п. (О. Суворова) [Публицистика: 27], ко «Дню учителя» [Публицистика: 62]. Коэффициент полезного действия, как и объем такого рода выступлений в СМИ, небольшой. Он исчерпывается лишь рамками бесплатной рекламы самих психологов и косвенно ПС в целом.

Проблемные выступления. В этот вид публицистики включены материалы с самой разнообразной тематикой. Среди них выступления касательно статусного положения психолога и его роли в образовательном

процессе [Публицистика: 70; 73;]. Отдельное направление составляют психологические аспекты конфликтных взаимоотношений между учителями и учащимися [Публицистика: 98; 101; 102; 104]. Как правило, психологи публиковали свои материалы уже после того, как утихнет шумиха в СМИ, и будут ясны причины и механизмы конфликтов.

Значительное количество и объем материалов были размещены на страницах республиканских и городских газет по актуальной для города и республики проблеме: детской беспризорности. В рамках этой тематики обсуждались вопросы психологического климата в детских домах и преимущества воспитания детей-сирот в приемных семьях. В частности, анализировался и пропагандировался опыт семейного воспитания приемных детей в семейном детском доме Хлупиных (г. Черногорск) [Публицистика: 99; 134]. Позднее тематика семейных детских домов стала регулярно появляться на республиканских телевизионных каналах. Обстоятельства заставили возвратиться к такому обсуждению еще раз: на одном из республиканских телевизионных каналов и в одной из городских газет появились материалы оскорбительного содержания по отношению к детям-сиротам: через СМИ зондировался вопрос о смене статуса муниципальных детских домов. После выступления в печатных СМИ [Публицистика: 112; 113; 114; 115] на эту некорректность обратили внимание представители Министерства здравоохранения РХ и лишь однажды на абаканском телевидении был возобновлен разговор, но уже в другой тональности.

В этой же серии следует рассмотреть и материалы резонансного характера на отдельные журналистские «проблемные» публикации [Публицистика: 93; 96]. Это, как правило, темы об эрозии нравственности или социологии власти.

Редко привлекают внимание провинциальных СМИ вопросы психологии безработного и психологической поддержки этой категории граждан [Публицистика: 123; 146]. Вероятно, это общая тенденция и не только для представителей «четвертой власти».

О вреде самолечения, знахарства и психологических корнях таких явлений в газете ЧР помещены выступления Л. Чупрова и Н. Юрьева [Публицистика: 88; 107; 141]. Было и выступление на тему суеверий [Публицистика: 1].

Несколько особняком отстоят публикации по специальной психологии и коррекционной педагогике. Их просто мало. Дефектологическая (к сожалению, приходится из-за отсутствия другого

комплексного термина использовать недавно устаревшую дефиницию) тематика редко привлекает внимание сотрудников СМИ [Публицистика: 51; 66; 67; 68; 91; 106]. Небольшое количество такого рода публикаций и в республиканских периодических изданиях, и в газете «Абакан», подготовленных психологами Хакасии. Порой сами представители журналистского ремесленного цеха высказываются по данному вопросу не совсем компетентно и этично, взяв за основу мнение своего коллеги, опубликованное в каком-либо из центральных СМИ. Проблематика детей с ограниченными возможностями требует при ее освещении комплексной подготовки от самого пишущего по ней [Публицистика: 126].

Очень мало выступлений практических психологов в СМИ было и по инновационным педагогическим технологиям. Просто пристальное их изучение показало, что они, даже те, что были отмечены грандами фонда Дж. Сороса, – результат обычного подтасовывания и «педагогической селекции». Описывался лишь проверенный опыт учителей [Публицистика: 3; 79], отношение самих учащихся к школьным инновациям [Публицистика: 20]. Необходимо отметить, что первоначально психологи поддерживали эти самые инновации в городских учреждениях образования и ратовали за то, чтобы было дано время для изучения их эффективности [Публицистика: 22]. В результате однажды даже спровоцировали негативное выступление в свой адрес – пришлось ответить на страницах того же издания [Публицистика: 80]. Позднее психологи к этим экспериментам в школе уже стали относиться более осторожно [Публицистика: 24].

Отдельные разобщенные публикации. Самый распространенный среди практических психологов вид выступлений в СМИ – это публикации материалов, продиктованных ситуацией. Например, перед предстоящей аттестацией на квалификационную категорию психологи помещали в газетах тот материал, который им был более знаком и наработан. Среди такого плана выступлений можно найти освещение результатов небольших социально-психологических исследований (С. Вершинина, О. Лабзенина; Г. Гораль; Л. Чупров) [Публицистика: 8; 10; 13]. Кроме всего прочего, отдельные публикации позволяют практическому психологу освещать те вопросы, которыми он в силу специфики работы в учебном учреждении не может заниматься, но считает необходимым рекомендовать их для учета в семейном воспитании. О поведении в ситуации сексуального насилия был помещен совместный с корреспондентом материал [Публицистика: 48].

Порой психологи преследовали чисто просветительские цели: просто занимательно рассказать о психологии взаимоотношений человека и «братьев меньших» [Публицистика: 75], высказать свое мнение по психологии менеджмента [Публицистика: 35; 37]. В частности, так была помещена статья об анекдотах [Публицистика: 97] и об основателе психоанализа З. Фрейде [Публицистика: 82].

Иногда так называемые «отдельные» публикации вызывались ситуацией в самих СМИ. В частности, когда городские и республиканские газеты стали муссировать тему «экспорта спор сибирской язвы» – была написана статья о «белом порошке» [Публицистика: 142] или когда полосы городских газет стали заполняться взаимной перебранкой – было высказано мнение на этот счет [Публицистика: 112].

«Запросная» тематика. Запрос к психологу, сотрудничающему со СМИ, может формироваться как интересами самих сотрудников издания, так и быть делегирован через СМИ извне. В первом случае запросная тематика провинциальных изданий фокусируется вокруг тривиальных тем: любви, смерти и зрелищ или календарных дат. Во втором – во многом напоминает так называемый «социальный заказ» прежней эпохи.

Выполняя запрос редакции ЧР, психологи размещали статьи и заметки по психологическим вопросам любви, подростковой дружбы и влюбленности [Публицистика: 55; 63; 87; 130], а также публикации «некрофильской направленности» [Публицистика: 14; 49; 109; 103; 118; 138]. Зрелищная тематика нашла отражение в материалах, размещенных на страницах ЧР [Публицистика: 57; 143]. Республиканскую газету «Хакасия» больше интересовала тема «психологической безопасности» [Публицистика: 59; 60; 61; 92]. Различия в предпочтениях сотрудников разных СМИ позволяли размещать тот материал, который психологи считали необходимым, в одном из изданий. В последние годы в городских газетах поднимался вопрос о легализации проституции и по «сексуальной распущенности» подрастающего поколения, что также дало возможность высказаться в рамках этой тематики [Публицистика: 47; 137; 147].

В освещении своей точки зрения по запросу (во втором случае) у практических психологов и врачей-психотерапевтов часто имеются общие точки соприкосновения и, порой, такой запрос на материал поступал одновременно к тем и другим специалистам. Все объясняется просто. Основная направленность таких публикаций – выступления на антиалкогольную и антинаркотическую тематику. Как правило, такие выступления привязываются к соответствующим кампаниям и акциям,

планируемым администрацией или общественными фондами города и республики Хакасия. Здесь преобладают большие по объему материалы медицинских работников. В газете ЧР было опубликовано четыре материала о вреде наркотиков (врача-психиатра Г. Казанцевой и врача-нарколога А. Павельчика) [Публицистика: 19; 31; 32; 54]. Кроме этого на ее страницах были помещены два интервью врача-психотерапевта И. Малюткина по алкоголизму [Публицистика: 25; 56]. Психологи же менее подготовлены для такого рода выступлений. Естественно, что и их материалы представлены более скромно и менее объемно. Практические психологи представили по этой тематике всего четыре материала (А. Петракова, Л. Чупров, Н. Юрьев) [Публицистика: 33; 78; 84; 105; 127]. Вредные привычки, такие как курение, получили свое освещение в публицистике Л. Чупрова [Публицистика: 100]. Собственно - это дежурная календарная тема.

Чаще всего так называемый «запрос СМИ» предлагается самим автором материала. Например, психотерапевты сформулировали для городских СМИ запрос по семейной психотерапии. Врачом Е. Малюткиной помещены интервью и две статьи из опыта работы в психотерапевтической группе [Публицистика: 26; 28; 29]. Публикации психологов в рамках такой тематики носили в основном теоретический характер [Публицистика: 65]. Практического опыта по этому направлению деятельности они также не имели.

Достаточно плодотворным было сотрудничество в плане комментариев по письмам читателей газеты [Публицистика: 118; 130]. Нередко использовались комментарии и пояснения психологов к материалам, подготовленным журналистами печатных СМИ. Это касается в первую очередь публикаций совместных с журналистом ответов на письма читателей [Публицистика: 52; 53], во вторую - вопросов политической или общественной жизни города и республики [Публицистика: 23; 41; 72].

Как ответы на читательские письма были помещены выступления психологов С. Вершининой по вопросу подростковых взаимоотношений [Публицистика: 9], О. Суворовой о материнской любви [Публицистика: 17], Л. Чупрова [Публицистика: 17; 76; 86; 89; 90; 94] и Н. Юрьева по детской психологии [Публицистика: 12]. В ряде случаев по одному и тому же вопросу высказывались одновременно двое из психологов [Публицистика: 50].

Хроника ПС. В ряде газетных изданий, таких как «Черногорский

рабочий» [Публицистика: 110; 111; 131; 136], «Хакасия» [Публицистика: 58; 116], «Республика» [Публицистика: 18], опубликованы выступления черногорских психологов, представляющие историю городской ПС, освещающие отдельные вехи жизни и летопись событий, происходивших в ПС города. За рассматриваемый период таких чисто хроникальных публикаций было не много: всего 18 статей и интервью, 48 кратких сообщений и 11 публикаций, где упоминалась о работе ПС города другими авторами. Как правило, эта информация поступала от МО. Своеобразным итогом таких публикаций за прошлый XX век являются статья Н. Юрьева в газете «Черногорский рабочий» [Публицистика: 133] и материал Л. Ф. Чупрова (2000).

Хроникальный материал, подготовленный журналистами газеты ЧР, осуществлен на основе информации, представленной или целиком подготовленной практически психологами.

Реклама, краткая информация и объявления. В настоящее время деятельность большинства служб, осуществляющих разнообразные виды помощи населению, не обходятся без прямой или косвенной рекламы.

Наиболее рекламируемой в СМИ городской службой являлся «Телефон доверия», основанный по инициативе отдела по работе с молодежью городской администрации. Это была вторая и более успешная попытка создания «Телефона доверия» в Черногорске. Курировала его работу городская ПМПК. В период с ноября 1994 г. по май 2002 г. на страницах городских и республиканских периодических изданий помещено 58 единиц информационных сообщений, среди которых 12 статей и интервью консультантов, обобщенная информация по итогам работы за год [Публицистика: 5; 11; 21; 81; 117; 119; 121; 122; 145]. Также на страницах газет размещались репортажи корреспондентов СМИ, дежуривших вместе с консультантами на «Телефоне доверия» [Публицистика: 4; 16;], краткая, косвенная и скрытая реклама, стихотворная продукция. Опыт работы городского «Телефона доверия» и его взаимодействия со СМИ уже обобщен в более ранних публикациях: Л.Ф. Чупров (1997; 2001); Л.Ф. Чупров, В.В. Осинина, О.М. Суворова (2001).

Среди такого вида информационных сообщений следует отметить и так называемую «случайную рекламу», например, когда какое-либо образовательное учреждение (детский сад, школа, лицей), или реабилитационный центр помещают обширную или краткую рекламную информацию о своей деятельности, где несколько строк или фраз свидетельствуют о том, что в данном учреждении работает психолог.

Иногда сам практический психолог пишет рекламную заметку об учреждении [Публицистика: 64]. Иногда использовали возможность частного рекламного объявления для выражения собственной точки зрения [Публицистика: 108].

Для полноценной и эффективной практической психологической деятельности в образовании в целом и психологического просвещения в частности одного энтузиазма, активности и способностей специалиста явно недостаточно. Необходимо наличие объективных условий для качественного выполнения такой работы. Среди которых существенным является готовность чиновников конкретного регионального министерства, конкретного управления образования, администрации конкретного образовательного учреждения к сотрудничеству со специалистами-психологами. Именно эти самые объективные условия могут, как способствовать, так и существенно затруднять работу специалиста. Современная база нормативного обеспечения ПС в образовании достаточно детально разработана, хотя и здесь имеют место быть документы не достаточно проработанные, противоречащие друг другу или не прошедшие полной процедуры официального утверждения. В любом случае, нормативная послушность зависит не от одной стороны, а от обеих: и от психологов, и от администраторов. От последних зависит действенность этих самых нормативных документов. Функционирование ПС в образовании может быть эффективным только при наличии двух, однонаправленного рода, факторов: субъективных и объективных условий.

Полный список публицистических работ психологов Черногогорских и другого рода материалы автора размещены на страницах сайта <http://chuprov.boom.ru>.

Литература:

1. Чупров, Л.Ф. Санитарное просвещение во вспомогательных школах / Л.Ф. Чупрова // Фельдшер и акушерка. – 1981. – № 2. – С. 36-37.
2. Чупров, Л.Ф. Психологическая служба в школах Хакасии / Л.Ф. Чупров // Психология учебной деятельности школьников: тезисы докладов Второй Всесоюзной конф. по педагогической психологии. – М., 1982. – С. 334-335.
3. Чупров, Л.Ф. Совместная работа психологической службы города и средств массовой информации по пропаганде психологических знаний / Л.Ф. Чупров // Журнал практического психолога. – 1997. – № 4. – С. 123-

4. Чупров, Л.Ф. Черногорская психологическая служба: хроника газетной строкой / Л.Ф. Чупров // Психолог в школе. – 2000. – № 3-4. – С. 195-206.

5. Чупров, Л.Ф. Психологическое просвещение и СМИ / Л.Ф. Чупров // Психология и психотерапия: актуальные проблемы клинической психологии и психотерапии в условиях современной культуры: сб. тезисов III Всерос. конф. – СПб.: ГП «ИМАТОН», 2001. – С. 36-37.

6. Чупров, Л.Ф. Телефон доверия и СМИ / Л.Ф. Чупров, В.В. Осинина, О.М. Суворова // Психологическая газета (ИМАТОН). – 2001. – № 6 (июнь). – С. 22-23.

7. Труды преподавателей, аспирантов и студентов института (1981-1985 гг.). Библиографический указатель / сост.: Р.Т. Уварова, Е.В. Акайкина. – Абакан: АГПИ, 1986. – 41 с.

Публицистика:

1. Азизмурадова, Л. А через 200 лет я буду кошкой? (интервью Л. Чупрова) / Л. Азизмурадова // ЧР. – 1996. – 3 сентября.

2. Азизмурадова, Л. Маленькие «чикатило». Влияет ли наследственность на совершение преступлений малолетними (интервью Л. Чупрова «Самые неагрессивные – это покойники») / Л. Азизмурадова // ЧР. – 1996. – 19 ноября.

3. Азизмурадова, Л. Что написал учитель в дневнике? (комментарий Л. Чупрова) / Л. Азизмурадова // ЧР. – 1997. – 11 января.

4. Алехина, М. Что, казалось бы, проще – выслушать человека (интервью консультантов «Телефона доверия» и Л. Чупрова) / М. Алехина // Хакасия. – 1995. – 11 мая.

5. Балацкая, Ю. Тоска, сомнение, беда? Звони: два тридцать два ноля (интервью Л. Ф. Чупрова) / Ю. Балацкая // Черногорск. – 2000. – 20 апреля.

6. Бухарева, А. Палата № 6. Попасть сюда может каждый (интервью с врачом-психиатром А. Павельчиком) / А. Бухарева // ЧР. – 2000. – 25 ноября.

7. Бухаркина, О. В школу сына отправлять, или дома еще с год подержать? / О. Бухаркина // ЧР. – 1997. – 5 мая.

8. Вершинина, С., Лабзенина О. С чем я к маме не пойду / С. Вершинина // ЧР. – 1995. – 16 марта.

9. Вершинина, С. Если обидчики наглеют... не поддавайся на провокацию (комментарий психолога) / С. Вершинина // ЧР. – 1997. – 6 декабря.

10. Гораль, Г. «Я счастлив, потому что небо красивое» или что о счастье знают дети / Г. Гораль // ЧР. – 1996. – 13 июня.

11. Грязнова, Р. Когда мир от тебя отвернется / Р. Грязнова // ЧР. – 1999. – 23 марта.
12. Задорожная, М. Вы спрашивали (ответ Н. Юрьева) / М. Задорожная, М. Кремлякова, Л. Рябинина // ЧР. – 1997. – 14 июня.
13. Задорожная М. Девчонки – знакомятся легко, но в дружбе юноши – надежней (интервью Л. Чупрова) / М. Задорожная // ЧР. – 1996. – 2 июля.
14. Задорожная, М. А на кладбище все спокойненько, все покойнички мирно спят... Все ли спокойненько? (комментарий Л. Чупрова) / М. Задорожная // ЧР. – 1999. – 21 сентября.
15. Елешина, Г. Каким ребенок будет в школе, ясно с пеленок / Г. Елешина // ЧР. – 1996. – 11 апреля.
16. Ильина, М. Алло, помогите, мне так плохо / М. Ильина // ЧР. – 1999. – 1 апреля.
17. Ильина, М. Ну не люблю я своего ребенка (комментарий О. Суворовой и Л. Чупрова) / М. Ильина // ЧР. – 1997. – 31 мая.
18. Интервью с психологом Л. Ф. Чупровым // Республика. – 1994. – 10 августа.
19. Казанцева, Г. Иллюзия, ведущая к смерти / Г. Казанцева // ЧР. – 2000. – 13 июля.
20. Корнева, Т. Не много ли нас хвалят? (интервью Л. Чупрова) / Т. Корнева // ЧР. – 1995. – 5 января.
21. Корнева, Т. Позвони мне, позвони (интервью консультантов «Телефона доверия» и Л. Чупрова) / Т. Корнева // ЧР. – 1995. – 14 марта.
22. Кремлякова, М. Эксперименту дали выжить (интервью Г. Радеевой, Л. Стрижковой, Т. Лыфарь, Л. Чупрова) / М. Кремлякова // ЧР. – 1994. – 13 октября.
23. Кремлякова, М. Немного авторитарности не помешает (интервью Л. Чупрова) / М. Кремлякова // ЧР. – 1994. – 17 декабря.
24. Кремлякова, М. Реформы в образовании: кому это нужно? (интервью И.А. Бакутиса, М.Н. Глебышевой, Е.Д. Марковой, Л.Ф. Чупрова) / М. Кремлякова // ЧР. – 2001. – 3 мая.
25. Кремлякова М. Он хочет бросить пить, да не может (интервью с психотерапевтом И. Малюткиным) // ЧР. – 1997. – 2 октября.
26. Кремлякова, М. Заболела ... душа. Вернуть ей здоровье поможет психотерапевт (интервью с психотерапевтом Е. Малюткиной) / М. Кремлякова // ЧР. – 1998. – 21 марта.
27. Кремлякова, М. Особенности студенческой поры: вчера, сегодня, завтра... (интервью с психологом О. Суворовой) / М. Кремлякова // ЧР. – 2001. – 25 января.
28. Малюткина Е. Наведи в душе порядок. Некоторые мысли о том, как не пропасть в смутное время // ЧР. – 1997. – 13 сентября.

29. Малюткина, Е. Кому-то наступили на ногу, кому-то – на душу... / Е.Малюткина // ЧР, 1998. – 19 мая.
30. Михалева, Н. Вот и стали мы на год взрослей (интервью О. Бухаркиной и Л. Чупрова) / Н. Михалева // ЧР. – 1994. – 23 июня.
31. Павельчик А. Врач, увы, не волшебник // ЧР. – 1999. – 26 июня.
32. Павельчик, А. Нет наркотиков легких и безвредных / А. Павельчик // ЧР. – 2000. – 12 сентября.
33. Петракова, А. Наркоман: для родителей – горе, а для сомнительных клиник – средство наживы / А. Петракова // ЧР. – 2000. – 6 апреля.
34. Ропотько, Н. Я бы в первоклассники пошел... / Н. Ропотько // ЧР. – 1995. – 6 июня.
35. Ропотько, Н. О «титаниках» или стрессы деловых мужчин / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 18 мая.
36. Ропотько, Н. «Почему сегодня Петя просыпался десять раз?» / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 29 августа; ЧР. – 2000. – 5 сентября.
37. Ропотько, Н. Руководить – не руками водить / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 19 сентября.
38. Ропотько, Н. Вместо школы – мультики у бабушки / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 23 ноября.
39. Ропотько, Н. О трудностях и переживаниях младшего школьника / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 30 ноября.
40. Ропотько, Н. Четыре истории о младших школьниках. История первая, «Миша» / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 5 декабря.
41. Ропотько, Н. Выслушай всех – выбери достойного / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 21 декабря.
42. Ропотько, Н. Четыре истории про младших школьников. История вторая – о Марине / Н. Ропотько // ЧР. – 2000. – 26 декабря.
43. Ропотько, Н. Четыре истории о младших школьниках. Витя / Н. Ропотько // ЧР. – 2001. – 6 января.
44. Ропотько, Н. Четыре истории о младших школьниках. Кирюша / Н. Ропотько // ЧР, 2001. – 13 января.
45. Ропотько, Н. Современный подросток, какой он? / Н. Ропотько // ЧР. – 2001. – 6 февраля.
46. Ропотько, Н. А виноват ли сын? / Н. Ропотько // ЧР. – 2001. – 12 мая.
47. Рябина, Л. «Ради бога бейте тревогу, наши дети превращаются в шлюх» (комментарий психолога С. Вершининой) / Л. Рябина // ЧР. – 1996. – 21 декабря.
48. Рябина, Л. Насилуют? Не кричите: «Помогите!» (интервью Л. Чупрова) / Л. Рябина // ЧР. – 1997. – 9 января.
49. Рябина, Л. В этой жизни умирать не ново... (интервью Л. Чупрова)

/ Л. Рябина // ЧР. – 1997. – 27 февраля.

50. Рябина, Л. Нужен ли ребенку новый папа? (Комментарий С. Вершининой и Л. Чупрова) / Л. Рябина // ЧР. – 1998. – 22 января.

51. Рябина, Л. Ребенок – урод, дитя – дебил... (комментарий Л. Ф. Чупрова) / Л. Рябина // ЧР. – 1998. – 12 марта.

52. Рябина, Л. Игрушка была, есть и будет только игрушкой (комментарий Л. Ф. Чупров) / Л. Рябина // ЧР. – 1998. – 1 января.

53. Рябина, Л. Я не алкаш и не наркоман... (комментарий Н. Юрьева) / Л. Рябина // ЧР. – 1999. – 2 ноября.

54. Рябина, Л. Дорога в никуда на длину иглы (интервью с врачом-наркологом А. Павельчиком) / Л. Рябина // ЧР. – 1999. – 2 декабря.

55. Рябина, Л. «Седина – в бороду, бес...» (интервью с психологом О. Суворовой) / Л. Рябина // ЧР. – 2000. – 18 января.

56. Санина, М. «С начала года он не пил всего четыре дня»... (интервью «Прямой линии» с психотерапевтом И. Малюткиным) / М. Санина // ЧР. – 1998. – 5 мая.

57. Семенова, Л. Сериалы: смотрим или подглядываем (комментарий Л. Чупрова) / Л. Семенова // ЧР. – 1999. – 14 сентября.

58. Старцева, И. Приверженцы Галилея (интервью Л. Ф. Чупрова) / И. Старцева // Хакасия. – 2000. – 26 мая.

59. Старцева, И. Учитель и ученик: разные стороны баррикады (интервью Л. Ф. Чупрова) / И. Старцева // Хакасия. – 2000. – 30 мая.

60. Старцева, И. Не доводи себя до состояния аффекта (интервью с Л. Ф. Чупровым) / И. Старцева // Хакасия. – 2000. – 22 августа.

61. Старцева, И. Болит душа? Свой рецепт ищите сами (интервью Л. Ф. Чупрова) / И. Старцева // Хакасия. – 2000. – 13 октября.

62. Стрельцова, О. А пошли бы вы в учителя? (интервью Л. Чупрова) / О. Стрельцова // ЧР. – 2000. – 3 октября.

63. Суворова, О. Ты знаешь, все в твоих руках / О. Суворова // ЧР. – 2000. – 11 ноября.

64. Утенина, О. Что делать, как быть, когда тяжело? / О. Утенина // ЧР. – 2000. – 20 ноября.

65. Федосеева, Л. Семейные передряги и «возраст Христа» / Л. Федосеева // ЧР. – 1994. – 20 октября.

66. Чупров, Л. Своевременно выявлять / Л. Чупров // ЧР. – 1979. – 3 января.

67. Чупров, Л. Важно помочь вовремя / Л. Чупров // Советская Хакасия. – 1980. – 13 февраля.

68. Чупров, Л. Проблемы специального обучения / Л. Чупров // Советская Хакасия. – 1981. – 18 августа.

69. Чупров, Л. Наш почерк / Л. Чупров // Советская Хакасия. – 1984. – 11 февраля.
70. Чупров, Л. Психолог в школе / Л. Чупров // Советская Хакасия. – 1989. – 14 сентября.
71. Чупров, Л. Попытка встать на ноги. Компьютерный центр – новое звено в системе психологической службы области / Л. Чупров // Советская Хакасия. – 1991. – 2 июля.
72. Чупров, Л. Язык не должен быть заложником политических игр / Л. Чупров // ЧР. – 1994. – 20 декабря.
73. Чупров, Л. Зерна и плевелы психологической службы / Л. Чупров // Хакасия. – 1995. – 14 января.
74. Чупров, Л. Завтра у вашего ребенка собеседование / Л. Чупров // Хакасия. – 1995. – 20 января.
75. Чупров, Л. Они и мы/ Л. Чупров // ЧР. – 1995. – 21 января.
76. Чупров, Л. Экикики / Л. Чупров // ЧР. – 1995. – 28 февраля.
77. Чупров, Л. Травматизирующая педагогика или как толкнуть ребенка на преступление / Л. Чупров // ЧР. – 1995. – 10 июня.
78. Чупров, Л. Почему он пьет треклятый? / Л. Чупров // ЧР. – 1995. – 29 июня.
79. Чупров, Л. Из детского сада в школу? Это очень просто / Л. Чупров // Хакасия. – 1995. – 21 июня.
80. Чупров, Л. Найти ошибку легче, чем истину / Л. Чупров // ЧР. – 1995. – 31 октября.
81. Чупров, Л. Хроносу вопреки / Л. Чупров // ЧР. – 1996. – 7 мая.
82. Чупров, Л. Человек, расшевеливший ад / Л. Чупров // Хакасия. – 1996. – 13 мая.
83. Чупров, Л. Газета для того, чтобы выпустить пар / Л. Чупров // ЧР. – 1996. – 6 июля.
84. Чупров, Л. Психолог наркоману вряд ли поможет / Л. Чупров // ЧР. – 1997. – 26 июня.
85. Чупров, Л. Вместо послесловия (к материалу О. Бухаркиной «В школу сына отправлять, или дома еще с год поддержать?») / Л. Чупров // ЧР. – 1997. – 5 июля.
86. Чупров, Л. Одаренные дети – никаких проблем? / Л. Чупров // ЧР. – 1997. – 29 ноября.
87. Чупров, Л. Треугольник бывает не только в любви / Л. Чупров // ЧР. – 1998. – 18 апреля.
88. Чупров, Л. Целителей много, но добавляют ли они здоровья / Л. Чупров // ЧР. – 1998. – 5 декабря.
89. Чупров, Л. Не первый ученик / Л. Чупров // ЧР. – 1999. – 19 января.

90. Чупров, Л. Детская ложь / Л. Чупров // ЧР. – 1999. – 1 мая.
91. Чупров, Л. Аномальный ребенок: беда или стимул? / Л. Чупров // ЧР. – 1999. – 21 октября.
92. Чупров, Л. А кому она нужна, эта «школьная зрелость»? / Л. Чупров // Хакасия. – 2000 – 13 июля.
93. Чупров, Л. О трусиках для Венеры и вечных сентенциях/ Л. Чупров // ЧР. – 2000. – 3 августа.
94. Чупров, Л. Так переучивать или нет? / Л. Чупров // ЧР. – 2000. – 17 августа.
95. Чупров, Л. Подводные рифы неполной семьи / Л. Чупров // ЧР. – 2000. – 19 августа.
96. Чупров, Л. Миром правит не интеллект / Л. Чупров // ЧР. – 2000. – 9 сентября.
97. Чупров, Л. Да здравствует анекдот! или Над чем смеемся, господа? / Л. Чупров // ЧР. – 2000. – 16 ноября.
98. Чупров, Л. Разговор на волнующую тему: диалог из двух монологов. Комментарий психолога / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 29 марта.
99. Чупров, Л. Из одного и того же дерева может получиться и икона, и лопата / Л. Чупров // Хакасия. – 2001. – 15 мая.
100. Чупров, Л. Почему подростки начинают курить? / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 29 мая.
101. Чупров, Л. О, времена! О, нравы! (Начало) / Л. Чупров // Хакасия. – 2001. – 29 мая.
102. Чупров, Л. О, времена! О, нравы! (Окончание) / Л. Чупров // Хакасия. – 2001. – 27 июня.
103. Чупров, Л. Дети – всегда жертвы / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 5 июня.
104. Чупров, Л. Психологию за уши притянули... / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 23 июня.
105. Чупров, Л. Наркотики – социальная проблема / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 26 июня.
106. Чупров, Л. В море непонятных звуков, в мире непонимающих людей / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 10 июля.
107. Чупров, Л. Морозник круче мухомора / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 14 августа.
108. Чупров, Л. Гувернантка / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 13 сентября.
109. Чупров, Л. Жизнь – штука трудная, но самоубийство – не выход / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 18 сентября.
110. Чупров, Л. Черногорск – на карте «Психологической газеты» / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 6 ноября.

111. Чупров, Л. Ошибка Герберта Уэллса / Л. Чупров // ЧР. – 2001. – 18 декабря.
112. Чупров, Л. Что бы не хотелось читать на страницах «Черногорска» (письмо главному редактору) / Л. Чупров // Черногорск. – 2002. – 11 июля.
113. Чупров, Л. Игра в психиатрию по-черному / Л. Чупров // Хакасия. – 2002. – 21 августа.
114. Чупров, Л. Шизо-педагогика детского дома / Л. Чупров // Взгляд. – 2002. – 22 августа.
115. Чупров, Л. Самодурство чиновников / Л. Чупров // Школьный психолог. – 2002. – № 34. – 8–10 сентября.
116. Шишкина, Н. Храни меня, сова Минервы, храни меня, мой талисман (интервью Л. Чупрова и И. Гончаровой) / Н. Шишкина // Хакасия. – 1995. – 27 октября.
117. Юрьев, Н. Звонок... что за ним? / Н. Юрьев // ЧР. – 1995. – 27 мая.
118. Юрьев, Н. Безнадёжная любовь, безответная... (комментарий по письму) / Н. Юрьев // ЧР. – 1995. – 17 августа.
119. Юрьев, Н. Не все потеряно, или Телефон как друг и советчик / Н. Юрьев // ЧР. – 1995. – 5 декабря.
120. Юрьев, Н. Неряха-сын к отцу пришел... / Н. Юрьев // ЧР. – 1997. – 16 августа.
121. Юрьев, Н. А с вами можно о любви? / Н. Юрьев // ЧР. – 1997. – 11 февраля.
122. Юрьев, Н. Если есть проблемы, позвоните: 2–30–00/ Н. Юрьев // Взгляд. – 2000. – 2 марта.
123. Юрьев, Н. Исповедь бывшего безработного: мысли по поводу / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 16 марта.
124. Юрьев, Н. Нет супружеской измены, есть те, кому изменяют / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 15 июля.
125. Юрьев, Н. В разводе женщина – Медея / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 22 июля.
126. Юрьев, Н. Молох, пожирающий детей, или На эти грабли уже наступали / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 14 сентября.
127. Юрьев, Н. Больше демократии – больше наркотиков? Размышления пессимиста по поводу акции «В XXI век – дети без наркотиков» / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 21 сентября.
128. Юрьев, Н. Какой должна быть будущая теща / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 28 сентября.
129. Юрьев, Н. Конфликты в семье / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. – 17 октября.
130. Юрьев, Н. Ты знаешь, все в твоих руках / Н. Юрьев // ЧР. – 2000. –

11 ноября.

131. Юрьев, Н. Специалистам показали будущее... / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 15 февраля.

133. Юрьев, Н. Газетная летопись жертвенной профессии / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 20 февраля.

133. Юрьев, Н. Подросток – он и в джунглях подросток / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 6 марта.

134. Юрьев, Н. Где мой очаг, где мой ночлег? (А главное – какой он? В казенном доме, приемной семье, или... / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 13 марта.

135. Юрьев, Н. Психологи России начинают акцию / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 3 апреля.

136. Юрьев, Н. Последнее, прощальное / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 5 апреля.

137. Юрьев, Н. Новая жизнь, новые профессии / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 10 мая.

138. Юрьев, Н. Неискореняемый феномен / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 28 июня.

139. Юрьев, Н. Воспитание любви к отечеству начинается в семье / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 4 августа.

140. Юрьев, Н. Книга доктора Спока и реальность / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 21 августа.

141. Юрьев, Н. Знахарство бессмертно? / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 2 октября.

142. Юрьев, Н. Новые игры – белый порошок / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 30 октября.

143. Юрьев, Н. В чем виновен «одноглазый...»? / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 9 декабря.

144. Юрьев, Н. Воспитание леди начинают с ее бабушки / Н. Юрьев // ЧР. – 2001. – 25 декабря.

145. Юрьев, Н. Когда сжимает душу боль... / Н. Юрьев // Черногорск. – 2002. – 10 января.

146. Юрьев, Н. Куда бедному мужику податься? / Н. Юрьев // Черногорск. – 2002. – 3 сентября.

147. Юрьев, Н. Бабочки, летящие на пламя свечи / Н. Юрьев // Черногорск. – 2002. – 29 октября.

148. Юрьев, Н. У психологов Хакасии есть сайт / Н. Юрьев // Черногорск. – 2003. – 20 января [без подписи].

© Л.Ф. Чупров, 2003, 2014.

© PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2014.

ПОСЛЕСЛОВИЕ или ПОСТСКРИПТУМ

А.А. Кроник. Институт каузометрии LifeLook.Net (Бефесда, США),
e-mail: Doctors@lifelook.net

Как было нами отмечено ранее, в заключении к итогам первой сессии конференции: «История науки – это не совсем «топовая» тематика в современных научных исследованиях. Всецело это относится и к истории психологии. Тем неожиданной и приятнее было обнаружить, что возникшая в процессе обсуждения на блогосфере Экспертного сообщества психологов идея проведения международной конференции нашла отклик не только среди маститых ученых, но и у молодых исследователей. Может быть, когда-нибудь в календаре психологической цивилизации точкой отсчета станет год сотворения слова **«psychology»**, к чему и мы с вами оказались причастны» (См.: ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. – №1 – С. 123. – URL: <http://pem.esrae.ru/2-4>).

К сегодняшнему дню (27 декабря 2014), к концу юбилейного года слову «психология», на опрос «500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ», с которого началась предыстория нашей конференции, ответило 60 человек и получено 84 ответа. Всем ответившим - спасибо за энтузиазм! Всем, кто помогает информацией об опросе в аудиториях и интернете - спасибо за сотрудничество!

Как видим, замысел опроса - отметить 500-летие ответами 500 человек – требует большего времени на реализацию, чем один год. Но, поскольку дата «грандиозного» (по словам В.А. Мазилова) юбилея «размыта» (слово «Psichiologia» появилось между 1510 и 1517 годами), то, может быть, к 2017 году все-таки удастся завершить и наш юбилейный опрос?

Сайт опроса: <http://services1.ht-line.ru/surveys/?page=respond&user=kronik&object=s13042801>.

А пока к первым 24-м ответившим (см.: стр. 13) присоединились: Айдан А., Бабкова К.А., Базаров Т.Ю., Баляс Л., Батенова Ю.В., Белодед А.Н., Белых С.Л., Вильданова И., Виршич М.С., Гаврилова А.Г., Гудкова Н.С., Данилова Е.С., Дмитриева Е.В., Донец О.Ю., Драгуш В.С., Жогина А.Г., Закурдаева Л.А., Зеличенко А.И., Кистанова Ж. И., Колесник А.В., Колесникова Е.В., Кононенко О.И., Курманский В.Е., Миндова Т., Очнева А.А., Пищанская О.А., Подмарева А.А., Полякова А.А., Степанова Н.С.,

Хмелевая М.С., Царенко И.В., Четверикова А.А., Шишкина И.Г., Шпакова В.Г., Ягодка А.А., Ярославская Т.В.

Мир меняется, психология меняется вместе с ним. Что значит это слово? Ниже приведен полный список ответов на мини-опрос, полученных от 60-ти человек в 2014 году (стилистика и одинаковые ответы сохранены). Мне эти ответы ценны в «сыром» виде, но каждый из вас, читатель, может проанализировать, осмыслить и обобщить их по собственным критериям.

Итак, ответы (варианты заполнения троеточия) в опросе "500 лет названию ... ПСИХОЛОГИЯ":

науки (по принципу удовольствия)

проекта (не было еще ни науки, ни профессии 500 лет назад)

науки

500 лет названию искусства "ПСИХОЛОГИЯ"

целая эпоха

системы знаний о душе

науки о душе

науки (системы знаний о закономерностях развития психики)

науке о поведении, которую мы по привычке называем «наукой о душе»

области знания

науки

картины мира на планете

становления понятия

не совсем точной и не совсем гуманитарной науки

науки

главной науки человечества, без которой невозможно изучение души

термину

«Психология»: 500-летний юбилей научного понятия

а я так уже успел устать от тебя всего-то за 30 лет

Возможно...

призвания

искусству

иллюзии

Знания о

науки

таинств души

стилю мышления

наука

«учение о душе» было дано имя (формулируется грамматически правильно и соответствует историческим данным)

500 лет названию (использования понятия) Психология

то, что пытается изучать внутренние закономерности поведения, мышления и чувствования человека и людей

убрала бы троеточие, а слово психология поставила бы в скобки

фундаментальной основополагающей науке (для понимания человека на всех уровнях достаточно владеть знаниями всего в двух сферах: медицина и психология, поскольку остальные науки необходимы для описания и объяснения окружающего мира, а не самого человека)

науки

науке

конференции

Душеспасительной науки

науки о душе

Родной

волшебства (потому что для меня психология – это волшебство)

многозначная (ведь каждый в это слово вкладывает свой смысл)

науки

нашей профессии – термину

науки о жизни человека (т.к. психология объясняет основные принципы жизни и жизнедеятельности человека во всех сферах)

исследованию в области (т.к. психология – это не только наука о психике и психических явлениях, но и как сущность жизнедеятельности человека в целом)

науке (ибо испокон веков людям присуще стремление постигнуть себя и себе подобных)

науки об устройстве человеческой души -

развивающемуся социально-политическому направлению в науке

наука (несмотря на то, что психология стала наукой сравнительно недавно, на мой взгляд, психология была наукой с самого начала своего существования)

направление (в огромном множестве существующих в современном мире научных направлений – психология представляет собой объемный пласт знаний)

термина (когда он возник)

поиска выхода из других наук (в частности, из философии, а также интеграция всевозможных знаний о природе человека и самого человека в психологию)

междисциплинарной науки о человеке, его явных и скрытых качествах и его взаимодействии с собой и миром (во всех науках, где присутствует человек, есть доля психологии)

всепроникающей, фундаментальной науки о человеке и его взаимодействии с миром (хотелось бы указать на применимость психологии в любой сфере деятельности)

Человеческая

науки, изучающей объективно-несуществующее

500 лет названию такой проекции мира на плоскость познания, как ПСИХОЛОГИЯ

науки

которое придумал некто на Балканах для обозначения нашего предмета, а может быть – и чего-то другого –

профессии (по принципу реальности)

области познания

мера чрезвычайной ответственности

современной естественно-гуманитарной науке

познания души по-гречески –

искусству (мастерству в познании и уважении личности)

понятия

развития понятия

500 лет научному термину «психология»

но нет в тебе Души, Самости, а одни лишь личности, т.е. социально-типичное

гипотезы

Науки

понятие

И использованию термина

то, что изучает «законы души», скрытые внутри тела

основополагающей науке о человеке

термину

культурной

чуда

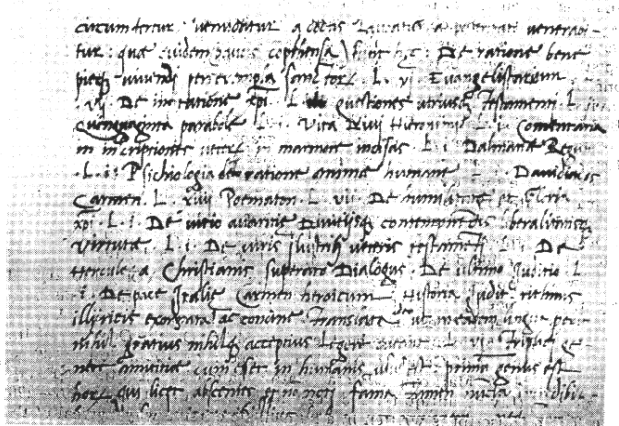
Легендарной (психологии)

и использованию понятия

подходу (знаменуется отделение психологии от лона философии) науке о «лечении человеческой души» (своеобразная отсылка к истокам понимания психологии как науки)
500 лет названию лучшей стратегии выживания "ПСИХОЛОГИЯ"

Надеемся, что на этом этапе тоже рано ставить точку и подводить окончательный итог по опросу.

Марко Марулич знакомое всем понятие сконструировал или впервые использовал³¹, о чем свидетельствует ниже седьмая строка в библиографии его работ.

A passage with a list of Marulić's works from «Vita Marci Maruli Spalatensis» by F. Božićević-Natalis. The work «Psychologia de ratione animae humanae» L. 7. is listed in the seventh line.

Библиография работ Марко Марулич³²:

Наш опрос о смысле понятия «Психология» 500 лет спустя продолжается.

© А.А. Кроник, 2014.

³¹ Psychologia de ratione animae humanae. - Цитируется по книге: Дж. Рассел, Р. Кон. Марулич, Марко. - Изд-во: VSD, 2012, с. 6. См. также: Гарбер И.Е. Нормативный и дескриптивный подходы к определению предмета психологии // Методология и история психологии. - 2006. Том 1. Выпуск 1, с. 126.

³² Krstic, K. Marko Marulic - The Author of the Term "Psychology" / K. Krstic // Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagabiensis. 1964, No. 36, p. 7-13.

URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm>

АВТОРЫ

Авезов Шерали – старший преподаватель кафедры «САНЪАТ» (Искусства), факультет педагогики, Бухарский государственный университет (Бухара, Узбекистан).

Батыршина Альфия Робертовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Набережные Челны, Россия).

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии и истории психологии, ФБГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия).

Брискин Джон – доктор психологии, профессор Мэрилендского университета, клинический, экзистенциальный, гештальт–, феноменологический психолог (Колледж Парк, США).

Вержибок Галина Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, УО «Минский государственный лингвистический университет» (Минск, Беларусь).

Головаха Евгений Иванович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, зам. директора Института социологии НАН Украины (Киев, Украина).

Данилов Юрий Сергеевич – студент 3 курса, направление «Психолого–педагогическое образование», профиль «Психология образования», факультет психологии, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» (Новосибирск, Россия).

Зеличенко Александр Исаакович – кандидат физико-математических наук, психолог, философ, культуролог, историк и теолог, Интернет-проект «Русский Свет», включающий Интернет-журнал «Русская правда», Институт высшей психологии.

Клыпа Ольга Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета, Северо-Восточный государственный университет, докторант Института психологии РАН (Магадан, Россия).

Кононенко Анатолий Александрович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

(Одесса, Украина).

Корниенко Александр Федорович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Академия социального образования (Казань, Россия).

Кроник Александр Александрович – сопредседатель конференции, доктор психологических наук, научный директор Института каузометрии LifeLook (www.LifeLook.Net), профессор (Howard University), сопредседатель Международной Ассоциации Каузометристов (www.ht-line.ru/mak), клинический психолог (Бефесда, США).

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, зав. кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия).

Насиновская Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Родина Наталья Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и прикладной психологии Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (Одесса, Украина).

Романов Игорь Владимирович – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры социальной психологии, Московский филиал ОАО «КБ «Связь», ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» (Москва, Россия).

Рыбалка Валентин Васильевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела педагогической психологии и психологии труда, Институт педагогического образования и образования взрослых Национальной академии педагогических наук Украины (Киев, Украина).

Сабанин Павел Валерьевич – аспирант кафедры социальной психологии, Институт психологии, социологии и социальных отношений (ИП-ССО) ГБОУ «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия).

Сальникова Нина Евгеньевна, педагог-психолог (Санкт-Петербург, Россия).

Сильченко Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, УО «Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины» (Гомель, Беларусь).

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (*Нижний Новгород, Россия*).

Тукачев Юрий Александрович – руководитель, психолог-профконсультант, Психологический центр «Точка роста» www.tr-center.ru (*Екатеринбург, Россия*).

Хакимова Гульнора Абдумаликовна – старший преподаватель кафедры «САНЪАТ» (Искусства), факультет педагогики, Бухарский государственный университет (*Бухара, Узбекистан*).

Чагова Марина Аслановна – студентка магистратуры, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (*Черкесск, Россия*).

Чупров Леонид Федорович – сопредседатель конференции, кандидат психологических наук, профессор Российской Академии Естествознания (РАЕ, Москва), член Европейской Академии Естествознания (EuANH, London), действительный член и главный ученый секретарь МАН (Украина, Киев), главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (*Черногорск, Россия*).

Шадричева Алена Ильдаровна – педагог-психолог, МОУ СОШ №18 г. Кинешма (Ивановская область), аспирантка кафедры «педагогическая психология», Ивановский государственный университет (*Кинешма, Россия*).

Шмелев Александр Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, научный руководитель Лаборатории «Гуманитарные технологии» (*Москва, Россия*).

AUTHORS

Sherali Avezov, a senior psychology instructor, Faculty of pedagogics of Bukhara state university (*Bukhara, Uzbekistan*).

Alfiya R. Batyrshina, PhD in pedagogics, an assistant professor, head of humanity and social science at Naberezhnye Chelny State Trading Institute of Technology (*Naberezhnye Chelny, Russia*).

Olga A. Belobrykina, PhD in psychology, an assistant professor, department of general and historical psychology at Novosibirsk State Pedagogical University (*Novosibirsk, Russia*).

John Breeskin, PhD in psychology, an adjunct professor at the University of Maryland, University College (UMUC), licensed clinical psychologist (Takoma Park, Maryland, USA).

Marina A. Chagova, mastery student of Pyatigorsk State Linguistic University (*Cherkessk, Russia*).

Leonid F. Chuprov, co-chair of the conference, PhD in psychology, a professor at the Russian Academy of Natural History (RANH, Moscow), member of the European Academy of Natural History (EuANH, London), editor-in-chief of the journal 'The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia' (*Chernogorsk, Russia*).

Yuri S. Danilov, a student at the Faculty of psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (*Novosibirsk, Russia*).

Evgeny I. Golovakha, PhD and ScD in philosophy, deputy director of the Institute of Sociology, Ukrainian National Academy of Sciences (*Kiev, Ukraine*).

Gulnora A. Khakimova, a senior psychology instructor, Faculty of pedagogics of Bukhara state university (*Bukhara, Uzbekistan*).

Olga V. Klypa, PhD in psychology, an associate professor, Dean of the Faculty of Education, Northeastern State University (*Magadan, Russia*).

Anatolij A. Kononenko, PhD in psychology, an associate professor, department of foreign languages of natural faculties, the Odessa national university of I.I. Mechnikova (*Odessa, Ukraine*).

Alexander F. Kornienko, PhD in psychology, department of psychology at the Academy of social formation (*Kazan, Russia*).

Aleksandr A. Kronik, co-chair of the conference, PhD and ScD in psychology, an adjunct professor at Howard University, director of the Institute of Causometry LifeLook.Net (*Bethesda, USA*).

Vladimir A. Mazilov, ScD in psychology, head of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University (*Yaroslavl, Russia*).

Elena E. Nasinovsky, PhD in psychology, an associate professor, department of psychology of personality at the Lomonosov Moscow State University (*Moscow, Russia*).

Nataliya V. Rodina, ScD in psychology, an professor, department of social and applied psychology at the Mechnikov Odessa National University (*Odessa, Ukraine*).

Igor V. Romanov, PhD in psychology, senior researcher at the Moscow branch of «DB «Svyaz», JSC, senior lecturer of Social Psychology Department in IvSU (*Moscow, Russia*).

Valentine V. Rybalka, ScD in psychology, a professor, main research scientist at the Institute of Pedagogical Education and Education of Adults, Ukrainian National Academy of Pedagogical Sciences (*Kiev, Ukraine*).

Pavel V. Sabanin, PhD student, department of social psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations, Moscow City Pedagogical University (*Moscow, Russia*).

Nina E. Salnikova, the teacher-psychologist (*St.-Petersburg, Russia*).

Alena I. Shadricheva, the teacher-psychologist, high school №18 Ivanovo areas, Kineshma, the post-graduate student of chair «Pedagogical psychology» of the Ivanovo State University (*Kineshma, Russia*).

Alexander G. Shmelyov, PhD and ScD in psychology, an emeritus professor at the Lomonosov Moscow State University, scientific director of the Laboratory 'Human Technologies' (*Moscow, Russia*).

Irina V. Silchenko, PhD in psychology, an assistant professor, department of psychology at the Francisk Skorina Gomel State University (*Gomel, Belarus*).

Natalia Yu. Stoyukhina, PhD in psychology, an assistant professor, department of psychology management at the Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University (*Nizhniy Novgorod, Russia*).

Yury A. Tukachev, ABD, director of the Psychological Center 'Point of Growth' (www.tr-center.ru), vocational psychologist/consultant (*Ekaterinburg, Russia*).

Halina V. Verzhbyok, PhD in psychology, an assistant professor, department of psychology at the Minsk State Linguistic University (*Minsk, Belarus*).

Alexander I. Zelichenko, PhD in physics and mathematics, Institute of Higher Psychology.

TABLE OF CONTENTS

About this release of journal (an opening address of the editor-in-chief).....	3
Kronik A.A., Chuprov L.F. Respected readers and dear colleagues.....	8
Chuprov L.F. Five centuries of the fruitful idea (to the 500th anniversary of the concept of «Psychology»).....	9
 To the History of Concepts	
Kronik A.A. 500 years of the name... Psychology: Thoughts apropos and mini-survey.....	12
Nasinovskaya E.A., Shmelyov A.G., Chuprov L.F., Kronik A.A., Tukachev Y.A. Fragments of the discussion on the report by A.A. Kronik at the Expert Internet Community of Psychologists	15
Rybalko V.V. On the clarification of the meaning of the concept 'psychology'	19
Salnikova N. E. Concepts «psychology» and «soul» in life's creativity of the psychologist on the basis of the analysis of the book Evgenii Elizavetinoj «The Gold Child. A Confession of the Psychologist».....	23
 To the History of Problems	
Batyrshina A.R. Periodization of the history of domestic psychology of will: principles and criteria of its construction.....	29
Verzhibok H.V. The legacy of I.S. Kon: Differentiation and varieties of gender relations.....	33
Klypa O.V. The sociocultural determinant of the genesis of Russian psychology	39
Kononenko O. I. Theoretical models of the study of the perfectionism of personality in foreign psychology	42
Kornienko A.F. Psychology as a science - what is it about?.....	50
Silchenko I.V. Historical aspects of the problem of awareness and experience of intra-group relationships in the domestic psychology	55
Hakimova G., Avezov Sh. To the question of the evolution of art consciousness	60
Chagova M.A. History and modern development of a problem of tolerance to uncertainty in psychological science.....	65

Chuprov L.F. The impetuous 90-s and development of psychological service in Khakassia	74
Shadricheva A. I. Features of interpersonal attraction in youthful age.....	78

To the History of Methods

Kronik A.A. Projective methods in personality research	85
Rodina N.V. The Wartegg Drawing Test. A history of its creation and development.....	90
Romanov I.V. The history of Q Methodology development within the context of subjective perception study.....	97
Sabanin P.V., Chuprov L.F. The standardized technique (test) of E.F. Zambatsjavichene: 30 years.....	105
Stojuhina N.JU. Methods for research on the efficiency of the influence of advertisements and posters in the Soviet psychotechnics.....	112

To the History of Psychologists

Breeskin J. My professional genogram	124
Danilov Y.S., Belobrykina O.A. The essence of a psychological mechanism of motivation by V.G. Leontiev.....	132
Chuprov L.F. Touches to the biography of Maria S. Pevsner	138

Psychology at the Crossroads: Constructivism, Theology, Philosophy of Science, and Practice

Golovakha E.I., Kronik A.A. The theory of psychological time and principles of constructive psychology (from introspective reconstruction to construction of knowledge).....	157
Zelichenko A.I. Psychotheology: A not-classic interpretation of biblical texts.....	160
Mazilov V.A. The one who found its name. Prospects of psychology. Reflections during the anniversary.....	179
Salnikova N. E. Future psychology today. Psychological service in educational institutions.....	184

Scientific Archive

Kronik A.A. Tracing the roots of psychology (1986, 1987).....	202
Chuprov L.F. Psychological education of psychologists and psychotherapists of the city of Chernogorsk (analysis of publications from 1984 to 2003).....	206
Kronik A.A. Epilogue or postscript.....	228
Authors	233 / 236
TABLE of CONTENTS	6 / 238

— • —

Five Hundred Years of Using the Concept of 'Psychology' in Literature, Art, Science and Practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic). Proceedings of the International Scientific Extramural Conference in Chernogorsk (Russia), 12 January 2014 – 30 December 2014 / A.A. Kronik & L.F. Chuprov (Eds.) // The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia. The appendix: «PEM: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. – № №1.sr-4 (digest). – 244 p.

This volume is compiled by The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia and the Institute of Causometry LifeLook.Net. It presents the materials of the scientific conference dedicated to 500 years of using the concept of 'psychology' in literature, art, science and practice (upon the fact of the first mention of this word in the bibliography of works of Marko Marulic). The first time anniversary conference on the name of 'psychology' attracted different researchers from Russia, Belarus, Ukraine, Uzbekistan and the USA, whose papers are presented in this collection.

— ● —

Библиографические ссылки

PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 1.sr;
URL: <http://pem.esrae.ru/2>

PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 2.sr;
URL: <http://pem.esrae.ru/3>

PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 3.sr;
URL: <http://pem.esrae.ru/4>

PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 4;
URL: <http://pem.esrae.ru/5>

Кроник А.А., Чупров Л.Ф. (соредакторы). Пятьсот лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic): материалы Международной (заочной) научной конференции (Черногорск, 12 января 2014 года – 30 декабря 2014 года) ЭНЖ «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». – 2014. - №№ 1.sr-4 (дайджест). – 244 с. // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири; URL: http://bulletinppfdc.1gb.ru/?page_id=2505 (дата обращения: 30.12.2014).

Научное издание

«PEM: Psychology. Educology. Medicine»

Материалы международных научных конференций

Ответственный за выпуск *А.С. Щукин*.

© Выпускающий редактор *Г.В. Вержибок*, 2014.

Объем: 10,5 а.л. Формат А5 (140 x 205 мм).

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири,
(дизайн внутри текста) 2014.

ISSN 2312-9352

УДК: 15.01.13

П99

